

Екатерина Оленева

Цикл Элленджанты
часть первая

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДОЖДЬ

городское фэнтези

Узнать, что ты не просто одна из многих, что ты последняя представительница древнего рода, наследница огромного состояния — это удача? Стать невестой красавца, что может являться только в мечтах — это счастье? Но судьба не дарит подарков. У всего своя цена. И войдя в Хрустальный дом, Катрин пробуждает древнее проклятие. Ничто не будет, как прежде. Кто одержит в итоге верх — ангел или демон? Что окажется сильнее — любовь или похоть? Уйти от судьбы? Изменить её? Сбежать или остаться? Вопросов больше чем ответов, а времени на решение всё меньше.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДОМ

*В той норе во тьме печальной
Гроб качается хрустальный...*

1. Линда. Командировка в Эллинг

Спайд-Корпарейшен располагался в огромном двадцатиэтажном здании, словно вылепленном из металла и стекла. Сверкающая, напоминающая ледяную вершину, глыба.

Зеркала отразили Линду в полный рост сразу же, как только она вышла из лифта — точенная фигурка, красивое личико. Классическая серая юбка-карандаш, белоснежная блузка — ничего лишнего.

Перед кабинетом с надписью: «Клод Клайд» дожидалось очереди с десятков соискателей.

Опытный взгляд Линды определил, что на большинстве из них часы дороже, чем весь её гардероб. Но, упрямо сжимая зубы, она направилась к секретарю за стойкой:

— Добрый день. У меня назначена встреча с мистером Клайдом в половину девятого.

— Вашу визитку, пожалуйста? Одну минутку, мисс.

Секретарша, стуча каблуками, прошла по скользким плитам и исчезла за дверью.

Вернувшись, с приветливой улыбкой сообщила:

— Мистер Клайд ожидает вас.

Распрямив спину, старательно игнорируя косые взгляды, Линда последовала за своей проводницей.

— Мисс Филт? — приветствовал её Клод Клайд. — Садитесь, — кивком указал он на стул.

Всё в кабинете выглядело холодным и чистым, даже стерильным, включая хозяина.

— Как оговорено в условиях приёма, я принесла портфолио, — дрогнувшей рукой протянула папку Линда.

Собственные достижения, казавшиеся до сего момента вполне внушительными, при взгляде на мистера Клайда съёживались до мизера.

Босс даже не стал делать вид, будто документы Линды его чем-то заинтересовали.

— Филт — это ваша первая фамилия? — неожиданно спросил он.

— И пока единственная.

Линда не понимала, куда он клонит.

— Кем вам приходился Теодор Филт? — последовал новый ошеломляющий вопрос.

— Отцом.

— В своё время, если не ошибаюсь, он работал на Фабиана Сангрэ? Бывшего мэра Эллингтона?

— Многие из тех, кто жил в Эллингтоне, работал на Фабиана Сангрэ.

Только кому-то повезло остаться в живых, а отцу Линды — нет.

Об этом говорить она точно не хотела.

Со дня смерти родителей прошло двенадцать лет, но старая рана в сердце так и не затянулась. Слишком резко из любимых папиных дочек они с Меридит превратились в никому не нужных бедных сироток.

Стоило органом опеки выяснить, что отцовская страховка не покрывает оставленных им долгов, участь сестёр Филт оказалась предрешена и незавидна.

— Я не понимаю, какое отношение мой отец имеет к сегодняшнему соисканию? — сдавленно выдохнула Линда, судорожно сжимая пальцы.

— Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо: мне вас рекомендовала Серена Фальконе. Она сказала, что обязана Теодору Филту и хочет позаботиться о будущем его дочери. Я не могу отказать её просьбе. Но если вы получите работу, вам придётся вернуться в Эллингтон. Вы к этому готовы?

— Почему нет?

Мистер Клайд недовольно вздохнул:

— Мне велено нанять вас, мисс Филт. Но не стану скрывать — я считаю, что ваш возраст и, как следствие, отсутствие должностных компетенций, делает вас неподходящей для этого дела кандидатурой.

— Что за дело?

— О вступлении в наследство.

Линда расслабилась.

Уж что-что, а помочь принять кому-то наследство навыков у неё хватит!

— Напрасно вы так улыбаетесь, мисс Филт. Вы ведь понимаете, что нашими клиентами являются непростые люди? Речь идёт о колоссальных суммах. Вы когда-нибудь слышали об Элледжайтах?

Вопрос мистера Клайда, в который раз, заставил Линду растеряться:

— Я мало интересуюсь фольклором и легендами, сэр.

— Легендами? Фольклором?! — фыркнул мистер Клайд. — Вы знаете, что более тридцати процентов акций в этой самой компании, где мы сейчас с вами сидим и разговариваем, принадлежит Элледжайтам? И земля под этим зданием — тоже. Да если изъять суммы, которыми владеют эти мифические миллионеры, самолёты перестанут летать, строительные фирмы — строить, кинокомпании — выпускать фильмы. А вы говорите — легенды? Иногда род пресекается по мужской линии, фамилия принимает иное звучание. Всё это создаёт честным юристам головную боль. Словом, мисс Филт, вам предстоит поехать в Эллингтон и разобраться со всем этим. Если, конечно, вы хотите работать в Спайд-Корпарейшен?

— Можете в этом не сомневаться, — отрезала Линда.

Рейс № 5, обслуживающий маршрут Дэвисон — Эллингтон, должен был взлететь примерно через пятнадцать минут.

Пассажиры занимали места, протискиваясь друг за другом по проходу между рядами

кресел.

Линда дисциплинированно пристегнула ремень безопасности.

Симпатичная стюардесса обратилась к ней с вежливой улыбкой, предлагая чем-нибудь скрасить полёт:

— Не желаете ли кофе или апельсиновый сок?

— Ничего не надо.

Как всегда, перед полётом Линда нервничала.

Она не любила терять контроль над ситуацией, а самолёт контролировать не могла.

— Тогда, может быть, желаете полистать журнал? — не унималась стюардесса.

— Оставьте, пожалуйста. Спасибо.

С первого же разворота глянца сверкала улыбкой Серена Фальконе — жена министра внутренних дел, занимающаяся благотворительностью, ежегодно делающая внушительные пожертвования приюту для бедных, ведущая патронаж Закрытой Школы для девочек, да и просто удивительная красавица.

Линда взирала на неё со смесью восхищения и неприязни.

В какой-то мере Серена воплощала в себе всё то, чего она хотела для себя.

Вот только мало кто знает, что добродетельная супруга Андреа Фальконе и единственная дочь Фабиана Сангрэ, в узких кругах известного как Кровавый Барон, одно и то же лицо.

Линды помнила, как Серена приходила в день похорон отца.

Её сопровождал названный брат, Рэй Кинг.

Молодые люди были в почти одинаковых чёрных брючных костюмах и непроницаемых солнцезащитных очках.

В памяти Линды сохранился звук, который издавали при ходьбе высокие, острые каблуки Серены — чёткий, холодный, слишком звонкий в глухом царстве мёртвых, звук.

Свет, ворвавшийся в распахнутые двери вслед за Рэем и Сереной, не смог проникнуть далеко, и остался лежать у входа жёлтой заплаткой.

Серена и своему спутнику сделала знак отстать.

Она шла вдоль ряда скамеек, держа узкую спину очень прямо. Белое, как у вампира, лицо резко контрастировало с тёмными локонами и солнцезащитными очками.

Серена положила на крышку гроба алые гвоздики.

Юная Линда тогда ещё подумала, что цветы похожи на саму незнакомку — такие же прямые, хрупкие, сдержанные и привлекающие внимание.

Оказывается, через столько лет эта странная особа не забыла о них с сестрой? Оставила негласную рекомендацию в Корпорации Спайд?

— Извините, мисс?

Линда открыла глаза, выныривая из тёмного облака воспоминаний.

Взгляд остановился на по-прежнему улыбчивом лице стюардессы в зелёной униформе:

— Не желаете ли более крепких напитков?

— Нет, благодарю. Хотя... принесите, пожалуйста, чашечку кофе.

Шёпот реактивных двигателей внушал уверенность — ровный, размеренный.

На коленях лежал журнал, с разворота которого продолжала спокойно и уверенно улыбаться Серена Фальконе.

Линда вздохнула и перевернула страницу.

— Ваш кофе, мисс, — осторожно протянула стюардесса чашку с бодрящим напитком.

Линда обожала кофе.

Тонкий аромат молотых кофейных зёрен всегда прояснял сознание.

Не позволяя себе иметь дурных привычек вроде курения или увлечения спиртным, она баловала организм кофеином, временами поглощая его в больших количествах.

Попивая напиток мелкими глотками, Линда вновь задумалась.

Эллингтон — незабываемый город.

Перед внутренним взором встал их белоснежный дом на Второй Линии — дом, где у каждого члена семьи, даже у шестилетней Мередит, была отдельная комната.

Дом, окружённый газоном и аккуратным белым штакетником.

В рождественскую неделю вся округа светилась яркими огоньками, становясь похожей на Сказочную улочку с пряничными домиками.

Весной в распахнутые окна вливался бодрящий ветер, напоённый запахом сирени.

Мать Линды обожала сирень. И отец был рад рассадить кусты вокруг дома.

Всегда улыбчивый, жизнерадостный, он махал на прощание рукой перед тем, как сесть в свой спортивный порше.

Машина отца выглядела слишком агрессивно на уютной, белой кукольной улице. А мамин респектабельный белоснежный мерседес вписывался в неё идеально.

Страсть к однотонным цветам Линда унаследовала именно от матери-корейки — Лиен Ким.

От неё же сестрам Филт достались узкие кукольные личики с высокими, мягко очерченными скулами, нежными тонкими чертами и словно светящейся, фарфоровой кожей.

«Мой нежный Лотос», — обращался отец к матери.

Он не переставал её любить даже после пятнадцати лет брака.

Любил до самой смерти.

Линде казалось, что её родители представляют собой идеальную пару: нежная, игривая, как кошка, Лиен, натура артистичная и творческая — художница, музыкантша, писательница (ей легко удавалось совмещать в себе все дары Психеи) — и мужественный, трезво мыслящий Теодор Филт, надёжный, как скала, ни разу не нарушивший обещания. Прекрасный отец, муж, семьянин.

Они дополняли друг друга, как черная и белая половина инь-янь, как вода и пламя.

Когда всплыла правда о том, кем её отец был на самом деле, в душе Линды словно что-то надломилось. Для четырнадцатилетнего подростка, склонного к максимализму, оказалось невозможным совместить два образа: светлый — отца и чёрный — головореза Кровавого Барона.

После смерти родителей, когда выяснилось, что за девочками нет ни гроша, Мередит определили в приёмную семью, а Линду — в приют.

Жизнь превратилась в ад. Вспоминать об этом не хотелось.

Линда не сломалась только из-за Мередит. Она жила мыслью о том, что сделает всё, но не позволит сестрёнке очутиться в этом рассаднике зла.

Жизнью Линды стала её работа и однажды дела пошли в гору.

Может быть этим она обязана Серене Фальконе?

Не прошло двух часов, как длинный белый пассажирский авиалайнер начал снижаться.

Стоило выглянуть в иллюминатор и можно было увидеть передвигающиеся автомобили и вспыхивающие в сумерках огни.

Справа от самолёта промелькнула группа мотелей аэропорта, слева — монумент с рестораном в центре.

— Всего доброго, — пожелала Линде на прощание улыбаясь стюардесса.

— И вам того же, — кивнула Линда.

Заходящее солнце слепило глаза.

Обоняние раздражало сотни запахов, приятных и не очень: духи, лосьоны, табачный дым, мыло, химчистка, бензин.

Следуя за потоком пассажиров Линда прошла в огромный зал с длинными, сплошными окнами и проходами прибытия и посадки.

Ряды кресел в большинстве своём пустовали, лишь некоторые из них были заняты пассажирами, ожидающими рейса.

С потолка ярко светили флуоресцентные лампы.

Рекламные щиты приветствовали вновь прибывших слоганами: «Смотрите Индастрисс-канал», «Курите Мальборо», «Пейте Кока-колу».

Стоило ступить в вестибюль с вывесками ПРИБЫТИЕ и ОТЛЁТ, как из багажного отсека поспешили вывести сданные пассажирами вещи.

— Простите, — нахмурился проводник на вопрос Линды, — но вещи мисс Флинт уже отправлены согласно полученному распоряжению.

— Но я не давала никаких указаний!

— Распоряжения отдал я.

Театральность появления незнакомца усиливалась его обликом — брюки, свитер с высоким воротом, модно состриженные волосы — всё чёрного цвета.

— Мисс Филт, если не ошибаюсь?

— Верно, — кивнула Линда. — С кем имею дело?

— Мистер Калхаун, поверенный Синтии Элленджайт.

Линда по инерции пожала протянутую руку.

— Я не предполагала встретить сопроводительный эскорт.

Мистер Калхаун не пожелал ответить на улыбку.

— Мы ждали, что вы прилетите утренним рейсом.

— Необходимо было закончить кое-какие дела. Сожалею, если доставила вам беспокойство.

— Госпожа Элленджайт не любит ждать.

Как только они подошли к светлой Тайоте Хайлендер Калхаун распахнул перед Линдой дверцу.

Садиться на ночь глядя к незнакомому мужчине, пусть и презентабельного вида?

Уловив колебания Линды, он процедил сквозь зубы:

— Хотите, чтобы я предоставил вам рекомендательные бумаги, мисс Филт?

Проклиная себя и сложившуюся ситуацию, Линда нырнула в бело-кожаное нутро автомобиля.

— Здесь рано темнеет, — зябко повела она плечами.

— В это время года не раньше девяти. Просто сейчас надвигается буря, поэтому небо такое чёрное.

Линда не была суеверна, но приближение грозы показалось ей плохим предзнаменованием.

— Надеюсь, мы успеем быстро добраться до места? Судя по перепаду давления заваруха

будет серьёзной.

Калхаун не ответил, следя за дорогой.

Вдалеке уже посверкивали молнии, но в городской суете они выглядели не слишком пугающе.

Однако, когда, обогнув основной въезд, они двинулись по шоссе на север, Линда снова ощутила волнение.

Калхаун вёл машину аккуратно, не превышая скорости.

По соседней полосе со свистом пророскочил мощный мотоцикл фирмы «Харлей Дэвисон».

Удар грома прогремел раскатисто и словно совсем рядом.

— Что б тебя! — выругался Калхаун, рефлекторно ударяя по тормозам, когда мотоцикл вильнув, подрезал их. — Недоумки! Уши бы им оторвать!

Следом за громом разразился ливень.

— Далеко ещё? — встревоженно спросила Линда, мимолётно подумав о том, что мотоциклисту сейчас уж точно приходится несладко.

— Обычно около получаса езды. Но из-за погоды добираться придётся дольше.

Дождь лил как из ведра, темнота сгущалась.

Снова сверкнула молния, на этот раз совсем близко. Оглушительно прогремело.

Линда непроизвольно дернулась.

— Это всего лишь гром, мисс Филт. Что же будет, когда...

— Когда — что?!

— Вижу, вас не слишком хорошо проинструктировали?

— Если вас интересует, меня просветили, что речь идёт о...

Машину круто занесло.

— Что вы делаете?! — вскричала Линда. — Мы вот-вот перевернёмся!

— Дорога плохо держит. Практически никто ею уже и не пользуется.

— Так чёрта лысого было нужно по ней ехать, раз это опасно?!

— Синтия Элленджайт хочет встретиться с вами немедленно, а другого пути к её дому нет.

— Слушайте! — раздраженная до потери самообладания, сказала Линда. — Может быть лучше остановиться? Переждать, пока буря стихнет?

— Хорошо если она к утру уляжется.

Через четверть часа они прибыли на место.

Дождь продолжал лить с такой силой, что дом казался размытым потоками воды.

К главному входу вела вереница невысоких ступеней.

— Сюда, мисс Филт.

За порогом их дожидалась новая лестница. Покрытая узорчатым ковром, она поднималась вдоль правой стены. За тяжелыми, коричневыми шторами, закрывавшими окна, продолжал громыхать гром. Всё вокруг казалось декорацией к фильму ужасов.

— Сюда, прошу вас, — снова распахнул Калхаун очередную дверь, и Линда вошла в комнату.

Первое, на чём задержался взгляд, был овальной формы стол со свечами в канделябрах.

Пляшущие язычки пламени позволяли рассмотреть внутреннее убранство — расписанные под старину стены, потёртые портьеры на окнах, истлевший ковёр.

От матерчатой обивки стульев исходил застарелый запах плесени.

— Вот, наконец, и вы, мисс Филт.

— Миссис Элленджайт?

Женщина стояла в густой тени. Разглядеть какие-либо детали в её облике было невозможно.

— Миссис? Увы, нет. Я не дожила до этого почтенного звания. Хотя и «мисс» мне тоже вроде как не подойдёт?

Фигура выдвинулась вперёд, вступая в дрожащий круг света.

Линде показалось, что для женщины госпожа Элленджайт слишком высока ростом — почти на голову выше неё самой.

Лицо красивое. Изящно очерченные скулы, аккуратный носик, глаза, походившие на кошачьи — овальные, узкие, чуть-чуть загнутые вверх с внешних уголков.

«Она совсем молодая!», — с удивлением подумала Линда.

Волосы и кожа у хозяйки дома были не просто светлые — белоснежные.

Чёрное платье средней длины выглядело целомудренно, но при этом облегало фигуру с вызывающей откровенностью перчатки.

Украшением служили длинные нити чёрного жемчуга и белые кружева.

Синтия улыбнулась.

Охваченная сиянием, распространяющимся от свечей, она выглядела одновременно и безумной и похожей на ангела.

— Вам нравится моя внешность, мисс Филт?

Линду удивил вопрос.

— Красота — моё наследие. Как и порфирия. Благодаря моему заболеванию я не переношу свет ярче, чем этот. Межродственные браки, бывшие в ходу у моих бабушек и дедушек, дали такой вот замечательный результат. Видите, — развела руками Синтия, — моя необычность объяснима. Болезнь не слишком распространена, но достаточно хорошо известна, чтобы вы больше меня не боялись.

Глаза Синтии насмешливо блеснули:

— С чего начнём? Пожалуй, с того, что приглашу вас со мной разделить ужин. Вы ведь наверняка успели проголодаться?

— Час поздний. А мне нужно успеть вернуться в город.

— Ещё нет и десяти. Эту ночь вы переночуете у меня. Неразумно покидать надёжное укрытие в такую бурю.

Спустившись по всё то же изогнутой лестнице вниз, они оказались в пыльном царстве столовой.

Фрески на стенах здесь давно потускнели, но, взглядевшись, можно было увидеть изображение огромного дома, скорее даже прекрасного замка, под куполом хрустальной крыши.

— Я не держу прислугу в доме, — поведала Синтия. — К этому часу горничные уже расходятся, так что обслуживать будем себя сами. Вы не против?

— Нисколько.

От стола распространялся чудесный запах, сразу заставивший Линду вспомнить о том, что она не ела последние восемь часов.

Неровный свет высвечивал белоснежную скатерть. На равном расстоянии друг от друга стояли большие белые тарелки.

— Добро пожаловать, — сказала Синтия, занимая пустующее кресло.

Линда последовала её примеру и погрузила ложку в тарелку с супом.

На вкус тот был приятным, но напоминал концентрат.

— Вы знаете, Элленджайты очень древний род? — заговорила Синтия. — Преемственность поколений в моей семье насчитывает, как минимум, пять веков. Но мы закончили бесславным вырождением. Возможно всё дело в моём богатом воображении, мисс Филт, но я думаю, что мы прокляты. Знаете, что такое проклятие?

— Словесная форма, содержащая пожелание бед и несчастий? — предположила Линда. — Вербальный ритуал, имеющий целью магической силой слова нанести обиду недругу, наслав на него злой рок?

Синтия рассмеялась:

— Проклятие — это возмездие за вполне заслуженную ненависть, вызванную палачом у жертвы. А Элленджайтов слишком многие ненавидели.

Молния на этот раз сверкнула будто прямо в комнате.

От удара грома задрожали тарелки на столе, заметались язычки пламени на свечах.

Линда вздрогнула, хоть никогда не считала себя впечатлительной особой.

— Да, мой род древний, — вещала Синтия как ни в чём небывало. — Теперь никто уже не сможет даже просто назвать имена всех его представителей, изображенных на фамильных портретах Кристалл-холла.

Да и сам Кристалл-холл давно уже словно усыпальница. А когда-то он походил на жилище богов.

Дом и по сей день полон реликвий. И пусть замок не охраняется, вот уже больше ста лет не находится храбрецов, отважившихся мародерствовать там, где некогда ходили мы. Славное было прошлое. Но вы, мисс, судя по всему, никогда не слышали легенду об Элленджайтах?

— Не слышала.

— Счастливица. Вы можете жить сегодняшним днём, не оглядываясь. А я, признаться, иногда чувствую себя улиткой, вынужденной тащить на себе груз бывшего величия фамилии и её дурной славы. Эллленджайты обладали таинственной властью над окружающими. Они умели читать мысли. Любые раны на их телах закрывались в считанные минуты. Они видели во мраке как кошки и никогда ничего не боялись.

В истории моей семьи найдётся всё: победы на теми, кто осмеливался нам перечить. Жестокость до бессердечия не только с врагами, но и с теми, кто считал нас за друзей. Бесчисленные обольщения мужчин и женщин.

Честолюбие и амбиции Эллейнджайтов не знали границ. Их вождения не под силу удовлетворить ни раю, ни аду. Соблазнять, сбивать в пути, подчинять — единственное, что доставляло радость их тёмным душам.

Листая семейные реликвии и предания, я иногда думала, что мои предки не люди, а истинное порождение ада.

Что иное, как не зло, владеющее ими, могло заставить совокупляться брата с сестрой, дядю совращать племянника, сына — насилловать родную мать?

Инцест, моя дорогая, у нас в обычае. Во время расцвета династии он очищал кровь, умножая силу рода, обостряя метафизические способности. Но в конце концов мы выродились до таких, как я — последних ростков, не способных дать новых побегов. Теней, прячущихся по запылённым углам как мокрицы, потому что солнечный свет уродует наши совершенные лица, оставляя на них клеймо в виде солнечных ожогов. Свет убийственен для

порождений тьмы.

Синтия выдержала паузу, какое-то время безмолвно наблюдая за мечущимся языком пламени на фитиле свечи.

— Я владею несметным богатством. Состоянием, величину которого большинство людей не в силах себе представить. Словно старая дракониха из древних сказок храню его для истинного владельца. Ты нужна мне, чтобы его отыскать.

— Простите?..

— Согласно древнему завещанию только мужчины могут наследовать легат целиком. Женщинам дозволено выступать в качестве временного распорядителя. Ну, а поскольку у меня, в следствии моей болезни, никогда не может быть детей, а сама я уже успешно разменяла четвёртый десяток, думаю, пришла пора искать следующего хранителя.

— Вы хотите, чтобы я помогла вам найти наследников?

— Наследник давно уже найден. Все, что тебе нужно — связаться с ним. Убедить вернуться в Эллинж. Одним из главных условий наследия является проживание наследников в Кристалл-холле — родовой резиденции Элленджайтов.

— Вы тоже живёте там?

— Там никто не живёт уже более ста лет. Потребуется немалое вливание денежных средств, чтобы вернуть Кристалл-холлу если не было величие, так хотя бы приличный вид. То, что когда-то было жемчужиной края, теперь почти руины. Если вы согласитесь заняться ещё и восстановлением Кристалл-холла, я готова щедро заплатить. Подумайте над этим.

Синтия прищурилась:

— Вы, Линда, станете связующим звеном, мостом между прошлым и будущим. Конечно же и речи быть не может о вашем возвращении в Дэвисьон. Я слышала, у вас там осталась сестра?

— Мередит учится в медицинском колледже Дэвисьона.

— А в Эллинже есть медицинский институт. Поскольку вам необходимо где-то жить, я сняла в аренду дом ваших родителей. Если успешно сработаемся (в чём я не сомневаюсь) получите родовое гнёздышко в личную собственность. Скажем, это станет частью нашего с вами расчёта. Ну, и наконец, с учетом того, что придётся покрывать большие расстояния в короткое время... у вас есть водительские права, мисс Филт? Вот ключи. Автомобиль у ворот. Можете пользоваться услугами моего водителя, а если пожелаете, садитесь за руль сами. И последнее — кредитная карта. В начале месяца, до десятого числа, я буду перечислять денежные средства. Если их окажется недостаточно, свяжетесь со мной по номерам в папке. На этом, если у вас нет ко мне вопросов, я предпочла бы закончить нашу занимательную беседу, мисс Филт.

Линда. Тени

Спальня размерами напоминала стадион. И была почти такая же уютная. Хорошо ещё хоть — чистая.

Несказанно повезло оказаться здесь в начале осени — в зимнюю ночь усталый путник рисковал обернуться в ледышку.

Особенно порадовало наличие отдельной ванной с почти горячей водой.

Комната оказалась угловой. Звуки бури слышались здесь словно с усилением и Линда не могла заснуть.

Она потянулась к папке, отданной Синтией.

В ней обнаружили адреса, фотографии и характеристики.

«Катрин Кловис»

Имя при рождении: Катрин-Анн.

Дата рождения: 12 ноября 1982 года (19 лет).

Место рождения: Франция, Страсбург.

Гражданство: Франция, Канада.

Образование: Общая государственная школа.

В настоящий момент проходит обучение в колледже N., медицинский факультет.

Знание языков: французский, английский.

Увлечение, хобби: естественные науки, фотография, лыжный спорт.

Личная жизнь: не замужем.

Религиозные взгляды: римско-католическая церковь.

Линда взглянула на фотографию девушки — красиво очерченные пепельные брови, густые тёмные ресницы, белокурые вьющиеся волосы.

Приятно посмотреть.

Там же, в папке, Линда нашла отчёты о крупных инвестициях с приложением статистических сравнительных таблиц за последние пятьдесят лет и договоры на долгосрочную аренду крупных участков земли.

Арендовалась не только земля, но и постройки на ней.

Среди них числились крупные бизнес-центры, рестораны, гостинцы, публичные дома, магазины, развлекательные комплексы.

Всё это приносило суперприбыль почти ежегодно.

Мозг Линды заработал, как компьютер, сверяя, сопоставляя, анализируя цифры, имена и детали: недвижимость в Лос-Анжелесе и Нью-Йорке... финансирование крупнейших курортов... торговые комплексы в Палм-Бич, Беверли-Хиллз... кондоминиумы в Майами и на Карибских островах — инвестиции, инвестиции, инвестиции!

Фирма, приславшая отчёт, вела дела Элленджайтов больше века.

Её основателем числился некий Амадей Элленджайт, заложивший основы компании в призрачно-далеком 1821 году.

Линда перелистывала документы, поражаясь.

Методы работы фирмы она сочла консервативными, но, как свидетельствовал полученный результат, они были эффективны.

В сущности, всю масштабность проделанной работы можно было оценить, лишь увидев размеры состояния, о котором шла речь.

Слушая Синтию, Линда полагала, что та рисуется, но теперь воочию убедилась — скорее уж приbedнялась.

Осторожная политика фирмы, направленная на сохранение и защиту состояния, а не на расширение и развитие, дала пышные всходы. Капитал такого масштаба оказался ограждён от инфляции и иных неблагоприятных факторов, так что его увеличение сделалось естественным и безостановочным. Внедрение во все новые и новые сферы мировой экономики довело сумму на счетах Элленджайтов просто до астрономических вершин.

Линда снова поглядела на хрупкую девочку в студенческой форме.

Вот она — скромная наследница состояния, размеры которого давно перевалили за сотни миллиардов долларов.

Когда Катрин Кловис об этом известят, будет ли она обескуражена? Почувствует ли себя неловко? Или безумно обрадуется?

Узнав истинное положение вещей, что она сделает? Останется пассивным наблюдателем? Или со временем захочет знать всё внутреннее строение системы, до мельчайших подробностей, с тем, чтобы с медицинской точностью разложить перед собой на анатомическом столе и тщательно исследовать весь финансовый организм?

Ветер и дождь стали потихоньку стихать, или Линда привыкла к ним, но буря уже не казалось такой сокрушительной.

Часы внизу, в утробе дремавшего дома, зловеще проскрипели три раза.

Сознание фиксировало отдалённое завывание ветра в трубе, монотонный стук капель по стеклу.

Потом, должно быть, Линда уснула. Иначе чем объяснить то, что за этим последовало?

Яростные порывы ветра сотрясли дом. Спальню залило потусторонним синим светом, и Линда увидела мужской силуэт.

Незнакомец был худощав, бледен, светловолос. Он стоял удивительно прямо, опустив руки и словно разглядывая её.

Линда, вздрогнув, вскочила на ноги и видение рассеялось. Желая мыслить рационально, она решила, что заснула, да ещё и с документами в руках. Бросив взгляд на электронные часы, отметила, что времени без четверти пять.

Остаться в спальне было жутко. Линда решила скоротать время до рассвета в библиотеке.

Полки заполняли внушительного вида фолианты в коричневых переплетах с золотым тиснением по бокам: «1745», «1746», «1748».

На обложке каждого тома выгравировано золотом: «Эллейнджайт».

Десятки, может быть даже, сотни людей с этим именем — обладатели белоснежных шевелюр и словно высеченных талантливой скульптурой, сказочно прекрасный лиц.

Бесчисленные дедушки, дядюшки, кузены неведомой Катрин.

Наверное, в этих талмудах находится информация о том, кто кому кем приходится? Откуда взялся? Как жил? И почему, в итоге, умер?

Неожиданно между старинными фолиантами Линда наткнулась на современную книгу и в недоумении потянула её на себя.

«Легенда об Эллейнджайтах», Лиен Ким.

Она с удивлением смотрела на улыбающееся лицо матери, безлико глядящее с форзаца.

Перевернув страницу, пробежалась взглядом по ровным печатным строчкам:

«Большинство источников указывает на то, что Эллейнджайты принадлежали к тем, кого в Пятикнижии, неканонических еврейский книгах, а также в книге Еноха называют нефелимами.

В некоторых источниках это слово переводится с древнееврейского, как исполин, но согласно более глубокой трактовке означает: «тот, кто приводит к падению других».

В раннехристианских источниках словом нефелим обозначили существ, появившихся в результате связей «сыновей Господа» (в некоторых толкованиях — ангелов) и «дочерей человеческих».

«В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди.

(Быт.6:4)

Слово «нефелим» до сей поры переводится по-разному. Иногда, как «отличный от других», в других источниках отмечается как «павший».

Во времена до Потопа падшие ангелы вступали в связь с жёнами человеческими, и от той связи рождались гибриды — человекоподобные существа с изменённой генетикой, проявлявшейся в различных мутациях.

По описаниям они красивы, обладают стройными худощавыми телами и шелковистыми волосами.

По свидетельству древних источников эти существа отличаются большой страстью к сексу и различного вида извращениям, нередки среди них случаи мазохизма.

Почти все нефелимы бисексуальны, хотя и имеют разделение на мужской и женский пол.

Среди специфических особенностей нефелимов отмечают следующее: ускоренная регенерация, способность к телекинезу, ментальные проявления, такие, как возможность читать мысли или вызывать навязчивые образы у подчиненного объекта, подавление воли, через тактильный контакт (прикосновение) вызывать определённые положительные чувства у людей (любовь, тепло, уверенность, смелость), облегчать ощущения негативные (боль, страх, тоску).

Нефелимы способны длительное время обходиться без воды и пищи.

Одной из ключевых их особенностей является то, что сами они не могут генерировать силу, поэтому прибегают к внешним источникам».

Линда в недоумении смотрела на книгу.

Что это за бред?

Почему её мать интересовалась этим?

А главное, почему эта книга хранится здесь?

Она в задумчивости пролистала ещё несколько страниц.

С изображений дагерротипов, ферротипов, первых фотографий, глядели потрясающе привлекательные мужчины и женщины.

«История семьи Элленджайт необычна, зачастую таинственна. Она содержит в себе множество непонятных, странных факторов...

...Ричард Эллейнжайт в пятнадцать лет стал вникать в дела фирмы, постепенно приняв на себя управление. Ещё в столь нежном возрасте доказав, что отлично подходит на роль управляющего, он всю жизнь оставался преданным делу...

... Анжелика, Стелла и Эмма росли счастливыми и беззаботными. Их детство прошло, утопая в роскоши. Девочки могли наслаждаться всем, что только мог предложить Эллинг в пору рассвета...

...Эдуард прослыл опасным повесой. Его главным развлечением стали бесчисленные дуэли...

...Ральф покинул Кристалл-Холл и прожил какое-то время в квартире в Западном Квартале с компаньоном, который, как выяснилось позже, тоже принадлежал к побочной французской линии Элленджайтов и, по слухам, был братом небезызвестной Софии Ленгрэ...

...На момент свадьбы со своей кузиной, Анжеликой Элленджайт, которую скандально известный Ральф отбил у своего соперника и кузена Ричарда, счастливый жених уже был отцом двух сыновей.

Со старшим сыном разница в возрасте у них не составляла и четырнадцать лет.

Ходили упорные, хоть и негласные слухи о том, что он прижил его от собственной матери, Джудит Элленджайт.

Матерью второго сына Ральфа — Винсента, стала Эстер Пилле, красавица испанке знатного кастильского рода...

...Через год у молодых родилась дочь, Снежана Эллейнджайт, удивительная красавица, нежный белокурый ангел...

...Антуан, по многим официальным источникам, нажил состояние путём захвата чужого имущества. Он пиратствовал в южных морях. Владел четырьмя каперскими фрегатами: «Быстрый», «Могучий», «Морская волшебница», «Немезида».

...в 1828 году женился на Джемме Элленджайт...

... Элленджайты были непревзойдёнными наездниками и фехтовальщиками, отлично играли на музыкальных инструментах, обладали врождёнными способностями к живописи...

... Элленджайты устраивали знаменитые приёмы в Кристалл-холле. По великолепию устройства с ними не могли сравниться и празднества в королевском дворце.

...Ричард Элленджайт получал огромные прибыли от выгодных капиталовложений. Он скупал всё новые и новые участки в городе...

...Нельзя не упомянуть о такой грани характера Ральфа, Эжена, Асмадея, как их бисексуальность.

Истории, рассказанные их любовниками, стоят того, чтобы их привести здесь...

... по свидетельствам, Ральф Элленджайт был развратным, жестоким человеком с явными признаками врождённого безумия. Он жестоко и иногда даже прилюдно избивал своего старшего сына. Ходили так же слухи об их вдвойне противоестественной связи».

Линда захлопнула книгу.

Хоть она и пролистала её по диагонали, всё же осталось чувство, будто подглядывает в замочную скважину за чем-то непристойным, пачкая не только взгляд, но и душу.

Смаковать подробности чужой личной жизни — в этом всегда есть неприятный душок.

Солнце взошло, ярко осветив пустую комнату.

В воздухе, наряду с запахом плесени, держался стойкий аромат духов и пудры.

В это самое мгновение Линда вдруг осознала, что она в доме одна, если не считать всех этих бесчисленных Элленджайтов. И слава богу, что она не поняла этого раньше!

На фоне тускло светящегося дверного проёма появился тёмный силуэт:

— Мисс Филт?

— Мистер Калхаун! — с облегчением выдохнула Линда.

— Вы в порядке?

— Я замерзла и, если честно, ошарашена странной обстановкой, но в целом всё отлично.

— Я не предполагал, что вы останетесь ночевать, — словно оправдываясь, сказал он. — Думал, вы после встречи с госпожой вернётесь в отель?

— Учитывая погоду и позднее время, мы решили, что разумнее заночевать на месте.

Спустя три часа они с Калхауном вновь колесили — до Кристалл-холла из Эллингжа было не меньше часа пути.

Дорога частная, но, против ожиданий, вполне сносная, хоть и петляла между пологими горами, как заяц. Асфальтовая лента то шла вверх, делая виток за витком, то спускалась вниз, в тёмно-зелёный тоннель сосен и елей.

Несмотря на то, что потягаться с Кордильерами эти горы-старички, больше напоминающие живописные холмы, не могли, они всё равно производили впечатление.

Поначалу навстречу ещё выезжали редкие автомобили, но потом окрестности полностью обезлюдели.

Вскоре Калхаун припарковался прямо на обочине, заявив, что дальше проезда нет — придётся идти пешком.

Линда проклинала длинные каблуки. Благодаря им у неё создалась впечатление что с пыткой испанскими сапогами она знакома лично. С той, правда, разницей, что претерпевавшие эту экзекуцию жертвы не пытались в своих колодках ходить.

Линда и Калхаун бодро шагали под соснами до тех пор, пока те не уступили место просторному газону перед кованной чёрной оградой, за которой притаилась разрушенная сторожка. Немилосердное время превратило её в грудку кирпича.

За проломленными, провисшими в петлях воротами, дорога снова бежала вдаль.

Выглядела она заброшенной. Приходилось наклонять голову, чтобы не задеть разросшиеся ветки. Кроны деревьев смыкались сплошным сводом. Создавалось впечатление, что тропинку прорубили прямо в лесу, хотя Линда не сомневалась — век назад на этом месте была прекрасная подъездная аллея.

— Вот он, печально известный на всю округу, Кристалл-холл. В народе его до сих пор называют Хрустальным Домом.

У Линды пресеклось дыхание от восхищения.

Дом был прекрасен!

Даже не дом — замок мечты.

Две огромные белоснежные мраморные лестницы, как опустившиеся крылья ангелов, бежали вниз от дома, возвышающегося на пригорке.

Они вели к трём террасам, расположенным одна над другой, подобно висячим садам Семирамиды.

Каждая терраса когда-то была украшена ансамблем из фонтанов, скульптур и клумб. Даже теперь, после векового упадка, всё это продолжало улавливать душу гармоничной красотой.

Дом имел правильную четырёхугольную форму.

В центре возвышался огромный сверкающий купол, похожий на синий кристалл из горного хрусталя.

— Нравится? — с улыбкой спросил Калхаун.

Линда лучезарно улыбнулась — разве такая красота могла не нравиться?

Но как только они оказались внутри, восторга изрядно поубавилось.

Выщербленные мраморные ступени перед входом усыпало мёртвой листвой. С когда-то белых колонн клочьями свисала краска, открывая взгляду чёрные пятна гнили.

Из-за закрытых ставен ничего нельзя было рассмотреть, как следует.

— У входа на крючке висит масляная лампа, — предупредил Калхаун. — Сейчас зажгу.

Линда ощутила не слишком приятный запах масла.

Стоило поджечь фитиль, как яркий свет залил комнату, освещая пол из коричневого мрамора в золотистую прожилку. С потолка латунию поблескивали выпуклые грани светильников.

Влево и вправо вводили большие двери.

Зачарованная, словно кладоискатель, напавший на жилу, или учёный, застывший на

пороге научного открытия, Линда вошла в Хрустальный Зал. Именно над ним раскинулся волшебный синий купол.

Свет, пробиваясь сквозь граненное стекло, рассеивался и преломлялся, создавая впечатление, что ты находишься на глубине океана или в волшебном гроте.

Центром зала была широкая лестница из белоснежного мрамора.

Линда попыталась вообразить, как же выглядело всё это раньше, когда сверкало и переливалось тысячами реальных, а не воображаемых, огней?

Немудрено, что слава о приёмах в Кристалл-холле пережила своих владельцев.

Достав план здания, она попыталась разобраться в схеме. В тонуших во мраке ходах, согласно документу, находились столовая, гостиная, музыкальный и бильярдные залы, библиотека. Слева — бассейн, справа — фехтовальный зал и оранжерея.

Линде казалось, что с каждым шагом она всё сильнее влюбляется в это место.

Лестница вывела их на второй этаж, в широкий и длинный холл, идущий по периметру хрустального купола, спрятанного за правой стеной.

С левой стороны, словно в отеле, располагались многочисленные комнаты. Все, как одна, двери были из красного дерева.

Толкнув одну из них, они вошли внутрь.

Линда отчего-то ожидала, что в комнате будет светло, но окна и тут были закрыты.

Единственным источником света по-прежнему оставалась масляная лампа в руках Калхауна.

Шторы здесь были такие же ветхие, как и в особняке Синтии. Посредине комнаты возвышалась кровать под резным балдахинном. Приблизив лампу к ней, чтобы лучше рассмотреть матрас, Линда чуть не задохнулась от отвращения — с полсотни чёрных насекомых бросились врассыпную

— Тараканы! — визгнула она, отшатываясь. — О, господи! Какая гадость!!!

Попятившись, поспешила выйти.

— В других комнатах почти та же картина, — прокомментировал Калхаун. — Да и что вы хотите, учитывая, сколько времени всё тут пустует без хозяйского-то пригляда? В общем, впечатление о доме вы составили, так что, делать нам здесь больше нечего.

Что ж? Калхаун прав. Цель, с которой они прибыли в Хрустальный Дом, достигнута. Задерживаться не имеет смысла.

Линде казалось, что дом смотрим ей вслед, как брошенный щенок, безмолвно крича: «Что же ты?! Ты же обещала приютить, защитить, а теперь уходишь?».

«Я вернусь, — шепнула она тихо, поглаживая настывшие за века стены. — Я вернусь и помогу тебе. Обещаю».

3. Катрин. Наследство предков

Обитатели колледжа N. занимались привычными делами. Кто-то отправился на утреннюю пробежку, кто-то в библиотеку. Немногие счастливицы просто отдыхали в тени ярких, ещё не успевших сбросить листву, деревьев. Большинство же проводило время на футбольном поле, готовясь к приближающемуся матчу.

Катрин наблюдала за бегающими по полю мальчишками в мокрых от пота майках и волей-неволей прислушивалась к шепотку девиц, сидевших впереди.

Они обсуждали игроков:

— Питт — красавчик. Но если на его смазливую физиономию посмотреть ещё и стоит, то в спальне глядеть определённо не на что! — смеясь, делилась с подругами симпатичная брюнетка. — А у Мэтта, скажу я вам, нет ни унции жира. Настоящий жеребец! Знаете девочки, у нас с ним договорённость? Я могу переспать с Мэттом, когда захочу, без всякой этой чуши насчёт отношений.

— Всё это кончится слезами, — невольно сорвалось с губ Катрин.

Троица дружно повернулась в её сторону:

— Ой! Смотрите-ка, кто заговорил! Слезами? Твоими что ли, дурочка? Если уж сидишь и греешь уши, так завидуй молча.

— А что ей ещё остаётся? С её-то сексуальностью монахини?

Катрин чувствовала, как от негодования вспыхнули щёки. Она злилась на себя. Зачем было встревать в чужой разговор?

Не желая оставаться, поднялась и побрела через лужайку, окаймляющую здание колледжа, в сторону тёмной длинной постройке.

В прошлые века здесь была конюшня, а сейчас валялся всякий ненужный хлам.

Любители нарушать дисциплину часто приходили сюда покурить.

Катрин не курила. Она искала уединения.

«Ты просто зануда», — говорила кузина Ирис. — «Прячешься ото всех по щелям, точно мышь».

Ирис могла себе позволить быть общительной, горделивой и даже спесивой. Она никогда не жила у родственников приживалкой при живых родителях.

А Катрин довелось.

Родители окончательно расстались, когда ей исполнилось пять. Но они и до этого жили как кошка с собакой.

Да и кто бы ужился с блистательным Огюстеном Кловисом, который не мог пройти мимо ни одного игрового автомата, карточного стола или проститутки, чтобы тут же не потратить всю имеющуюся в запасе наличность?

За то, что их семейная жизнь не заладилась, Катрин мать не винила.

Но вот за то, что после разрыва с мужем весь круг интересов матери замкнулся исключительно на устройстве личной жизни, Катрин простить не могла.

Широко известны случаи, когда, расставшись, родители рвут друг у друга ребёнка из рук.

То был не случай Катрин.

Отец уступил её матери без боя. Мать пыталась пихнуть Катрин обратно к отцу. И, как мячик из пинг-понга, она перелетала из рук в руки родителей пока не произошёл роковой случай, всё изменивший.

Мать отправилась с очередной «любовью жизни, мужчиной мечты» на Мальдивы, доверив дочь Огюстену. Чтобы он был пай-мальчиком, оплатила его долги и даже оставила экс-супругу кредитку с кругленькой суммой.

Не прошло и двух дней после отъезда Джоанны, как горе-папаша, в очередной раз проигравшись в пух и прах, попытался утопить обиду в алкоголе.

Он наакался до полицейского участка, где и пробыл четыре дня.

Все эти дни Катрин просидела в запертой квартире. Потеряв терпение от беспокойства и, ставшего уже невыносимым, голода, она перелезла на соседский балкон.

Соседи, придя с работы, обнаружили у себя замерзшего, истощённого ребёнка и

разразился скандал. Появились инспектора из социальной службы. Начался процесс, призванный лишить нерадивых родителей их прав.

В тяжбу вмешались родственники со стороны матери.

Дедушка располагал неплохими средствами, но по возрасту в опекуны не годился. Так Катрин оказалась у тёти Элис.

Мамина старшая сестра была женщиной строгой, но разумной. Племяшку не баловала, но и не доставала. Заботилась о том, чтобы у Катрин всё было хорошо.

Но Катрин никогда не забывала своего места, в то время как Ирис просто купалась в родительской любви.

И вот Катрин здесь. Овладевает желанной профессией. По-прежнему трудолюбива, разумна и — незаметна.

Вечная серая тень.

Начался дождь. Пришлось покинуть здание, крыша в котором походила на решето.

Катрин выскользнула в дверной проём и по тропинке, огибающей кромку круглого озера, зашагала к виднеющимся вдали корпусам колледжа.

Гравий поскрипывал под кроссовками. Ветер трепал волосы, выбившиеся из хвоста.

Солнце исчезло как-то вдруг и сразу. Мир сделался сумрачным, но нельзя сказать, что неуютным, просто большинство красок будто размыло, лишив очертания предметов привычной чёткости.

— Мадемуазель Кловис?

Катрин вздрогнула.

Обернувшись на окликнувший голос увидела, как широкими шагами к ней приближается мистер Форест, ректор колледжа.

— Мадемуазель Кловис? Где вы пропадаете? К вам приехали. Мы ищем вас уже около часа.

Сердце Катрин испуганно сжалось.

Память услужливо нарисовала ужасающую картину: их с Ирис останавливают посередине школьного коридора и вежливый, бесстрастный голос повторяет ту же фразу, слово в слово:

— Мадемуазель Оуэн? Мадемуазель Кловис? Где вы пропадаете? К вам пришли.

Тогда, прямо в кабинете директора, им с кузиной сообщили об автокатастрофе, в которой погибли дедушка и отец Ирис, муж тети Элис, Бертран Оуэн.

— Мадемуазель Кловис?

Темнокожая рука мистера Фореста чуть сжала запястье, возвращая Катрин в день сегодняшний.

— Вы в порядке?

— Что? — непослушными от ужаса губами спросила Катрин. — Скажите мне, что случилось?!

— Не волнуйтесь так.

Видя искреннее недоумение в тёмных глазах мистера Фореста, Катрин немного успокоилась.

В ректорском кабинете их дожидалась неизвестная Катрин дама.

Овальное лицо с точеными скулами, цепкий взгляд и профессиональная уверенность в каждом жесте невольно внушали к незнакомке уважение.

— Линда Филт, — представилась она, поднявшись при появлении Катрин и протягивая руку для пожатия. — Адвокат из Спайд-Корпорейшен.

— Спайд-Корпорейшен? — нахмурилась Катрин. — Что такой известной компании могло потребоваться от меня? Я персона маленькая.

— Думаю, скоро ваш социальный статус поднимется, мадемуазель, — тонко улыбнулась мисс Филт. — Согласно сведениям, хранящимся в этом кейсе, даже дочь президента не так богата, как вы.

Последовали объяснения. Долгие и доходчивые.

— Я — наследница Элленджайтов? — недоверчиво покачала головой Катрин. — Вы шутите?

Линда дернула бровью, будто говоря: «Разве поехала бы я в такую даль, чтобы глупо шутить?».

— Вы действительно прямой потомок Эллейнджайтов, мисс Кловис. И поскольку других наследников не осталось, поезжайте в Эллинг, подпишите документы и вступайте в наследство. Ну, улыбнитесь же! Разве вы не рады?

— Рада?

— Богатству принято радоваться.

— Как-то сложно всё это так вот, в одночасье...

Ничего не переменилась.

Она оставалась прежней Катрин Кловис.

Пока все эти сухие цифры, миллиарды, сказки про волшебные замки для неё ничего не значили — пустой звук.

Мисс Филт говорила о том, как придётся покинуть колледж, что Катрин, если пожелает, может пригласить с собой тётю, кузину, и даже взять любимую кошку.

Что беспокоиться не о чем — сотрудники фирмы Спайд-Корпорейшен обо всём позаботятся.

Всё, что требовалось от самой Катрин, это поселиться в Эллинже, в Хрустальном Доме.

Красота кухни Ирис никого не оставляла равнодушным — одного восхищая, у другого вызывая возмущение.

Кому бы не хотелось иметь такие же длинные стройные ноги, как у Ирис Оуэн? Кого не пленила бы мягкая грация сытой пантеры, с которой девушка передвигалась?

Можно ли винить мужчин за то, что взгляды, помимо их воли, останавливались на высокой девичьей груди?

Добавить к этому цветущее, яркое, даже в отсутствии макияжа, личико и становилось понятно почему столько голов оборачивалось в её сторону.

Мужчины хотели Ирис Оуэн. Женщины желали ею быть. И Катрин Кловис, черт возьми, не была исключением!

Трудно жить рядом с совершенством и не сделаться сварливой, точно старая карга.

Катрин изрядно извиняло то, что у мисс Популярное Совершенство был, ой, какой непростой характер.

Ирис считала, что, раз уж Катрин живёт приживалкой у них в доме, у неё светлые волосы и рыбий темперамент, то она должна во всём уступать ей, такой звёздной и великолепной.

Катрин же, признавая за Ирис все её многочисленные достоинства и болезненно

осознавая собственные недостатки, всё-таки не сдавалась и отстаивала свои права.

Конфликт интересов достигал апогея после чего обычно следовал взрыв.

В детстве доходило до драк. Теперь обыкновенно заканчивалось ехидными пикировками.

Дядя Бертран успокаивал тётю Элис, заверяя, что как только девочки повзрослеют, это пройдёт.

Но «это» не прошло.

Глухая неприязнь, тайное соперничество с годами разгорались лишь жарче.

— Мои поздравления. Какого чувствовать себя в роли миллионерши? — не удержалась от очередной шпильки Ирис, как только представился случай.

Кузина вызывающе покачивала острой шпилькой в нескольких дюймах от голени Катрин.

Сиреневые, как фиалки, яркие глаза взирали с иронией. Одним только этим взглядом Ирис умела выразить своё отношение к Катрин: «Даже все миллионы мира не превратят тебя во что-то стоящее, серый мышонок».

— Как ты отнеслась к шикарной новости, Кати?

Губы Ирис, похожие на два изогнутых лука, вновь сложились в насмешливую улыбку:

— Дайка попробую догадаться? Наверное, ты сделала это с обречённым достоинством?

— Тебе смешно?

— А тебе нет?

Ирис строптиво тряхнула головой, отчего её тёмная грива разметалась по точёным плечикам. В отдельных прядях под солнечными лучами вспыхнули огненные красноватые искорки, словно отблески пламени.

— Тебя же не пыльном мешком из-за угла огрели — тебя озолотили. Будь я на твоём месте, я бы радовалась. Ну почему ты, Катрин? Почему? Ведь это моя мать старшая сестра. Мама, а не тётя Джоанна!

Поезд извернулся неуклюжей гусеницей, въезжая на железный мост, оглушительно грохоча колёсами.

Город был красив. Не сказочно, нереально прекрасен — просто хорош собой.

Прибудь они на пару месяцев позже, застали бы Эллинж окутанным ноябрьскими хлябями, серым и скучным, а так повезло увидеть его в ярком убранстве. Газоны и парки демонстрировали все оттенки жёлтого: от бледно-лимонового до кроваво-красного. Улицы утопали в клумбах.

Дома, преимущественно многоэтажные и фундаментальные, располагались квадратами вокруг дворов. Главные улицы сияли витринами. Отовсюду выглядывали манекены, светились зазывающие буклеты. Рекламировалось всё что угодно — от чашечки кофе до шубы из серебристого песка.

Такси остановилось у отеля — настоящего небоскрёб из современного мегалополиса.

Внутри посетителей встречало обилие гранита да чёрные двери в стиле хайтек с молочно-белые стёклами, сверкающими, точно слюда.

Блестели позолотой раздвижные дверцы лифта. Люстры сияли от света.

Когда зашли внутрь номера, Катрин лишилась дара речи. Только в кино да в романах могла существовать подобная роскошь!

На следующее утро Катрин была вынуждена отправиться с кузиной по магазинам.

Ирис была непоколебима — им нужна новая одежда.

Стеклянный рай магазинов в Эллинже сильно отличался от маленьких киосков, где кузины одевались раньше. Тут можно было пропадать с утра до вечера, примеряя то один, то другой наряд, наслаждаясь осознанием того, что можешь позволить себе всё, что душе угодно!

Непривычно было при выборе безделушки не подсчитывать деньги. Покупая туфли на «непроходимых» каблуках не беспокоиться, что завтра окажешься босиком. Купить понравившуюся брошку сумочку, несмотря на то, что она девятая по счёту, и к тому же не подходит ни к чему из гардероба.

Утомившись, Катрин присела в ожидании Ирис.

Кузина копалась в отделе ювелирных украшений.

— Нравится?

Припархав бабочкой, Ирис продемонстрировала Катрин колечко с крупным изумрудом. Катрин бы одобрила любой выбор. Затянувшийся на много часов шоппинг надоел ей до тошноты.

— Ирис, у меня сегодня собеседование у профессора Скотта, — напомнила она.

— Так это ещё через два часа. Бездна времени.

— Нужно отвести всё это барахло домой. Да и я была бы не против перекусить.

— Внизу отличный кафетерий.

— Мы едем домой! — взбунтовалась Катрин. — Мне необходимо собраться с мыслями.

— Я тебя умоляю! Даже если ты будешь в ответ на профессорские вопросы тупо мычать, как корова, тебя всё равно примут. С такими бешеными деньгами, как у нас теперь, можно ни о чём не беспокоиться.

— Мне нужно, чтобы меня приняли за мои знания, а не за деньги!

— Ерунда, — отмахнулась Ирис.

— Я уже достаточно времени провела за твоим шмотьём. Всё! Возвращаемся, — решительно заявила Катрин.

Главный корпус ЭМУ (Элленжайского Медицинского Университета) располагался в старинном трехэтажном здании. К нему вела мощёная красными плитками дорожка, простирающаяся между широких полос газона. Живым лабиринтом с двух сторон от дороги поднимались аккуратно подстриженные кусты бирючины.

Вход в здание сторожил памятник — змея, поднявшая голову над кубком с белым крестом.

У кабинета ректора Катрин обнаружила, что она не единственная соискательница. Перед ней заняла очередь хорошенькая брюнетка. У девушки была симпатичная стрижка с забавными завитушками вокруг лукавой, как у лисички, мордочки, прямой аккуратненький носик и пухлые, как у ребёнка, губы.

Запоминающейся деталью в облике незнакомки стали крупные серьги, явно бижутерия, но броская.

— Привет. Тоже переводитесь? Откуда? — обратилась незнакомка к Катрин.

— Из Фюргесона.

— А я — из Дэвисьона. Вы ведь из Канады? Говорят, там дают отличные базовые знания?

— Я слышала, что здесь образование на ступень выше.

— Поживём, увидим, — улыбнулась девушка. — Я Мередит.

— А я — Катрин.

Мерedit умела нравиться. Немалую роль в её обаянии играла улыбка, светящаяся и открытая. Шарма добавляли тёплые огоньки в ореховых глазах.

— Рада, что мы встретились, Катрин. В компании всегда приятнее. Предлагаю продолжить знакомство после собеседования, чем бы оно не закончилось? Примут, выпьем по чашечки кофе; нет — по бутылочке пива?

— Я не пью, — сказала Катрин, а потом поправилась, боясь показаться занудой, какой её всегда представляла Ирис. — Обычно не пью. Но ради особого случая можно сделать исключение.

— Я тоже не фанат горячительных напитков. Кофе отличный способ поддержать беседу Мистер Скотт, лысоватый толстячок, принял девушек любезно.

— Рад новым студенткам, мисс Филт, мадемуазель Кловис, — по очереди пожал он им руки. — Талантливые молодые люди всегда ценное приобретение. Добро пожаловать в ЭМУ.

— Ну? — с улыбкой обернулась к ней Мерedit, когда собеседование осталось позади. — Пошли? Тут неподалеку я заметила симпатичный кафетерий.

Над просторной верандой раскинулся алый навес. Под ним притулились квадратные столики под розовыми скатертями.

— А тут ничего, уютно, — оглядевшись, вынесла резюме Катрин.

Мерedit, небрежно отбросив сумку на соседний стул, потянулась за меню.

— Закажем пиццу или суши?

Катрин задумалась. Пицца — лишние калории, а суши она не любила.

— На твоё усмотрение.

Мерedit не стала препираться, решив проблему кардинально: заказала и то, и другое.

— Твоя фамилия Филт? — задумчиво протянула Катрин. — Мой поверенный адвокат носит такое же имя.

Мерedit отбросила с лица разлетающиеся под ветром кудряшки.

— Линда Филт? Это моя сестра.

Катрин окинула новую подругу недоверчивым взглядом:

— Вы непохожи.

— Просто ты мало знаешь нас обеих, — Мерedit упрямо тряхнула головой. — Представляю, что ты сейчас обо мне думаешь?

— Ничего не думаю, — поспешно проговорила Катрин, краснея под весёлым взглядом новой знакомой.

— А я бы на твоём месте думала. Но, хочешь верь, хочешь нет, я пытаюсь подружиться с Катрин Кловис, а не с наследницей Элленджайтов.

— Я рада, что мы познакомились, Мерedit. Вдвоём приспособливаться к переменам легче.

Подошедший официант заставил девушек на секунду примолкнуть. Когда он отошёл, они продолжили беседу.

— Какого чувствовать себя Золушкой? — вопросительно вскинула брови Мерedit.

Катрин ответила с лёгкой усмешкой:

— Я бы скорее сравнила себя с Алисой в Стране Чудес.

Смех у Мерedit был легкий, как колокольчик.

— Ты уже была в том красивом-красивом-красивом доме? В Кристалл-холле?

— Нет, — ответила Катрин.

— Линда говорила, он чудесный, но чудовищно запущенный. Они пропадают там с Калхауном целыми днями. Мне так хотелось попроситься с ними, но я стеснялась. Не было повода.

— Думаешь, я за повод сойду?

— Конечно!

— Поедем вместе?

— Поедем! — радостно засмеялась Мередит.

4. Ирис. Школа для избранных

Вытряхивая одну коробку за другой, передвигая плечики на вешалках в шкафу, Ирис с упоением копалась в новых, только что купленных, вещах.

Платье не годится (легкомысленно), костюм — тоже (слишком строго). Юбки — одни короткие, другие длинные. Брюки отказывались сидеть, как хотелось бы. В общем, всё катастрофически двигалось к тому, что одеть нечего.

— Милая? — постучалась в дверь Элис. — На дорогах ужасные пробки, а ты пока не слишком опытный водитель. Может, лучше выехать пораньше?

Едва взглянув в лицо дочери, мать тяжело вздохнула:

— Что-то не так?

— Я должна в школе произвести впечатление! А мне нечего одеть!

— Вы вчера с Катрин всё утро проторчали в магазинах. Да и с твоими внешними данными ты в любом наряде будешь великолепна.

— Великолепна? В этой школе для богачей наверняка все словно с видеоклипов сошли! А я?! У меня даже нормальной причёски нет! У себя в школе я была популярна, и здесь собираюсь добиться того же. Я с первого взгляда на себя хочу показать, чего стою. А для этого нужно быть хорошо одетой! Понимаешь?

— Ладно, — терпеливо вздохнула Элис. — Давай подберём тебе наряд вместе.

Спустя час, перебрав гардероб по косточкам в сотый раз, было принято решение остановиться на универсальном варианте: светло-молочных брюках, водолазке, куртке и модных туфлях на удобном каблук.

Ирис впервые села за руль одна, без инструктора, мамы или хотя бы Катрин. Эйфория от того, что отныне она сама себе хозяйка и рулит, как захочет, перемешивалась с тенью страха где-нибудь напортачить.

Дорога была ровной, как стрела и гладкой, как скатерть.

Мимо мелькали аккуратные домики, нарядно окаймленные зеленью.

К зданию школы вела широкая аллея с лавочками, клумбами и фонтанчиками. На ней толпился народ. Взгляд Ирис невольно выхватил фигуристую блондинку в платье цвета морской волны — наряд куда более облегающий и короткий чем те, что Ирис отвергла как легкомысленные.

Почти все места на парковке оказались заняты.

Когда Ирис уже начала встраиваться в ряд, раздражённый звук клаксона заставил её резко затормозить. Со скрипом, вызывающим у любого нормального человека панику, рядом промчалась шикарная спортивная машина без верха, нагло затормозив на облюбованном Ирис месте.

— Что б тебя! — сорвалось с губ.

Маневрировать между разметочными полосами и чужими бамперами с её-то опытом вождения было рискованно.

Но вариантов не оставалось.

Наконец-то припарковавшись, Ирис, бодрясь, вошла в школу.

Начать следовало с регистрации на новом месте.

— Сборная по плаванию, группа поддержки спортивной команды, обозреватель в школьной газете, театральная студия, совет и в первой восьмерке по успеваемости? Хм-м! Да вы почти круглая отличница. Ваши достижения впечатляют, мисс Оуэн. Но я бы рекомендовал вам быть готовой к тому, что здесь всё может сложиться не так радужно. Поверьте, я вовсе не хочу умолять ваших достоинств, но наша школа особенная. В ней предъявляются очень высокие требования.

— Да, сэр, — кивнула Ирис.

— Если что-то случится, сразу обращайтесь ко мне.

— Конечно, сэр.

Громкий звонок оповестил о начале занятий.

— Поторопитесь, или опоздаете на первый урок, — сверкнул директор очередной дежурной улыбкой, протянув Ирис листок с расписанием.

На выходе в дверях она столкнулась с учительницей, чуть ли не волоком тащившей на себе парня в потёртых джинсах и косухе, разукрашенной вдоль и поперёк железными заклёпками.

Прическа у парня была примечательная. Впереди волосы сострижены чуть ли не под ноль, а сзади сбегают узкой дорожкой до самых лопаток. Да ещё и кончики окрашены в цвет марганцовки.

Таких странных типов Ирис прежде видеть не доводилось.

И меньше всего она ожидала увидеть нечто подобное в школе «предъявляющей очень высокие требования».

— Мистер Милано, — на повышенных тонах обратилась учительница к директору, — объясните молодому человеку ограничения на приём алкоголя на территории школы! Я уже не говорю о ношении оружия!

Мистер Милано вежливо подтолкнул Ирис за порог кабинета.

Дверь плотно закрылась.

Первым уроком в расписании числилась биология. Преподавал её чудаковатый полный господин с окладистой, курчавой бородой, кустистыми бровями и очками в широкой оправе.

— Места выбирайте обдуманно, — ворчливым тоном бубнил он. — Сосед по парте будет вашим напарником в течение года.

Ирис решила занять предпоследнюю парту в конце ряда.

И сразу же об этом пожалела.

Парни за её спиной агрессивно выясняли отношения. Похожий на крысёнка пацанёнок в красном свитере трясся, как осиновый лист, пока второй, накаченный, как горилла, заломив товарищу руку угрожающе цедил:

— Семьдесят, Барри! Семьдесят долларов. Иначе я тебе руку сломаю. Или, ещё лучше из твоих яиц серёжки сделаю.

— Сани, отвали! У меня нет денег! — стонал Барри.

Повернув голову, Ирис могла видеть, как Сани оскалился усмешкой гиены:

— Нет жалких семидесяти баксов, Барри? Да что ты?

— Нет, — заскулил пацанёнок. — Правда нет, Сани. Клянусь тебя... а-а! М-м-м...

Судя по звукам Сани перешёл от слов к действию.

— Сказал, гони деньги или сейчас сожрёшь собственный палец, — садистки пообещал неумолимый Сани.

— Не надо!

Многие в классе бросали косые взгляды в сторону конфликтующих.

То, что учитель никак не реагировал на происходящее, было в высшей степени странно.

Не мог же он ничего не замечать?

В прежней школе Ирис инцидент давно бы перешёл в плоскость с участием взрослых, и его участники были бы наказаны.

А здесь учитель предпочитал не вмешиваться.

Не в силах дальше слушать эти стенания, не привыкшая никого бояться, Ирис вмешалась:

— Слышала, будто нужно быть миллионером, чтобы ходить в эту школу, но не воспринимала это так буквально.

Сани уставился на Ирис, на мгновение позабыв о пальцах несчастного Барри.

— Ты что-то сказала?

У Сани было смазливое, но неприятное лицо. Судя по смуглой коже и крупным чертам в нём чувствовалась примесь латинской крови.

— Разве не очевидно, что у Барри нет востребованной тобой суммы?

— Если у него нет денег, он найдёт свои яйца в тисках.

— А на своем законном месте они тебе что, спать мешают?

Ирис прикусила язык, заметив опасный огонь, вспыхнувший в чёрных глазах.

— Хочешь, я заплачу за него? — предложила она.

Сани глянул угрожающе, в упор, да так, что не робкого десятка Ирис стушевалась.

— Отвали.

Лицо у парня было раскрашено.

Веки по линии ресниц подчеркнуты коричневым карандашом, на губах красная краска — не помада, больше похоже на грим. Наносилось явно не с косметической целью. Напоминает угрожающей татуаж древних племён.

К слову, татуировка тоже была. Чуть ниже кадыка на шее красовался синий до черноты, искусно нарисованный скорпион с изогнутым в боевой стойке хвостом.

Перехватив взгляд Ирис Сани угрожающе поиграл бровями:

— Долго будешь тарашиться? Я же тебе уже сказал: отвали.

— Господа! — наконец-то вмешался учитель. — Хотите присутствовать на моих уроках? Тогда вам придётся вести себя прилично.

В слегка дребезжащем голосе не хватало уверенности.

— Я тут занят делом, — лениво протянул Сани. — Пытаюсь стробовать со Скусна оставленный им должок.

— Только не на моем уроке, Сани! — вместо возмущения в голосе толстяка звучала мольба. — Только не на моём уроке.

— Ладно, не ссы.

За подобное обращение к учителю в Канаде из школы любого ученика исключили бы в

два счёта.

Воистину Америка страна демократии и толерантности.

Когда после урока Сани покинув класс, Ирис вздохнула с облегчением.

— Девушка? Эй, девушка?

Обернувшись, Ирис встретилась взглядом с той самой блондинкой в платье цвета морской волны, которую заприметила ещё на парковке у школы.

Не совсем уверенная, что обращаются именно к ней, Ирис вопросительно приложила руку к груди, жестом как бы спрашивая: «Вы мне?».

Блондинка, улыбнувшись, кивнула:

— Я заняла место. Не хотите сесть со мной?

— Вы уверены, что ни с кем меня не перепутали? — на всякий случай уточнила Ирис. — Мы не знакомы. Я новенькая.

— Это и без пояснений понятно. Никто из стареньких не стал бы встречать в разборки Скорпионов. Себе дороже. Я — Фиби.

— Я Ирис.

Фиби какое-то время смотрела изучающе, а потом спросила:

— Ты глупая? Или крутая?

— А есть разница?

— Крутых пруд пруди, а вот каждый адекватный человек здесь на счету. Я сама недавно в Эллингге, но могу с уверенностью сказать: местная публика — это нечто. Ненормальный город. И ненормальная школа.

— Много богатеньких знаменитостей всякое о себе возомнивших?

— Знаменитости тут сидят тихо, как мышки. А вот от ссор с Сани Баккетом тебе лучше воздержаться.

— Вы все сидели и просто позволяли избивать этому Баккету, кем бы он ни был, несчастного тощего доходягу. Никто слова поперёк не сказал, включая учителя. Да что с вами, ребята? Вам так жалко семидесяти долларов?

— Сани — он из банды Скорпионов.

Фиби сказала это так, словно всё уже объяснила.

— Понятия не имею, о чём ты, — пожала плечами Ирис.

— Скорпионы — банда чокнутого сыночка Рэя Кинга.

— И о таком не слышала.

— Услышишь, — безрадостно пообещала Фиби.

— Может, обрисуешь ситуацию? Хотя бы вкратце?

— Скорпионы — свита Кинговского сыночка. Ты его ещё увидишь. Он учится вместе с нами, но ошастливливает школу присутствием крайне редко, демонстрируя, что у него есть дела поважнее учёбы.

— И какой он, этот Царь Скорпионов? — усмехнулась Ирис.

— По сравнению с ним Сани добрая милая дворняга, — ответила Фиби. — Будь осторожна, Ирис Оуэн. С лёгкой руки Сани Скорпионы могут заточить на тебя зуб. Один неверный шаг — и ты пропала.

— Спасибо за предупреждение.

— На здоровье, — кивнула Фиби.

После физики в расписании Ирис стояла литература. Её преподавали в соседнем здании, значащемся на схеме, как корпус В.

От постройки к постройке вела потрескавшаяся асфальтовая дорожка. Внутренние дворы разделяла сетка рабицы.

«Как в тюрьме», — подумала Ирис перед тем, как завернуть за угол.

Там её ждал сюрприз.

Сани Баккет и ещё трое ребят стояли и курили, ни от кого не таясь.

Заметив Ирис, Сани легко, одним прыжком перепрыгнул невысокий металлический заборчик и преступил ей дорогу, грубо хватая за руку.

— Эй, красавица, постой-ка!

Ирис с вызовом глянула на раскрашенное лицо:

— Отвали!

— Отвалить? Ну нет! Всегда хотел знать, на что годятся заносчивые смазливые сучки вроде тебя.

Сани грубо облапил Ирис, не обращая внимания на её возмущение и попытки высвободиться.

Сильным толчком в плечо швырнул её к стене, зажимая в угол между стеной и забором.

— Что ты делаешь?! — возмутилась Ирис. — Оставь меня в покое!

— Оставь меня в покое, — глумливо передразнил он Сани, наваливаясь сверху, как медведь.

Ирис извивалась, выдиралась, кусалась, лягалась, но, к её ужасу, усилия не приводили ни к чему.

Хуже того, они давали обратный эффект — Сани только больше распалялся.

Он был силён, как бык.

Никогда раньше не попадавшая в такой переплёт Ирис понятия не имела, что мужчины настолько сильнее женщин.

Ярость уступила место дикому ужасу. Да он же сейчас изнасилует её прямо в школьных кустах, в нескольких метрах от директорского кабинета!

Стыд какой! Какое унижение!

Она этого не перенесёт!

Помощь подоспела так же внезапно и неожиданно, как случилось нападение.

Что-то тяжелое промелькнуло со свистом, отбрасывая Сани от Ирис. Послышались глухие, тяжёлые, резкие звуки ударов.

Трое друзей Сани рванулись на помощь.

Обернувшись на звук приближающихся шагов, нежданный избавитель открыл насильнику Ирис спину и Сани, не мешкая, попытался схватить противника.

Тот, ловко воспользовавшись неожиданно предоставленной опорой, оторвал ноги от земли и со всего маха заехал в лицо нападавшим, отшвыривая их от себя.

Резко отведя локоть, зарядил Сани по рёбрам, заставляя его с кряхтением согнуться.

Всё происходило так быстро, что до Ирис не сразу дошло — её спаситель вовсе не парень.

Это девушка.

— Сандра?! — хрипло выдохнул Сани, с трудом пытаясь разогнуться.

В первый момент Ирис показалось, что её новая знакомая просто ужас какой страшная. И только потом до неё дошло, что на самом-то деле девушка красива настолько, что мозг фиксирует это как аномалию.

Завораживающий контраст составляли чёрные глаза и золотые косы, уложенные

ракушкой вокруг головы.

Цвет волос было чистейшим золотом, без примеси пепла. Сияние тёплое, как чистая капля янтаря, искрящаяся в солнечных лучах. Было видно, что здесь не работали ни парикмахер, ни стилист — такой цвет достался Сандре от природы.

При этом кожа девушки выглядела бескровно-белой, как у тех, кто большую часть времени проводит под землёй.

К тому же Сандра была странно одета. С ног до головы фигуру обливал чёрный, блестящий, будто покрытый лаком, комбинезон. Украшением ему служили уже ставшие почти привычными металлические штыри, куда более уместные на кастетах, чем на женской одежде.

На ком-то другом подобное одеяние, возможно, смотрелось бы кричаще и даже глупо, но Сандра выглядела опасной — холодной и равнодушно жестокой, как нож.

Лишь взглянув на неё, Сани обмяк:

— Что ты здесь делаешь?

— Мешаю вам совершить очередную глупость.

Голос у Сандры был интригующе низкий, с бархатной хрипотцой.

— Эта сучка осмелилась вмешаться в наши дела! Я требовал законный долг со Скунса, а она полезла, куда её не просят.

— Она новенькая. Просто не знает правил, — возразила Сандра.

— Незнание законов не освобождает от ответственности. И это не я сказал. Так написано в юридическом кодексе.

— Ты что, идиот, Сани? — презрительно фыркнула девушка. — Согласно этому самому кодексу за изнасилование тебе бы лет пять и впаяли. Ты же не думаешь, что подобное просто так сошло бы тебе с рук?

— Кто посмеет тронуть Скорпиона? Копы не захотят связываться с Энжелом.

— Нет, ты не идиот, — покачала головой Сандра.

Парень довольно осклабился.

— Ты полный законченный дебил. Разве отец не велел вам залечь на дно?

— Энжел...

— Не Энжел контролирует отца, а отец — Энжела. Если вы, дешёвые ублюдки, перейдёте черту, папочка выкосит вас всех, словно сорную траву. И твоему Энжелу ещё повезёт, если не с него начнут.

— Она права, — буркнул черноволосый парень с серёжкой в ушах.

— Какое дело Кингу до наших школьных разборок? — набычился Сани.

Сандра скрестила руки на груди:

— Ты знаешь, кто эта девушка? Нет? А ведь прежде чем набрасываться на людей, нужно хотя бы разобраться, кто есть кто. Она одна из наследниц Элленджайтов. Нужно быть глупцом, чтобы такое игнорировать. Я уже не говорю о моральной стороне вопроса. Вам, животным, объяснять, что хорошо, что плохо — смысла нет. Примите как аксиому: нельзя.

— Мы поняли друг друга, Сандра, — подвёл черту под разговором Сани. — Больше такого не повторится.

Парни ушли, оставив Ирис и Сандру наедине.

— Наверное, мне следует поблагодарить тебя? — обратилась Ирис к своей спасительнице.

Сандра смерила её внимательным взглядом и ничего не ответила.

— Кстати, состояние Элленджайтов наследую не я, а моя кузина, — Ирис оправила одежду и прическу. — Откуда тебе вообще известно, кто я такая?

Сандра склонила голову к правому плечу:

— Элленджайты наши общие предки.

— Выходит, мы с тобой родственники? — захлопала ресницами Ирис.

— Очень-очень дальние. В колене эдак пятом или шестом.

— Но даже такого дальнего родства оказалось достаточно, чтобы ты сегодня вмешалась? Если бы этого не случилось, мне бы пришлось... даже думать об этом не хочется!

— В следующий раз постарайся держаться подальше от неприятностей. Хотя, если ты сумеешь последовать моему совету, ты не Элленджайт. Приключения у нас в крови.

Ирис недоверчиво хмыкнула, вспомнив Катрин. Вот кто с этим словом ну никак не сочетался. А ведь именно Катрин, а не Ирис или Сандра, названа наследницей легата.

— Ты храбрая, — высказала Сандре своё восхищение Ирис. — Я бы, наверное, так не смогла.

— Я действительно не трусиха, но в данном конкретном случае ничем не рисковала. Энжел мой брат-близнец. Если с моей головы упадёт хоть волосок по их вине, он со своих Скорпионов шкуру живьём спустит. В прямом смысле слова.

— Всё равно — спасибо тебе.

— Благодарность принимается, — без тени улыбки кивнула Сандра. — Ещё увидимся.

— Увидимся, — кивнула Ирис в ответ.

Какое-то время она заинтриговано глядела Сандре вслед.

Какая она высокая! Но фигура как у сумермодели, без малейшего изъяна в пропорциях.

Интересно узнать, какой он, брат-близнец Сандры? Сын неведомого Рея Кинга? Такой же красавчик?

5. Ирис. Царь Скорпионов

Школа, «предъявляющая очень высокие требования», не уставала удивлять. Порядки, царящие в ней, человека неподготовленного повергали в шок.

С первых же дней у Ирис создалось впечатление, что учителя ситуацию не контролируют.

Положа руку на сердце, их в этом винить было нельзя — ответственность несла коррумпированная администрация школы. Это она покрывала царящее вокруг беззаконие.

К распоясавшимся деткам срочно требовалось принять меры. Но на радикальные шаги идти не хотели. В результате проблемы замалчивались, скандалы — заминались, а золотая верхушка росла в убеждении своей полнейшей безнаказанности и вседозволенности.

Единственной ценностью в этом обществе представлялись собственные желания. Круг интересов замыкался на бесконечных развлечениях, наркотиках и сексе.

До поступления в «школу, предъявляющую высокие требования» Ирис считала себя человеком, придерживающимся умеренно прогрессивных взглядов.

Проучившись тут две недели, она была готова пикетировать с плакатом в руках, выступая за минимальную толерантность!

Обилие половой активности в школе зашкаливало.

Ирис будто попало в королевство кривых зеркал, где всё простое воспринималось

сложным, привычные ценности выглядели смешными, а пошрое и противоестественное преподносилось как канон.

Никогда прежде не доводилось ей видеть столько сговорчивых девчонок.

Нигде раньше она не сталкивалась с гомосексуалистами воочию.

Секс в раздевалке, секс в туалете, секс в свободном от занятий классе, секс прямо в коридоре. Секс-секс-секс! От него тошнило. Его было слишком много!

Но и разнузданные богатенькие детки знали, что такое страх.

Они боялись — боялись до икоты головорезов из банды Скорпионов. Отморозков похлеще них самих.

Теперь-то Ирис понимала, что в тот первый день повела себя как дура, влезая в осиное гнездо. У неё были все шансы оказаться размазанной по асфальту тонким слоем.

Так бы и случилось, если бы не Сандра Кинг.

Сказать, что брат Сандры был популярен в школе, значило ничего не сказать.

Его именем, словно курящимися благовониями, было пропитано всё вокруг.

Его образ витал в перешептываниях девчонок, в негласном подчинении, царящем на мужской половине.

Как известно, свита играет короля, и местная свита играла его на отлично.

Ирис было очень любопытно поглядеть на Царя Скорпионов.

Случай вскоре представился.

На биологии и математике ничего интересного не произошло. По четвергам всегда были только контрольные тесты.

Преподавателя истории, импозантного мужчину в годах, одноклассники характеризовали, как старого индюка, помещенного на событийных датах.

Из общих стенаний Ирис сделала выводы, что у учителя, человека старой закалки, были твёрдые принципы. Он старался обучить даже такой образчик заскорузлой необразованности, что достался ему в ученики.

Последние сопротивлялись всеми силами, но всё равно были вынуждены подчиняться. Итоговой аттестации даже их родители отменить были не в силах, а от оценки зависело будущее.

История и литература были любимыми предметами Ирис. Она без труда ответила на все вопросы и, сдав тесты, получила разрешение покинуть класс. В ожидании следующего занятия решила не таскать сумку с собой, а оставить её в личном отсеке.

Она как раз заворачивала в коридор с металлическими шкафами-сейфами, когда заметила учителя физкультуры.

Тот тащил на вытянутой руке бедолагу Барри-Скунса, пребывающего под таким кайфом, что на ногах не держался.

— Какой номер у твоего шкафчика? — рычал учитель.

— М-м-м... — Скунс согнулся пополам. — Бу-а-а!

Рвотные массы фонтаном полились на пол.

Разъярённый преподаватель отшвырнул парня от себя, толкнув на металлические шкафы.

— Который твой?!

Скунс воинственно задрал подбородок:

— Не имеете права. Это частная собственность!

— Открывай НЕМЕДЛЕННО!!!

Габариты у физкультурника были внушительные — стероиды, наверное, жрал горстями.

А Скунс не был бы Скунсом, если бы не имел привычки трусливо поджимать хвост перед превосходящими силами противника.

Трясущимися руками он вставил ключ в замок и отворил дверцу.

С того места, где стояла Ирис, содержимое шкафчика рассмотреть было невозможно, но по довольному лицу учителя было видно — он нашёл то, что искал.

— Продажа наркотиков — серьёзное преступление.

Скунс содрогнулся:

— Я не продаю. Употребляю сам.

Учитель по-дружески похлопал ученика по плечу:

— Знаю, Барри, знаю. И сейчас я тебя отучу, сынок, от этой дурной привычки.

Его рука выскользнула из шкафчика и затолкала содержимое ладони Скунсу в рот.

Парень забился в безжалостных руках, но физрук продолжал зажимать рот ладонью, не давая выплюнуть отраву.

— Нет!!! — закричала Ирис. — Что вы делаете?! Прекратите!

От неожиданности учитель дёрнулся, выпуская Скунса из рук.

Воспользовавшись моментом Барри, встав на четвереньки, попытался выплюнуть изо рта всю ту дрянь, что в него впихнули, но стал задыхаться и хрипеть, хватаясь рукой за горло.

— Помогите же ему! — сорвалось с губ Ирис.

Но учитель явно не собирался оказывать помощь. Он угрожающе наступал на Ирис и взгляд у него был, как у маньяка, неменяемый.

— Дотронься до неё, приятель. Давай. Только дай мне повод.

При звуках тихого голоса физрук застыл.

Ирис не сомневалась — на этот раз точно *он!*

Царь Скорпионов.

Энджел был высок, как и его сестра.

Никаких кожаных курток, заклепок-кастетов — презентабельный молодой человек из приличного общества, носящий двубортное серое пальто. В вырезе поднятого стойкой воротника строго светилась белоснежная рубашка.

Барри-Скунса крючило. Глаза закатились, тело свело судорогой как в эпилептическом припадке.

— Уходи, Картерис, — велел Энджел учителю.

Физрук послушался беспрекословно.

Подойдя к Скунсу Энджел опустился рядом с ним на колени. Положил ладонь на лоб, будто проверяя — нет ли жара?

Видимых чудес не происходило, но судороги, сотрясающие тело Барри, постепенно начали стихать. Руки и ноги больше не дёргались в беспорядочном танце. Глаза перестали закатываться, мало-помалу принимая осмысленное выражение.

— Спасибо, Энджел.

Блондин помог Скунсу подняться с пола.

— Я думал мне конец, — всхлипывал Барри, цепляясь за своего спасителя, словно маленький ребёнок. — Этот псих впишал меня доз десять, не меньше!

— Забудь. Всё хорошо.

— Забыть?! Он чуть не убил меня! Энджел, он...

— Не следовало приходить под кайфом в школу. А сейчас — просто иди домой, ладно? С Картересом я разберусь.

Голос у Энджела был приятный, но не имел ничего общего с бархатистыми баритонами, от которых млела Ирис. Тональность была скорее ближе к сладкому тенору.

— Спасибо, Энджел, — ещё раз повторил Барри.

— На здоровье.

Пока юноши беседовали, Ирис без зазрения совести разглядывала Энджела Кинга.

Так же, как и в случае с Сандрой, бросался контраст между золотом волос, пергаментно-белоснежной кожей и чёрными агатовыми глазами.

Худосочным не назовёшь, но не качок — фигура как у воздушного акробата.

Высокий лоб, узкое аристократическое лицо. Скулы высокие, глаза — глубоко посаженные, миндалевидные. Близко над ними тонкие, вразлёт, стрелы бровей. Губы твердые, спокойно сомкнутые, уголки не опущенные и не приподнятые — ровные.

Лишь в очертаниях носа было что-то недоброе, как у хищной птицы.

Повернувшись, Энджел в свой черёд, внимательно обвёл Ирис взглядом.

— Значит, ты и есть та самая новенькая, из-за которой Сандра наваляла Сани? Должно быть ты и есть — девушек с фиалковыми глазами не так много. Может быть, прогуляемся? — предложил он, простирая руку в приглашающем жесте. — Идём?

Ирис, было, заколебалась, но сухие пальцы Энджела уже сжимали её ладонь, не давая времени на раздумье.

Чёрный ягуар завёлся с полуоборота. Они влились в общий поток автомобилей на улицах.

Энджел вёл машину в спокойной, уверенной манере, без рывков и внезапных, резких перестроений из ряда в ряд.

— Куда мы едем? — поинтересовалась Ирис.

— На Набережную. Одно из самых красивых мест в городе. Погода приятная. Или ты настаиваешь на кафетерии?

Ирис не настаивала.

Городской парк был большой, ухоженный.

В воздухе держался сладкий, с привкусом тления, запах петуний. Деревья вокруг были старые, вековые. В их тени укрывались лавки, напоминающие большие диваны с деревянными, закруглёнными кверху, спинками. У каждой скамьи стояли урны, а в самом парке чисто, нигде ни соринки, если не считать первые, упавшие на траву, листья.

Между газонами вились асфальтовые дорожки. По ним чинно прохаживались отдыхающие граждане и голуби. В зелени укромно прятались киоски с мороженым, соками и сладкой водой.

Энджел купил им по стаканчику фруктового шербета.

— Здесь красиво, — поделилась впечатления Ирис. — Эллидж по размерам уступает городу, в котором я жила раньше, но он такой необычный. Лишь переезжая с места на место понимаешь, что у каждого места своя душа.

— Часто путешествуешь?

— Реже, чем хотелось бы.

Энджел усмехнулся:

— И что ты думаешь о нашем городе, Ирис?

— Что думаю? — прищурилась она. — У меня сложилось впечатление, что город

аристократичный, стильный, но где-то в нём есть злая червоточина.

— Меня бы ты охарактеризовала так же?

— Я слишком мало тебя знаю, чтобы характеризовать.

По каменной лестнице они спустились к реке.

Не слишком широкая, почти без движения, серая лента воды пролегала между двумя берегами.

Вдоль правого тянулись кафетерии, лодочные причалы и лавочки. Левый покрывала растительность. Парк там так загустел, что напоминал лес.

С берега на берег вели красивые подвесные мосты.

Под ними, у каменных столбов свай, плавали стаи разжиревших уток. Граждане, предаваясь медитации над водной гладью, частенько сопровождали процесс пожертвованиями в виде кусочков хлеба, что и составляло секрет утиного благополучия.

Вдоль тротуара тянулись лавочки, укрытые зеленью. Чем-то они напоминали театральные ложи, только ниши закрывали не рулоны ткани, а густые заросли можжевельника и вьющихся растений.

— Присядем?

Следуя за Энджелом, Ирис вошла в зелёный грот.

Приятно пахло хвоей.

У каменной основы скамьи стояли оставленные предыдущими посетителями металлические банки из-под дешёвых алкогольных коктейлей.

— До нас здесь побывали свинки, — вздохнула Ирис, присаживаясь.

Энджел сел рядом и её будто окутало облаком дорогого мужского парфюма.

Хотелось закрыть глаза и вдыхать в себя этот аромат, вдыхать бесконечно. До окончания времён.

Свет, пробиваясь сквозь зелёный можжевельниковый полог, окрашивал всё в зеленоватый цвет. На лица ложились солнечные блики.

— Сандра Кинг твоя сестра? — решила Ирис нарушить тяготившее её молчание. — Когда мы с ней разговаривали, она сказала, что вы с нами родственники. Значит, вы тоже потомки Элленджайтов?

— Возможно, — уклончиво ответил Энджел, отворачивая лицо.

— Я слышала, у мужчин в нашем роду есть особенные способности?

— Самую интересную фамильную особенность унаследовала твоя кузина. Всё остальное гораздо менее приятно, поверь мне на слово.

— И всё же, что это за особенности такие?

— Некоторые вещи легче показать, чем рассказать. Думаю, тебе пока этим заморачиваться не стоит.

— Всё так сложно? — приподняла брови Ирис.

— В первый момент шокирует. Правда, потом большинство людей подсаживается, как на наркотик. Почти всем нравится.

— Даже предположить не могу, о чём ты. Хочешь меня заинтриговать?

В смехе Энджела слышались язвительные нотки.

Ирис замерла, когда он обнял её за талию.

Лицо юноши оказалось так близко, но даже с такого расстояния на нём не было заметно пор — гладкая, как шёлк, кожа. И чёрные-чёрные глаза в загибающихся, словно у девчонки, ресницах.

— Что ты делаешь? — спросила Ирис шёпотом.

— Собираюсь тебя поцеловать.

— Я совсем тебя не знаю.

Горькая усмешка скользнула по его твёрдым губам.

— Когда узнаешь, целовать точно не захочешь. Так что потороплюсь воспользоваться моментом.

Наверное, на её месте были тысячи девчонок?

И с каждой он вёл себя подобным же образом?

И всё же Ирис не сопротивлялась, когда Энджел притянул её к себе и коснулся губами её губ.

Лёгкая щекотка от поцелуя словно током потекла по телу.

Ирис целовалась и раньше. Но никогда прежде прикосновение чужих губ не вызывало в ней волшебных ощущений.

Голова кружилась.

Когда Ирис отстранилась, солнечный свет казался нестерпимо ярким. Он бил по глазам так, что хотелось зажмуриться.

— Кажется, одну особенность Элленджайтов ты только что продемонстрировал? — попыталась она за шуткой скрыть охватившее её смятение. — Мужчины из рода Элленджайтов целуются просто божественно.

— Спасибо, — склонил Энджел голову в шутовском благодарственном поклоне. — Семейные предания гласят, что женщины нашего рода всегда для нас будут привлекательнее других. У тебя красивые глаза, Ирис. И когда ты на меня так смотришь, мне хочется целовать тебя снова и снова.

— Что удерживает?

Рука, лежавшая на её талии, сжала стан чуть сильнее, словно предупреждая — провоцировать ненужно.

— Ты сейчас видишь меня с парадного фасада, но стоит лишь открыть двери и всё будет совсем иначе. Я не из хороших парней.

— Серьёзно? Жаль. Такой, как сейчас, ты мне очень нравишься.

Они продолжали сидеть рядом, плечом к плечу.

Ирис чувствовала тепло удерживающей её руки и со сладким недоумением понимала — ей было хорошо.

Хорошо млеть от поцелуев, хорошо сидеть и молчать.

— Чем ответишь на моё предложение сходить вечером в Асторию? — спросил Энджел.

— Что это за заведение?

На этот раз губы Энджела растянулись в усмешке горькой, даже немного злой:

— Астория одна из главных достопримечательностей города. На сегодняшний день туда можно попасть только по приглашению и по протекции действующих членов клуба. Случайных людей там не бывает.

— И чем занимаются все эти неслучайные люди?

— В светлое время суток в Астории открыт ресторан. Блюд такого качества, как там, не подают нигде в городе. Ну, а по ночам там элитный бордель с обширным спектром услуг.

— У меня что, вид девушки, которую можно после первого поцелуя в бордель приглашать?!

— Сегодня там будет представление, красноречиво демонстрирующее наши...хм-м...

фамильные возможности, которыми ты так интересуешься.

Безумием было выслушивать подобное предложение.

Ещё большим безумием было на него соглашаться.

— Ну, что скажешь, Фиалка?

— В какое время случится это феерическое бордельное шоу?

— В полночь, разумеется, — заговорщицки ухмыльнулся Энджел. — В час, когда по традиции восстает нечистая сила.

— В полночь? — нахмурилась Ирис. — Ты, возможно, будешь смеяться, но мама меня не пустит.

— Ты станешь возмущаться, но предлагаю ей ничего об этом не говорить.

Идти неизвестно куда? Неведомо с кем? Непонятно для чего? Никому словом не обмолвившись? Оторвут голову — концов не найдёшь.

Безумие в чистом виде.

— Ну что? — спросил Энджел. — Идёшь со мной или нет?

И Ирис поняла: если скажет «нет», то нескоро его увидит.

— Иду, — сказала она.

6. Катрин. Реконструкция Кристалл-холла

Мерedit дожидалась Катрин у входа. Заприметив новую знакомую, помахала рукой.

Спеша на занятия, девушки, обогнув главный корпус, свернули к непримечательному зданию из красного кирпича. Вывеска «Терапевтическое отделение» озвучивала его назначение.

Внутри было уютно: кресла для посетителей, ковровая дорожка, на подоконниках — цветы, на стенах — плакаты.

День прошёл спокойно. Однокашники проявляли дружелюбие, занятия увлекали. Шесть часов пролетели как одна минута.

— Поедем сегодня в Кристалл-холл? — спросила Катрин у Мерedit.

Та кивнула:

— Когда Калхаун с Линдой договаривались отвести смету управляющему, я упростила их взять нас с собой.

После окончания занятий подруг уже ждали.

— К чему мне следует себя подготовить? — любопытствовала Катрин. — К груде камней?

— Ваше родовое гнездо выглядит элегантно даже несмотря на его старомодность, — заверила Линда. — Сами увидите.

— И мне можно будет войти внутрь?

— Можете ходить где угодно — дом принадлежит вам. Правда, осмотреть всё разом не получится. Кристалл-холл обширен, словно Лувр.

— Какая прелесть! — восхитилась Мерedit. — Обожаю ходить в замки-музеи! Но у нас есть преимущество перед любым туристом. Мы не ограничены в своём любопытстве ни экскурсоводом, ни временем.

— Сейчас в доме работают несколько строительных бригад, — поведал Калхаун. — Пытаются спасти то, что можно. А что ремонту не подлежит, перестраивают заново.

— Дом без жильцов простоял более ста лет. Конечно, нужно немало труда, чтобы

привести его в порядок. Но Кристалл-холл стоит того, — заверила Линда.

Катрин зябко обхватила руками собственные плечи:

— Он такой древний и величественный. Он меня пугает.

— Он всех пугает, — утешила Линда. — Но ты его полюбишь. Я знаю.

Настроение, царящее в машине, было лёгким.

Катрин даже и припомнить не могла, чтобы чувствовала себя так свободно с малознакомыми людьми.

— В доме провели электричество, — отчитывалась Линда. — Всё работает от новейших автономных генераторов. Поверьте, темнота нам больше не грозит. А призраки страшны лишь пока темно.

— Зато зомби прекрасно разгуливает при белом свете дня. У-у-у! — состроила жуткую гримаску Мередит, вытягивая перед собой руки, словно в надежде схватить неосторожного путника.

Катрин рассмеялась, увёртываясь от её объятий.

— Дом большой и запущенный, — продолжала Линда. — Но, когда мы придадим ему современный вид, наполним воздухом и светом, все призраки разбегутся.

Кристалл-холл зачаровал Катрин. Она не могла отвести взгляд от одновременно прекрасного, величественного и устрашающего в своём упадке, замка.

Огромные, разросшиеся и одичавшие вистерии поднимались перед входом. Их стволы подпирали и разрушали толстыми корнями некогда выложенную дорогими плитами дорожку. Скрюченные ветки, словно когти, цеплялись за балконы, переплетались так густо, что под кронами поселилась вечная влага.

Пахло болотом, мокрой землёй, гниющей травой и плесенью.

В лабиринтах листьев запоздало гудели пчёлы в бесплодных попытках отыскать сладкий нектар.

Плещущиеся растения, ещё совсем недавно обвивающие колонны, сорвали и разбросанные у входа, они издавали настолько тяжёлый аромат, что, не удержавшись, Катрин несколько раз чихнула, пока поднималась по лестнице.

Помещение, в которое они вошли, было нереальным.

— Что это? — сорвалось с губ Катрин.

— Сердце Кристалл-Холла, — ответила Линда. — Хрустальный Зал.

Создавалось впечатление, будто они попали в царство льдин, воды, лунного камня или хрусталя — красота, но красота ледяная.

Стоя под высоким куполом, рассеивающим, преломляющим свет, Катрин чувствовала себя ничтожной, словно пылинка.

За очередными раздвижными дверями находилось новое помещение.

— Оранжерея, — прокомментировала Линда.

Зелень разрастись не успела, но было видно, что дизайнер потрудился на славу.

Можно только представить, какое наслаждение будет находиться в этом оазисе в середине зимы, когда вокруг лягут снежные сугробы.

У Катрин не находилось слов, чтобы описать восхищения.

— Нужно будет показать это место Ирис. Она обожает цветы, — только и сказала она.

— Пошли вверх? — с энтузиазмом подхватила её под руку Мередит. — Посмотрим, что там?

Мередит толкала двери одну за другой. Катрин следовала за ней.

В спальнях мебель уже стояла на своих местах, но под чехлами.

В широкой серой горе легко угадывалась двуспальную кровать. На стене висели большие старинные часы, правда, они не показывали времени — стрелки остановились.

В тех комнатах, где ремонт сделать ещё не успели, создавалось впечатление, будто на машине времени унёсся в далёкое прошлое: кровати со столбиками, отстающие от стен обои со старомодными розами в медальонах, пустые пасти каминов.

В распахнутом гардеробе висели почти истлевшие мужские костюмы.

Потянув на себя верхний ящик комода, Катрин удивилась тому, с какой лёгкостью тот поддался.

На полке лежала горкой стопка тончайших белых рубашек. А это — шейные платки, воздушные и лёгкие. Наверное, баснословно дорогие?

Почему они так и сгнили тут без дела?

В дальней спальне штукатурку отдирали со стен старые обои. Прибором для отпаривания, слой за слоем, снимали, обнажая штукатурку.

Монотонный шум будил в душе Катрин беспокойство. Казалось, будто она слышит чьи-то голоса. Кто-то смеялся, болтал друг с другом, настойчиво шептал...

Аппарат смолк.

Голоса резко затихли.

— Тут кажется какая-то фигнулина? — озадаченно почесал затылок детина.

— Где? — откликнулся напарник.

— Не желаете взглянуть? — обернулся один из рабочих к Мередит. — А мы пока перекурим.

Приблизившись к обнажённому участку стены, девушки смогли рассмотреть на ней тусклое изображение Кристалл-Холла. Сиреневых птиц, порхающих над миниатюрными цветами. Круглую луну, окружённую россыпью звёзд, на которых до сих пор сохранились частички серебра.

— Тут вроде замок?

— Где?

— Нарисован поверх потайной дверцы. Видишь? Ура! Я нашла тайник твоих предков! — захлопала в ладоши Мередит.

Склонившись, Катрин тоже удалось рассмотреть швы на штукатурке.

Она огляделась в поисках чего-то острого, чем можно было бы поддеть край.

Мередит деловито протянула отвёртку, с помощью которой тайник легко поддался.

— Что там?

— Какие-то вещи. Украшение, похожее на чётки. Вроде, жемчуг? И, кажется, книга. Переплёт странный. Белая кожа. Ой, Мередит! Ты только погляди? Это просто прелесть! — продемонстрировала Катрин новую находку.

На подставке были закреплены две куклы.

— Похоже на фарфоровые, — выдохнула Мередит.

Фигурки имели подвижные суставы, позволяющие изменять положение их тела, но сами куклы были жестко фиксированы в одной позе.

Черноволосый юноша с капризным личиком Нарцисса стоял на коленях, удерживая в руках на весу белокурую девушку с длинными золотистыми волосами.

Личики куколок были повернуты друг к другу и, если Катрин правильно понимала задумку художника, изображали страсть и нежность настолько, насколько это можно

изобразить на бесчувственных кукольных личиках.

— Почему на девушке мужская одежда? — удивилась Катрин. — В те времена женщины носили кринолины, а не белые рубашки с черными брюками.

— Потому что это не девочка. Это — мальчик, — фыркнула Мередит.

— Быть не может. Мальчики в девятнадцатом веке не носили косу до пояса. Да и мальчики в такой позе это... непристойно.

— Непристойно. Но ведь бывает же, — хихикнула Мередит.

— В пуританском 19-м веке?

— В пуританском 19 веке! Сама же видишь? Технология изготовления куколок, кстати, похоже на BJD. Такие куклы и для наших дней удовольствие не из дешёвых, а уж по тем временам суммы на них наверняка были просто космические.

Катрин заметила надпись на оборотной стороне подставки: «Любимому брату Альберту от любящей сестры на память о бессмертной мужской дружбе».

— Мужская дружба? — фыркнула Мередит. — Я её как-то иначе себе представляла.

— И я, — Катрин с отвращением отодвинула от себя раритетную игрушку. — Пойдём дальше?

Прежде чем покинуть комнату, она бережно сложила все находки в безразмерную сумочку.

Так уж утроены все дамские сумочки, что при желании в них можно запихнуть всё что угодно. Зачастую глядя на размеры женских ридикюлей никогда даже и не подумаешь, насколько они на деле вместительны.

В столовой на первом этаже, в отлично сохранившихся горках, Мередит заметила целую коллекцию фарфора и старинного серебра:

— Как такое богатство оставалось без присмотра? И как его до сих пор не растащили?

Какое-то время подруги любовались спрятанными за стеклянными дверцами хрустальными бокалами, на блюда, тарелки из освинцованного стекла.

— Всё отлично сохранилось, — подвела итог осмотру Катрин. — Стоит лишь приложить немного усилий и вновь засверкает в былом великолепии.

Они нашли Линду в библиотеке. Та разговаривала с главным менеджером, принимая отчёт.

— Как вы могли сами убедиться, мисс Филт, фундамент здания в прекрасном состоянии. Ребята славно поработали за эти недели: ни следа не осталось от былых потёков и пятен сырости. Я лично перепроверил окна и двери после того, как их поменяли — отлично открываются и закрываются. Стены в доме сложены из первосортного кирпича. Но я уже говорил вам — всё это смешение стилей выглядит дико. Эти чугунные решётки, колонны? Не кажется ли вам, что имеет смысл привести всё в единую систему?

— Согласна, — кивнула Линда, потирая в рассеянности висок. — Это было бы разумно, но не я здесь заказываю музыку. Госпожа Синтия ясно дала понять, в каком направлении двигаться. Не будем проявлять ненужную инициативу.

Толкнув перед собой дверцу, Катрин шагнула на террасу, окаймляющую дом с внутренней стороны:

— Не знала, что из дома есть ещё один выход.

— В домах такого размера всегда были парадные и чёрные входы. В прежние времена террасы предназначались для слуг, — разъяснила Линда. — Прислуге разрешалось входить в дом только с чёрного хода.

Они спустились на залитый солнцем, густо заросший травой задний двор.

Копии греческих статуй, почти затерявшихся в разросшихся зарослях самшита, подглядывали за вновь прибывшими, выглядывая их зарослей зелени.

За очередной просевшей чугунной решёткой располагались белоснежные постройки. К ним вела тонкая, уже расчищенная, присыпанная гравием, дорожка.

— Что это? — поинтересовалась Катрин. — Жилище для слуг? Почему в нём нет окон?

— Это склеп, — разъяснил менеджер.

— Склеп?.. Менее, чем в полсотни шагов от дома?! Эти Элленджайты точно были ненормальными.

Катрин терпеть не могла кладбища, склепы, алтари. При одной мысли о них делалось дурно.

Неужели придётся жить почти на костях?

— Не бери в голову, — попыталась успокоить её Мередит. — Это же тебе не огромное городское кладбище! Ну, положим, лежит тут около сотни твоих предков?

— Скажи, ну какой нормальный человек станет строить склеп неподалеку от кухни?

— Мы же не знаем, как мыслили триста лет назад? Может быть, тогда модно было устраивать часовни, чтобы в любой момент, если захочется, иметь возможность предаться скорби?

Катрин, задрав голову, принялась рассматривать лепнину над колоннами.

На них не было ни единой трещинки, будто склеп построили позавчера, а не три века назад.

— Стены уходят глубоко вниз, — правильно оценив её взгляд, прокомментировал менеджер. — Лежни, держащие всю конструкцию, большие и прочные. Нигде ни единого перекаса по горизонтали.

— Склеп тоже будут реставрировать?

— Да. Я уже набросал план насчёт того, какие шаги следует предпринять в первую очередь.

— Делайте, как сочтёте нужным, — отмахнулась Катрин.

Она не хотела больше думать ни о чём из того, что касается смерти.

Вся эта красота, сумрачная, несмотря на яркое солнце, вызывала отвращение. Как будто слишком крупный червяк, точащий прекрасное яблоко.

— Найдите эксперта в области ландшафтной архитектуры. Пусть заодно приведут в порядок и внутренний двор, — распорядилась Линда. — Может быть кое-какие из этих азалий, камелий и роз ещё удастся спасти?

— Да, адвокат Филт.

— Найдите экономку, которая поможет проследить за тем, чтобы тщательно протёрли мебель, отполировали серебро, отмыли от многолетней пыли фарфор и хрусталь. На сегодня что у вас там по плану?

— Бассейн. Его уже осушили и приступили к восстановлению оборудования. Полагаю, это займёт пару дней. В четверг должен прийти специалист по переустройству кухни. На старой готовили ещё на очагах. Нужно будет установить газовые плиты и холодильные камеры.

— Что с центральной системой вентиляции и отопления?

— Придётся переоборудовать заново. Если только вы не хотите пользоваться удобствами девятнадцатого столетия.

— Оценщики и антиквариаты?

— Уже приходили, провели инвентаризацию и юридическое оформление имущества.

— Вернёмся к бассейну, — предложила Линда.

— Вот, посмотрите эскизы, мисс Филт. Для облицовки дна и стен я планирую использовать керамическую плитку. С такими материалами бассейн будет иметь красивый, необычный вид. Вот план оформления светильников.

— Хорошо, мистер Бингл, — кивнула Линда. — Пойдёмте посмотрим на что это похоже сейчас.

Ни на что хорошее это не походило. Катрин брезгливо поднесла руку ко рту.

Было жалко видеть, как голые по пояс, босые рабочие вывозят мерзкую грязь, что доставали из чаши бассейна.

В помещении стоял отвратительный запах. Что уж там могло скопиться в этих канализационных шахтах, чтобы источать такое зловоние? Катрин сомневалась, что когда-нибудь сможет заставить себя тут искупаться.

— Готова оплатить сверхурочные, только чтобы работа была закончена как можно быстрее, — зажимая рот рукой проговорила Линда. — Если потребуется, наймите ещё людей.

— Будем стараться, мэм, — кивнул мистер Бингл. — Фильтры для воды и установки для подогрева ещё даже не смонтированы. Нужно проверить газовые трубы, а электрикам — обновить проводку.

— Ну что ж? — удовлетворённо кивнула Линда. — Вижу, работа идёт полным ходом. Всё просто замечательно. Дом заслуживает самого лучшего. Не скупитесь на расходы.

— Да, мэм. — кивал мистер Бингл.

— Мы скоро вас навестим, — пообещала Линда, помахав рукой на прощание.

7. Дневник Альберта

Удобно устроившись на подушках, вытянув на кровати ноги, Катрин щелкнула выключателем ночника и открыла первую страницу.

«Альберт Элленджайт», — гласила надпись на форзаце.

Взгляд метнулся к куклам, стоящим на прикроватном столике.

Кто из них двоих неведомый Альберт? Женственный ли блондин с продолговатыми, зелёными глазами? Или черноволосый брюнет с выражением холодного презрения на лице?

Первая запись датировалась 29 сентября 1855 года.

«Дорогой дневник, я пишу эту муть, потому что мой психиатр глупее меня. Он считает, что это поможет мне осознать мотивы моих поступков и избавиться от чувства вины.

Впрочем, если бы не чудовищная, бесконечная, убийственная скука, я бы заниматься этим не стал. Но что ещё делать? Читать Библию надоело. Наблюдать за другими сумасшедшими неинтересно. Посетителей, которых хотелось бы видеть, ко мне не пускают, а тех, кого пускают, видеть хотелось бы меньше всего.

Итак, дорогой дневник, мы с тобой здесь, в этом богом забытом месте, под названием Ашер.

Пейзажи здесь красивые. Но наблюдать красоту природы долгими часами всё равно что любоваться на декорации вместо просмотра действия: в принципе бессмысленно и быстро надоедает.

К тому же при всех своих многочисленных красотах Ашер не что иное, как дорогостоящая частная психлечебница, где я заперт стараниями папочки.

Оказавшись случайным свидетелем нашей связи с Синтией и Ральфом, отец отнюдь не счёл подобные отношения для кого-то из нас полезными. Мне в жёсткой форме поставили ультиматум: либо я отправляюсь на лечение, либо о наших отношениях он ставит в известность маму.

Пришлось согласиться. Расклад казался правильным.

А вот Ральф так не считает. Его мнение: пойдя на условия отца, я поступил, как слабохарактерный, слюнявый щенок.

«Противнику уступать нельзя», — презрительно бросил он мне.

Возражать не имело смысла. Для Ральфа что мой, что собственный отец — враги. А я не могу и не хочу видеть противников в близких людях.

Тем более, что в глубине души знаю — они правы.

Наши отношения с Ральфом и Синтией не что иное, как патология. Здесь нечем гордиться, не за что бороться. Это безнравственно.

Я ещё я знаю, что сказал бы Ральф, услышь он мои мыли. Сказал бы, что ему плевать, нравственно оно там или безнравственно.

Ведь что такое нравственность по Ральфу Элленджайту? Условность. Набор табулированных знаков, признанный нормой.

На это не стоит оглядываться. На это не стоит ориентироваться. На это стоит наплевать.

Для Ральфа важно то, что доставляет ему удовольствие здесь и сейчас. И плевать на всё остальное.

Нам хорошо вместе? Мы никому не доставляем проблем? Так в чём вопрос?

Когда он рядом, такая система координат выглядит вполне убедительной, и я соглашаюсь с ним. Не хочу идти наперекор, слишком дорожу его обществом и привязанностью. Слишком боюсь потерять ту тонкую нить доверия, что протянулась между нами.

Только вот на исходе второй месяц, как я заперт в Ашере, а Ральф ни разу так и не навестил меня. Так что любые рассуждения о привязанности и доверии между нами — лишнее.

Ральфу наплевать на мои чувства. На причины, побуждающие меня поступать так или иначе. Ему на меня, на все на свете — наплевать!

Такому отношению не научишься, с этим нужно родиться.

Ладно. Дьявол с Ральфом. Пусть и думает, и поступает, как хочет.

А я буду поступать так, как считаю нужным сам.

В любом случае я ведь не могу позволить, чтобы эта грязная история коснулась ушей матери.

Да, в нашей чокнутой семейке и прежде случалась любовь между кузенами. На неё даже принято смотреть сквозь пальцы — мол, вырастут мальчики, перебесятся, женятся, обзаведутся собственными детьми и всё забудется, как забывалось ни раз.

Но l'amour à trois?

Да ещё с единокровной сестрой?

Мама не поймёт.

Нет! Всё что угодно, лишь бы не глядеть ей в глаза, осознавая, что она всё знает.

Как ни странно, сидя в этой глуши я не чувствую себя несчастным. Мне спокойно,

комфортно. Я даже рад освободиться от бесконечных поисков приключений и наслаждений.

Так что отец в чём-то всё-таки прав».

6 октября 1885

«У меня сегодня день особенный — День Рождения.

Утро, вместо праздничного пирога и подарков, традиционно полагающихся на именинах, началось плановой встречей с лечащим доктором.

Господин психоаналитик полтора часа терзал мой слух наиглупейшими вопросами.

Монотонный голос раз за разом раздражал, терзая оголённые нервы.

Что я отношу к сексуальным девиациям?

Я выложил ему всё, что знаю. Разделил половые извращения как по отношению к объектам, так и по способу их реализации.

Изъяснялся я пространно и подробно, очень надеюсь, что доктор устанет слушать и отстанет.

Он не отстал.

Любезным тоном предложил самому определить мои сексуальные отклонения, раз уж я так отлично разбираюсь в теме.

Не менее любезно я сообщил, что геронтофилия, зоофилия и педофилия не мой профиль. Эгсбиционизм глубоко мне чужд, чего о вайеризме не скажешь. Ещё я страдаю (или наслаждаюсь, это уж как посмотреть) приступами мазохизма, но слава богу, садистских склонностей за собой не замечал.

Считаю ли я необходимым лечиться от гомосексуализма?

Хм-м...

А зачем мне лечиться от того, чем я не страдаю?

Не в смысле того, что я наслаждаюсь процессом, просто гомосексуализм подразумевает наличие полового влечения к особям своего пола, а я к мужчинам такого не испытываю.

А как же Ральф?..

Ах! Вы заставляете меня краснеть, доктор!

Значит, вы в курсе моих маленьких шалостей? Что ж тут скажешь? Увы! Из любого правила, даже железного, случаются досадные исключения. Молодость — время поиска и эксперимента. Не всегда, к слову, удачного. К тому же Ральф — вы же его видели, доктор? У него совершенно андрогенная внешность. Как, собственно, и у меня. При определённом освещении и после определённой дозы алкоголя или опиума нам обоим так легко сойти за женщин.

Если на то пошло, Ральф единственная особь мужского пола, делившая со мной постель.

Вслух я этого не говорил, но история наша запутанная и сложная. Отрицать наличие секса между нами было бы ложью, но, если опускаться до описания грубой физиологии, дело до непосредственной близости никогда не доходило. Между нами всегда была Синтия. В прямом и в переносном смысле. Но об этом, доктор, я вам рассказывать не стану. Джентльмену не следует порочить имя дамы.

Итак, на чём мы остановились?

Ах, да! Ральф был. Но лечиться от гомосексуализма я всё равно не буду. Считаю тему исчерпанной.

Отношу ли я себя к бисексуалам?

Доктор, помилосердствуйте! Да что же это такое?! Вы всё утро пристаёте ко мне с неприличными вопросами?

Ах, у вас работа такая? Надеюсь, она вам хотя бы нравится? Меня от ваших вопросов уже тошнит.

Хорошо. Если клятвенно обещаете отстать — отвечу: да-да-да! Я могу спать, как с женщиной, так и с мужчиной.

И вы тоже, кстати.

И большинство людей.

Да я и не утверждаю, что вы это делаете. Можете делать — это факт.

Не надо придавать сексу большого значения, доктор. Не стоит носиться с ним, как антиквар с раритетной вазой или курица с первым яйцом. Обсуждать можно любовь и ненависть, понимание и непонимание между людьми. Вот что интересно нормальному человеку. А если вы получаете удовольствие от скабрёзных рассказов — поздравляю! Вам пора стать собственным пациентом, доктор.

Что такое секс, по-моему?

Вы же обещали, что предыдущий вопрос — последний?

По-моему, секс, это телесный процесс, связанный с раздражением нервных рецепторов. Это как пищеварительная система, дыхание, сердцебиение. Хороший секс — это дело техники. Не обязательно испытывать эмоции к партнёру для того, чтобы достичь желанной разрядки. Раздражение нервных рецепторов в определённой последовательности и в определённом ритме даёт нарастание импульсов. Напряжение нарастает-нарастает-нарастает, доходит до точки кипения и потом — бах! Вы получаете то, что хотели — вожделенный оргазм. За ним следует разрядка.

Процесс закончен.

Как, собственно, наш и разговор.

Вы кончили, доктор?

Я зря сорвался.

Господин Ф. хороший доктор. Ответственный. Он просто честно пытался отработать папочкины деньги.

Совершенно незачем так на меня подозрительно и обиженно коситься, сударь. Я, кстати, идеальный пациент.

Попробовали бы вы задать подобные вопросы Ральфу, сэр. Почувствовали бы разницу».

10 октября 1855

«Я ждал её всё время, каждый день, каждый час и всё же оказался неготовым к встрече.

Мой взгляд, изголодавшийся по женским силуэтам, по мягким изгибам волнующих женских фигур, с жадностью впитывал в себя образ Синтии.

Может ли в мире быть что-то более уродливое, чем современный фасон женского платья? Женщина просто безвозвратно тонет в наряде, её немилосердно расплющивает кринолинами и корсетами, давит грудой материала и китовыми усами.

Я не одобряю современной моды. Но Синтия мила даже в них.

Она очаровательна в любом костюме. Как, собственно, и вовсе без оного.

Новое, с иголочки, платье воздушными волнами лежало на широком кринолине, находясь в полной гармонии с алыми туфельками на трехдюймовых каблуках. Лиф платья туго обхватывал безупречную талию, подчёркивая волнующе упругую грудь.

Моя дорогая старшая сестрица являла образчик аристократических манер и благополучия, в совершенстве владела томной элегантностью и небрежной грацией.

Взгляд тёмных миндалевидных глаз, отсутствие резвости и молчаливость с лёгкостью вводили наших многочисленных знакомых в заблуждение насчёт её истинного характера. Люди принимали Синтию за леди, наделяя её в своём воображении такими прекрасными женскими качествами, как скромность, девичья стыдливость, домовитость, сдержанность в чувствах, самоотверженность.

Но всё это было Синтии чуждо. В действительности она резка в суждениях, заносчива, самовлюблена до крайности и до крайности же сластолюбива.

В не таком уж далеком детстве сестрёнка не уступала нам с Ральфом в искусстве фехтования, лазанья по деревьям и скалам. Как и мы, она обожала носиться на лошадях без седла.

Синтия никогда не признавала опасности. Она не видела её в упор.

У нас с Ральфом, как у любого мужчины из рода Элленджайтов, всегда был второй, третий, и даже четвёртый шанс. Да хоть сломай мы шею, нам это не грозило немедленной гибелью. Любые переломы у нас срастались в течение часа, я уже не говорю о ранах и порезах.

Но у Синтии второго шанса не было.

А она упрямо игнорировала этот факт.

Иногда мне казалось, она нарочно устраивает между нами это негласное соревнование. Словно задаваясь целью не только догнать, но и перещеголять по части безумств.

Мама не хотела видеть этих странностей в поведении и характере своей дочери.

Люби она Синтию чуть более нежно, относись к ней чуть внимательней, и сестра могла бы вырасти совсем другим человеком!

Я даже думаю, что своими необузданными выходками Синтия пыталась привлечь к себе мамино внимание — любыми путями, методами и средствами.

Но как бы Синтия не старалась, чтобы бы не выкидывала, мама словно не замечала этого.

Отношения сестры и мамы были безжизненно-безукоризненными. Сплошной официоз.

Подозреваю, что за любыми безупречными манерами скрываются равнодушие и пустота. Совершенство — удел мертвых. Живому свойственны изъяны. Чувств это касается в первую очередь.

Со мной мама ведёт себя совсем иначе. Она может быть ласковой или жестокой, иногда даже грубо срывается на крик.

Но её горячность и жёсткость куда лучше той сдержанной отстранённости, что достаются на долю Синтии.

При виде меня сестра улыбнулась и протянула затянутую в кружевную перчатку, руку:

— Рада тебя видеть.

Я коснулся её руки легким поцелуем.

— Более чем взаимно, душа моя.

Я с наслаждением почувствовал упругий вес её тела, когда Синтия оперлась на мою руку. Мы не виделись несколько месяцев, и я ужасно по ней соскучился.

Я просто задыхался от желания сжать сестру в объятьях, покрыть поцелуями её дорогое, милое личико с сочными, мягкими, по опыту знаю, разгарчивыми губами.

— Как тебе удалось добиться от отца разрешение прийти сюда?

— Попросила об этом в присутствии мамы, сославшись на твой день рождения.

Рассказать правду Амадей не посмел, а иных весомых аргументов у него не нашлось.

Мы вошли в зелёный лабиринт, скрывающий нас от случайного постороннего взгляда.

Гарантии уединения сомнительной укрытие, конечно, не давало, но создавало иллюзию.

Не желая больше сдерживаться, я сжал Синтию в объятиях.

Я пил из её губ волшебный нектар сладострастия. Жадно глотал до тех пор, пока напряжения не достигло пика. Угрожающая лавина кипучего безумия уже готова была смести все запреты. Я едва сдерживался, чтобы не овладеть ею прямо здесь, на скамейке, невзирая на последствия.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но Синтия оттолкнула меня:

— Довольно.

Перехватив мой взгляд, она поспешно опустила ресницы и нервно облизнула губы розовым, юрким, как змейка, язычком:

— Не сейчас. Не так. И не здесь.

Неудовлетворённый мужчина редко бывает сдержан.

Однако Синтия напрасно нервничала. Я никогда не ставил свои желания выше её благополучия, безопасности или даже настроения.

Мы присели на скамью и какое-то время просто сидели молча.

Краем глаза я с нежностью наблюдал, как сестрёнка расправляет складки на своей необъятной юбке, натянутой на метровый кринолин — усовершенствованная модель древнего пояса целомудрия. Она так скромно и чинно сложила ручки у себя на коленях, что я, не удержавшись, рассмеялся.

— Рада, что ты в хорошем настроении, Альберт. Я приготовила тебе подарок.

— Правда? Какой?

Синтия склонилась над ридикюлем, стоящим у её ног и вытащила оттуда подарочный свёрток в яркой шелестящей бумаге.

— Заказала несколько месяцев назад. Взгляни.

Синтия додумалась подарить мне кукол. Уменьшенная копии меня самого, да ещё в объятиях Ральфа!

— Что это? — брезгливо поморщился я.

— Разве сам не видишь?

— Ты увековечила нас с Ральфом в дорогом фарфоре. Зачем?

— Тебе не нравится?

— Любовь моя, уж лучше бы ты потратилась на парочку умилительно-миленьких платиц и ожерелье к ним прикупила. Люблю видеть тебя в новых нарядах. Но зачем мне этот... хм! — ансамбль?

— Я думала, тебе недостаёт Ральфа. Думала, хорошо будет, если хотя бы частица чего-то, чем ты по-настоящему дорожишь, будет с тобой рядом.

— И что ты предлагаешь мне делать с этой его частицей? — я уже не скрывал своего раздражения. — Заняться рукоблудием, созерцая его светлый лик?

— Альберт! Это пошло!

— Как скажешь, драгоценная. Как скажешь. Но в любом случае ты неправильно подобрала фигурки. Самая идеальная кукла в нашем случае это ты.

К моему удивлению на глазах Синтии блеснули слёзы.

Я совершенно не переношу вида женских слёз. Стоит мне увидеть плачущую женщину, как всё — я готов сделать что угодно, лишь бы слезы её высохли.

Синтия отлично это знает. Сама не раз поднимала на смех эту мою особенность. Столько раз называла слабаком, из которого любая слезливая курица может мотками верёвки вить.

Нужно отдать сестре должное, она никогда не обращала это оружие против меня.

Синтия на моей памяти вообще плакала редко.

— Ладно-ладно! — без боя сдался я. — Прости. Я не хотел быть грубым. Не плачь, моя радость, оно того не стоит. Если ты считаешь, что эта прелестная вещица — значит, так и есть. Я даже готов порадоваться тому, что ты не придумала позы... хм! — более пикантной. Приходится признать, что есть свои плюсы в твоём всегдашнем тяготении к внешней благопристойности. Было бы любопытно понаблюдать за мастером, когда он получил заказ...

— Альберт!

Её голос звенел, словно мелодичная, но перетянутая, струна.

— Что?

— Ты так и будешь лицемерить?

Признаться, я немного опешил от такого наскока.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты совсем как наша мать! Не притворяйся, будто не злишься на нас! — притопнула она ногой. — Развлекались мы все вместе, а отдуваешься здесь ты один.

— Всё не так плохо. Не стоит драматизировать.

— Хватит юлить! Скажи мне прямо в лицо, что ненавидишь меня.

— С какой стати мне такое говорить?

— Скажи! Ведь это правда!

— Нет.

Моя рука словно бы сама собой потянулась к её руке, накрывая ладонью сверху.

Синтия чуть повернула голову и ресницы её мягко дрогнули, как крылья у бабочки.

— Люблю тебя, — беззвучно зашептали мои губы. — Люблю.

Мы снов потянулись друг к другу и мне стало на всё наплевать — приличия, последствия, кровное родство.

Значение имела только она.

Её запах. Тихие стоны. Губы. Влажные локоны.

Та радость, которую она дарила мне своей страстью.

Цена за это неважна.

Мои руки ещё пахнут её духами.

На сердце тоскливо.

Хочу домой».

8. Ирис. В «Астории»

Весь день Ирис была как на иголках. Её обуревали противоречивые чувства. Да прознай мама о её задумке — пришла бы в ужас.

Она действительно поступала опрометчиво, отправляясь в заведение с репутацией

борделя, да ещё в компании парня, которого большинство разумных людей предпочло бы обойти стороной.

Но ей быстро удалось убедить себя в том, что, если бы Энджел хотел навредить, ему совсем необязательно было бы дожидаться ночи, да ещё тащить её за тридевять земель. Он преспокойно мог сделать это прямо в школе.

Отмахнувшись от внутреннего голоса, робко пытающегося шепнуть об осторожности, Ирис начала раздумывать о том, во что ей нарядиться. Хотелось выглядеть сексуально, но не пошло. В итоге остановила свой выбор на брюках-сигаретах, дополнив их блестящей туникой и любимой кожаной курткой.

На улице накрапывал дождик.

Мокрый асфальт отражал огни. Туман превращал их в размытые пятна. Вокруг фонарей словно сияли нимбы.

Машина в крайнем левом ряду просигналила фарами.

Осторожно балансируя на высоких каблуках, Ирис поспешила ей навстречу.

Энджел предупредительно распахнул дверцу.

— Привет, — с улыбкой приветствовала его Ирис.

— Привет.

От его пристального, оценивающего взгляда стало немного не по себе.

Может быть, Ирис почувствовала бы себя лучше, скажи Энджел ей комплимент?

— Отпустили без проблем? — поинтересовался он, ловко вырвав на основную дорогу.

— Отпустили? Я сбежала и молюсь, чтобы ни мама, ни Катрин об этом не узнали. Очень надеюсь, что не придётся пожалеть о своём поступке. Представление хоть того стоит?

Энджел неопределённо пожал плечами:

— К подобному роду развлечениям, как и к некоторым деликатесам, нужно привыкнуть. Без этого получить удовольствие нельзя.

Он бросил на Ирис быстрый взгляд, словно проверяя её реакцию, но, вынужденный следить за дорогой, вновь отвёл его.

— Не бойся. Ничего опасного нет. Я уже говорил — это просто представление. Шоу. Только специфическое.

Глядя в окно, Ирис любовалась цепочкой изгородей, окаймляющей дворы белоснежных двухэтажных домиков, составляющих большинство застроек в этом районе.

Над домиками нависали клёны. Их широкие листья в отблеске фар казались вспыхнувшим резным языком пламени.

Через пару кварталов машина затормозила у красивого здания.

С крыши букетом разноцветных прожекторов, разрезающих ночь цветными лучами, проецировалось название: «Астория».

Они поднялись по широким ступеням, ведущим к распахнутой двери.

Её сторожил высокий охранник, чьи широкие плечи угрожали порвать джемпер.

— Привет, Марк, — буднично приветствовал его Энджел.

— Проходите, мистер Кинг — кивнул громила, услужливо распахивая перед юношей дверь. — Столик ждёт вас.

Прямо с порога слышались гул голосов, заразительный смех, музыка.

— Ты заказал столик заранее? — любопытствовала Ирис.

— «Астория» самая горячая точка в Эллинже. Заказов на столики тут не принимают. С

улицы сюда даже за большие деньги не попасть. Пошли. Представление сейчас начнётся.

— Дамы и господа! Добро пожаловать в «Асторию»! — распинался конферансье. — Добро пожаловать туда, где воплощаются самые смелые наши фантазии! Все мы боимся чудовищ, не так ли? Но наиболее жуткие из них обитают в нашей душе. Там, в неосознанной темноте, они дожидаются часа, когда смогут выбраться наружу.

Случалось ли вам вообразить, дамы и господа, какого это — иметь острые клыки и когти? А ещё — возможность вонзить их в намеченную жертву? Ощутить агонию? Вкусить боль? Чтобы сердце добычи билось у ваших губ?

Свет плавно растворился — словно сахар, тающий в чёрном кофе.

— Представляю вам Ливиана Санфила! Он покажет, что боль убивает не всех. Что едят люди, способные противостоять ей.

Под ногами начала ощущаться мягкая вибрация.

«Подъемники», — догадалась Ирис.

Публика замерла в предвкушении.

Софиты располагалась таким образом, что источник света оказался за спиной фигуры, возникшей на сцене.

Чёрный силуэт ярко выделялся на искусственном фоне. По сцене словно расплескалась кровь или занимался пожар — адский фон для адской картины.

Зазвучала музыка.

Свет вновь начал медленно разгораться, высвечивая лицо Ливиана — резко очерченные скулы, хищный разлёт бровей, льдисто-серые глаза.

Брюки обтягивали ноги как вторая кожа. Белая атласная рубашка распахнулась до пояса, открывая смуглую, словно у испанца, кожу.

Ирис стиснула повлажневшие от непонятного волнения пальцы, сглатывая образовавшийся в горле комок. Она и предположить не могла, что будет дальше, но предчувствие кричало, что, чтобы там ни было, ей это точно не понравится.

Минуту Ливиан Санфил неподвижно смотрел на публику, давая всем увидеть то, что они хотели рассмотреть.

Потом пол снова начал мелко вибрировать, словно внутри здания раскрывались адские ворота, выпуская наружу очередное чудовище — над сценой медленно поднимался крест.

Софиты окрашивали его в алый цвет. Струящийся по полу дым усиливал атмосферу сюрреализма.

Музыка продолжала звучать.

Ритм её, убыстряясь, становился всё более жёстким.

Ливиан принялся медленно расстёгивать пуговицы на рубашке.

Выскользнув из неё, отбросил, выставляя на суд зрителей отлично сложенное тело, запятнанное безобразными шрамами.

Их было множество: белых и розовых, новых и старых. На груди и животе неровная сеть омерзительных рубцов была особенно заметна.

Страшно представить, на что походили раны, пока не затянулись.

Ливиан Санфил отступил и, раскинув руки, прислонился спиной к кресту. Подошедшие ассистенты в чёрных фраках и полумасках, закрывающих лица, оплели его руки верёвками.

Следом на сцену выпорхнул девушки в коротких юбках и ярких, блестящих топах. Они походили на элегантных бабочек-стрекоз: длинноногие, тоненькие, на острых каблукках-шпильках.

В руках девушки держали подставки со стилетами.

Клинки были не менее изящными чем сами красотки. Длинное узкое лезвие имело острый, как игла, наконечник.

Такая форма позволяла кинжалу проникать глубже без лишних усилий. Гарда почти отсутствовала, а навершье рукояти слегка расширено.

Под навершьем виднелось отверстие со шнуром.

Призывно улыбаясь, девушки подошли к ассистентам и замерли в картинной позе, выжидая, пока те привязывали конец шнура к своему запястью.

Под лучами ярких прожекторов многогранный клинок вспыхивал яркими искрами, словно бриллиант.

Стоило девушкам упорхнуть, как музыка вновь взорвалась адским ритмом.

Безликие ассистенты в чёрных фраках задвигались с осторожной хищностью, словно танцуя перед распятой на кресте фигурой.

Они кружили как голодные акулы, чуть пригнувшись, вытянув руки с зажатыми в кулаке стилетами.

Прожектора медленно погасли.

Единственное пятно света сосредоточилось на обнажённой до пояса фигуре.

Расширившимися от ужаса глазами Ирис смотрела на сцену. Смотрела и не верила в реальность происходящего.

Может быть это какой-то оптический трюк? Иллюзия? Фокус?

Стилеты глубоко, по самую рукоятку, вошли в тело, подвешенное на кресте. Кровь алым ручьём потекла из ран, собираясь на полу липкой лужицей.

Когда один из безликих вновь воткнул нож в Ливиана и повернул его, расширяя рану, Ирис с трудом сдерживалась, чтобы не заорать во весь голос.

Она не знала, испытывали ли остальные зрители хотя бы половину того тошнотворного ужаса, что она, но происходящее на сцене словно держало людей в трансе.

Никто не шевелился, не разговаривал.

Тем временем фигуры в масках вытащили ножи и из полумрака выскользнула третья фигура.

Маски мягко подхватили соскользнувшее с креста тело и уложили его на мраморный алтарь, до поры, до времени находящейся в тени и лишь теперь ставший заметным.

Все трое ассистента, склонившись, принялись слизывать кровь с ран на груди, с живота, с губ Ливиана.

Было видно, как распластанная на алтаре жертва тяжело дышит — грудь дёргалась короткими вдохами и выдохами.

Рука одного из них скользнула в открытую рану и Ирис поняла, что больше не выдержит. Иллюзия оно там или не иллюзия, её мозг отказывался воспринимать подобную реальность.

Желудок — тоже.

Она сорвалась с места и опрометью кинулась прочь из зала, мечтая только об одном — добежать до туалетной комнаты прежде, чем её вывернет наизнанку.

Ноги подкашивались, и чтобы не упасть, пришлось опереться на раковину.

Перед глазами все ещё мелькали вспышки света и сияли размытые пятна крови.

Дрожа, Ирис отвернула кран с холодной водой и опустила под неё руки.

Разжав пальцы, уставилась на четыре полумесяца, оставленных ногтями на ладони.

— Не думал, что ты такотреагируешь, — раздался за спиной бодрый голос.

Ирис с трудом сдержалась, чтобы не высказать Энджелу всё, что она думает о его способах развлечения.

В молчании она закрутила кран с водой. В туалете стало совсем тихо.

И снова противные кровавые пятна-разводы поплыли по белому кафелю.

— Ты в порядке? — поинтересовался Энджел.

В порядке? Ирис так не думала.

— Что ты тут делаешь? — со злостью процедила она. — Это ведь женский туалет?

— К стыду, к моему, я мало обращаю внимание на условности.

Ноги Ирис ещё немного дрожали, так что пришлось прислониться к стене.

— Я тебя разочаровала? Ты ожидал другой реакции?

— Откровенно говоря — да. Большинству подобные представления по душе.

— *Такое* не может нравиться. Понимаю, тема вампиров ныне в моде, но то, как это подано? Отвратительно! Неужели нельзя было разыграть что-нибудь другое?

— Ты считаешь увиденное розыгрышем? — фыркнул Энджел.

В руках его как по волшебству возник точно такой же стилет, какими действовали маски на сцене.

В следующую секунду лезвие вошло в центр его изящной ладони.

Оглушенный шоком мозг Ирис констатировал спокойное, небрежное, даже скучающее выражение на его лице.

— Как видишь, всё по-настоящему? Это! — Энджел небрежно помахал пробитой насквозь рукой перед лицом Ирис. — И — это!

Он неторопливо выдернул нож из ладони.

— Не закрывай глаза, смотри. Здесь нет ничего страшного. Сейчас всё пройдет.

Не веря себе Ирис наблюдала как рана на руке Энджела затягивается.

Секунда.

Другая.

И вот уже вместо открытой раны белеет тонкий шрам.

Через минуту даже следа шрама не осталось.

Энджел достал из кармана платок, стёр остатки крови с ладони и выбросил окровавленную тряпку в мусорный контейнер.

Ирис с шумом вдохнула воздух, стараясь успокоить бешено заколотившиеся сердце.

— Ты спрашивала о наших семейных особенностях? Вот они. Втыкая в нас ножи, стреляя из пистолета, подсыпая яд уничтожить нас нельзя. Мы остаёмся в живых, даже если наше сердце вырвано из груди. Правда, если отрубить голову... но на такие радикальные меры идти готовы не многие. Все остальные части тела у нас отлично регенерируют.

Скрестив руки на груди, Ирис смерила его саркастичным взглядом:

— Все?

Энджел мягко притянул её к себе, насмешливо протянув:

— Абсолютно. Хочешь проверить?

Голос его обволакивал, ласкал нервы, словно соболиный мех — кожу.

— Не бойся, Фиалка. Я же обещал, что не причиню тебе вреда? Обещал, что ты можешь мне верить?

— А ты всегда держишь данное тобой слово?

— Всегда.

Он провёл пальцами по её щеке.

Движение было нежным. Взгляд — нет.

— Правда, я очень редко его даю. Считай, что это мой тебе подарок. Родственный. В честь нашего знакомства.

По губам Энджела вновь скользнула лёгкая улыбка.

— Перестань со мной заигрывать, — потребовала Ирис.

— Не понял? — тонкие брови над тёмными глазами вопросительно изогнулись.

— Я серьёзно! Отпусти меня. У меня сейчас нет настроения целоваться или флиртовать.

Всё, что ты мне показываешь, меня пугает.

— Ты такая трусиха?

— Предпочитаю думать, что слишком нормальна для твоего ненормального мира. Мне нужно время, чтобы адаптироваться.

— К чему тут адаптироваться?

— К тому, что пробитые руки и кровоточащие раны для вас серые будни.

Воцарилось неловкое молчание, которое Энджел разрушил очередным смешком:

— Ладно, — кивнул он, опуская руки в карманы. — Адаптация так адаптация. Пошли?

Представление уже закончилось. Вот-вот сюда нагрянут другие дамочки со своими маленькими нуждами. Не будем им мешать.

— Я не хочу туда возвращаться. Отвезёшь меня домой?

— Желание дамы — закон для джентльмена, — отвесил Энджел шутовской поклон.

В коридоре толпился возбуждённый народ.

— Энджел! — обернулась в их сторону яркая, красивая блондинка в эффектном голубом платье со стразами, открывающем куда больше, чем скрывающим. — Ты здесь? Я не знала!

— Добрый вечер, Керри, — прохладно приветствовал её Энджел. Познакомьтесь, девочки. Керри — это Ирис Оуэн. Ирис — это Керри Гордон.

Серые глаза Керри неприязненно сощурились:

— Кто такая Ирис Оуэн? Очередное минутное увлечение нашего сусального ангелочка? — фыркнула она.

— Кого ты подразумеваешься под сусальным ангелочком, Керри? Надеюсь, не меня? Если да, то у тебя нет никакого повода отнести меня в разряд «наш». Или я что-то пропустил в наших с тобой отношениях?

Керри отступила на шаг, потрянув золотистыми волосами и рассмеялась.

— Энджел, я же просто пошутила. Увидимся.

— Всего хорошего, — кивнул он в ответ.

— Уже уходите? — подросла с новым вопросом очередная сверкающая блондинка.

Правда её улыбка, обращённая к Ирис, была чуть теплее и доброжелательнее, чем у предыдущей.

Теплее так градусов так на пять или шесть, не больше.

— Энджел! Вечер же только начался? Мы будем только рады, если вы с Ирис присоединитесь к нашей компании.

— Мне пора домой, — твердо заявила Ирис, взбешённая улыбками и взглядами понабежавших блондинок.

— Ну так на твоём присутствии никто и не настаивает, — со стервозной улыбочкой сообщила Керри.

Ладонь Энджела предупреждающе сжалась на кисти Ирис.

— Всего доброго, девочки, — откланялся он.

— Уже уходите, мистер Кинг? — удивился охранник. — Веселье ещё даже и не начиналось?

— Я сегодня не намерен развлекаться, — с раздражением откликнулся Энджел, забирая у того из рук верхнюю одежду.

— Ливиан будет огорчён, что вы не встретились с ним сегодня.

— Я встречусь с ним завтра, — холодно отчеканил Энджел, взглядом приказывая охраннику прикусить язык.

— До завтра, мистер Энджел, — сказал охранник, как о чём-то само собой разумеющимся.

После душного, прокуренного воздуха в клубе, ночная прохлада, темнота и тишина действовали отрезвляюще-приятно. Ирис с наслаждением вдохнула воздух, переполненный влагой перед тем, как вслед за Энджелом сесть в автомобиль.

Мотор ожил, заполняя тишину монотонным шуршанием и дрогнув, машина тронулась с места, слегка качнувшись на рессорах.

— Энджел, можно вопрос?

— Какой?

— Ливиан Санфил? — задумчиво протянула Ирис. — Он твой родственник?

— Мой сводный брат по отцу. Это имеет какое-то значение?

— Наличие братьев и сестёр всегда имеет значение.

Ирис отнюдь не была уверена, что следующий вопрос действительно стоит задавать.

Но всё равно спросила:

— Ты тоже там работаешь? Так же, как и твой брат?

— Почему ты так решила?

Ирис неопределённо пожала плечами.

Энджел невесело усмехнулся.

— Но ты права. Работаю. Так же, как и мой брат. Посменно. Одно представление в неделю даёт он, другое — я.

— Ты зарабатываешь этим на жизнь? Но... но ведь Астория принадлежит твоему отцу, верно?

— Верно.

— Разве он не возражает, что вы развлекали публику, *таким* образом зарабатывая деньги?

— Ты задаёшь слишком много вопросов, — отстраняющим тоном ответил Энджел.

— Извини.

— Не извиняйся. Ты не сказала и не сделала ничего плохого. Просто моя семья — это не та тема, о которой хочется говорить с хорошенькой девушкой. Если бы только можно было о неё не упоминать, я бы так и сделал. Да только Кингов здесь каждая собака знает.

— С твоей семьёй что-то не так?

Уже договаривая фразу Ирис отчётливо представила образы сестры-близняшки Царя Скорпионов, этого самого Ливиана и поняла, что глупо спрашивать.

— С ней не так абсолютно всё, — процедил Энджел.

9. Дневник Альберта

«12 октября 1855

В голове полный бардак, разброд и сумятица. Казалось бы, с моим отношением к жизни меня трудно чем-то шокировать, но я шокирован. До глубины души. Не знаю, как всё это уложить по полочкам. Как переварить.

Сегодня утром в кабине вместо доктора Ф. меня дожидался дядя Винсент.

О том, что я встречу его, меня не предупредили. Признаться, как только увидел его, сразу понял — ничего хорошего его визит мне не несёт.

Мы пожали друг другу руки, обменялись взглядами, сели напротив друг друга.

— Что случилось? — прямо спросил я, не видя особого смысла в том, чтобы долго обмениваться ничего не значащими вежливыми фразами. — Ральф опять что-то натворил?

Дядя Винсент ответил слабой улыбкой, лёгким пожатием плеч.

— Ты должен вернуться, — сказал он мне.

Сколько себя помню, Ральф всегда выкидывает какой-нибудь фортель. Выходящий из ряда вон, из всех возможных рамок.

И сколько себя помню, мне никогда не удавалось выполнять роль стоп-крана. Даже если я и пытался.

— Ты должен вернуться, Альберт, — повторил дядя.

— Да я здесь как бы не по своей воле. Об этом нужно говорить с моим отцом, а не со мной.

Дядя резко втянул в себя воздух и откинулся на спинку кресла, в котором сидел, соединяя пальцы домиком.

— Боюсь, что говорить с Амадеем бессмысленно. Бог свидетель, я не хотел тревожить Снежану, беречь старые раны. Но у меня нет иного выхода.

Мы оба замолчали.

Дядя Винсент, сдвинув брови, размышлял о чём-то. Я с тревогой ждал продолжения разговора.

Я сдался первым:

— Что всё-таки случилось?

— Всплыла наружу одна очень старая и очень неприятная история.

Винсент выгащил портсигар и достав папиросу, глубоко затянулся.

— Амадею следовало запретить здесь не тебя, мальчик мой, а твою бесноватую сестричку.

Я напрягся.

— Что вы хотите этим сказать? — поинтересовался я как можно прохладней.

— Что хочу сказать?..

В голосе дяди зазвучали совершенно несвойственные ему язвительные нотки.

— В чём конкретно вы обвиняете Синтию? — взвился я.

Потянувшись вперёд, он стряхнул с сигареты истлевший пепел и вновь откинулся на спинку кресла.

Неужели дядя Винсент в курсе наших шалостей? От мысли об этом я почувствовал, как вспыхнули щёки.

— Моя сестра... — начал, было, я.

— Хватит, Альберт, — прервал меня дядя, покачав головой. — Ненужно никого не перед кем выгораживать. Поверь, мне нет дела до морального облика твоей сестры. Вопросы нравственности меня сейчас интересуют в последнюю очередь.

Странный поворот. О чём же тогда речь?

Загасив сигарету, дядя уронил руки на подлокотники и хмуро поглядел на меня исподлобья:

— Ты знал о том, что Ральф мне не сын?

Новость была неожиданной, ошарашивающей.

Дядя скривил губы в горькой усмешке:

— Ральф теперь об этом знает.

— Вот как? — в свой черёд откинулся на спинку кресла я, сжимая руками подлокотники. — Думаю, не ошибусь, предложив, что его настоящий отец умерший дядя Ральф?

— Не ошибёшься.

Глупая затея раз за разом давать детям одно и то же имя: Ральф.

Тем более, что это имя как-то странно влияет на своего владельца.

Мой психованный дедушка, о котором в семье всегда говорят с постной физиономией и фанатичным блеском в глазах (да упокоится его душа с миром), совсем не заслуживал той любви, которую ему дарили его многочисленные женщины: бабушка Анжелика, София Лонгрэн, Кармен Ванеско.

Потом эстафету принял его сын, покойный дядя Ральф. Удивительное дело, у меня создавалось впечатление, что все мои многочисленные красавицы-тётушки тоже были в него влюблены.

А теперь вот кузен... и влюблённая в него Синтия.

Потянуло холодом. Дед Ральф не дожил до тридцати пяти. Дядя Ральф умер на двадцать втором году жизни.

Кузену Ральфу скоро двадцать.

— Я знаю, твоя мать не хотела бы, чтобы ты знал эту историю, — медленно проговорил дядя Винсент. — И сомневаюсь, что она поблагодарит меня за то, что я намерен её тебе рассказать.

— Сомневаетесь? Тогда, может быть, лучше и не стоит?

— Я сейчас нуждаюсь в двух вещах: в исповеди и в прощении за то, что когда-то преступил черту.

— Преступили черту? — у меня округлились глаза. — Вы?..

Дядя Винсент был один из лучших людей, которых я встречал в жизни.

В чём-то я уважал его больше родного отца.

Отец мог быть со мной жестоким, дядя Винсент с кузеном Ральфом — никогда.

У отца, я знаю, иногда были другие женщины помимо мамы.

Дядя Винсент тёте Стелле не изменял.

В его отношении к жене и дочери неизменно присутствовали та доброта и нежность, которой нам с Синтией так не хватало в родном доме.

Поэтому, откровенно говоря, меня всегда возмущало отношение Ральфа к дяде.

Ральф в ответ на мои замечания только смотрел волком и нервно дёргал плечом — он всегда так делал, когда не желал разговаривать на ту или иную тему.

Возможно, он знал, что Винсент ему не отец?

— Игры, в которые вы играете, дети, плохо заканчиваются, — тяжело вздохнул дядя.

— Я не понимаю...

— Всё ты отлично понимаешь.

Он раздражённо откинул волосы со лба, и стали заметны блестящие на белой коже мелкие капельки пота.

— Вы плохо себя чувствуете? — забеспокоился я.

— В нашей семье все неизменно чувствуют себя отлично, — в улыбке дяди промелькнула насмешка. — У меня такое чувство, будто ты пытаешься избежать возможности узнать правду, Альберт?

— Многие знания — большие печали, — процитировал я.

И нарвался на очередную улыбку, сияющую изобразить насмешливость, но отражающую лишь бесконечную усталость.

Протянув руку, я сжал сухую, горячую дядину ладонь:

— Расскажите, если вам так будет легче. Я готов слушать.

Дядя Винсент с грустью поглядел на меня, упрямо сжимая губы:

— Ральф не умер бы так рано, если бы все мы, в той или иной степени, не поспособствовали этому.

— Кто — вы?

— Я. Мой отец. Твой отец. Твоя мать. Даже Стелла в какой-то степени, пусть и косвенно.

Чертовски хотелось возразить, напомнив, что единственно виноватый в ранней смерти Ральфа Элленджайта это сам Ральф Элленджайт.

Вообще-то, чтобы нас убить, нужно... я даже не знаю, что нужно сделать? Регенерация у нас колоссальная. Мы в своё время с Ральфом ну, как только не развлекались? Чего с большой головы не делали? Ножи втыкали, яд пили, с крыши прыгали. Однажды даже (было дело) в раны горящие угли засыпали — это была идея Ральфа.

У него вообще фантазия богатая. Сказываются сумасшедшие гены.

Но ведь всё как с гусей вода? Как бы мы не отрывались ночь напролёт, утром, в самом крайнем случае, бинты могли понадобиться.

А чтобы довести себя до смерти? Ну, не знаю я, что нужно сделать.

— Вы не ладили с братом?

— Всё было слишком сложно, чтобы описать ситуацию одним этим словом. Скажем так, отношения у нас были натянутыми. По молодости лет я считал его привилегией то, что на самом деле было проклятием. Ральф ведь был старше меня всего на два года, но отец относился к нему, как к равному, в то время как со мной всегда держал дистанцию. Как я теперь понимаю — для моего же блага.

Ральфа он считал испорченным. Вроде как всё равно они оба скатятся в одно болото, так к чему прилагать усилия в попытках остановиться? Нельзя спасти то, что родилось проклятым.

— Странная позиция, — фыркнул я.

Промелькнула мысль, а не такой ли точно жирный крест и отец поставил на мне?

Что проклято — то не спасти? Чего уж зря пытаться?

Дядя Винсент продолжал монолог:

— Отец был слишком молод, когда родился брат. Он сам-то был ещё фактически ребёнком. Они и воспринимали друг друга с Ральфом как братья, а не как отец и сын.

— Каким он был? — спросил я. — Твой старший брат? Дядя Ральф?

Я спрашивал не потому, что хотел знать. Просто видел, что дяде необходимо выговориться.

Он сощурился, как это часто бывает с близзрукими людьми, когда они пытаются рассмотреть далеко находящийся от них предмет, и задумчиво протянул:

— Умным. Проницательным. Внимательным к другим людям и оскорбительно-безразличным к самому себе. Ещё тактичным. И чувствительным, как женщина. Нервы у Ральфа были словно оголённые провода — искрили и замыкали при малейшем касании.

Я хорошо помню его смех — горький, лёгкий, невесомый. Удивительно яркие зелёные глаза. Меланхоличный взгляд. Медлительные до томности, плавные, осторожные движения, будто он босиком шёл по битому стеклу.

Но самое главное — брат обладал необыкновенной оболъстительностью, не зависящей, казалось, даже от него самого. Людей тянуло к нему как к магниту. Они теряли голову. Это не походило на обычную человеческую похоть, но то была и не любовь. Я бы назвал это жаждой обладания. Именно так — страстное желание не просто сжать в объятиях, а словно бы впитать в себя, слиться в одно целое. Это была как магия. Сводящие с ума чары.

Дядя Винсент вновь задумчиво покачал головой, словно в ответ на какую-то тайную думу:

— Раньше я думал, что Ральф погиб потому, что не сумел справиться со своей тёмной половиной. Но став старше и мудрее я пришёл к выводу, что это не он доигрался. Это мы его заиграли. Брата убили не его пороки. Его уничтожили наши страсти.

— Вы имеете в виду наш семейных грех — похоть?

— Наша тайная страсть вовсе не похоть, — покачал он головой. — Это гнев. Неконтролируемая, необузданная ненависть, страсть к разрушению и саморазрушению. Тебе этого не понять. По какой-то странной прихоти судьбы тебе эта фамильная черта не передалась. Но именно она часто всему причина и начало. Мой отец не умел справляться со своей яростью. Он слишком часто срывал её на Ральфе, как на идеальной, безответной жертве. Твоя мать не справилась со своей жаждой разрушения и тоже по-своему использовала Ральфа. Хотя по её задумке в этой истории жертвой предстает она, я-то слишком хорошо знаю их обоих, и брата, и сестру, чтобы не видеть истину.

— Без понятия, о чём вы сейчас говорите.

— В нашей семье вовсе не вы первые с Синтией открыли для себя радости внутрисемейного секса.

Я почувствовал приступ той самой фамильной ярости, о которой только что говорил дядя.

А ещё я ему не поверил.

— Вы хотите сказать, что моя мать спала с дядей Ральфом?! Да как вы смеете?!

Винсент смерил меня прохладным взглядом.

Он оставался подозрительно бесстрастен.

— Смею, потому что это правда. Официальная версия была такова, что Ральф изнасиловал нашу младшую сестру.

— Моя мать самая порядочная женщина из всех, кого я знаю. Не смейте порочить её имя!

— В мыслях не было. Я всего лишь сказал тебе правду. Скажу и ещё одну, не менее неприятную: Синтия не дочь Амадея. Она дочь Ральфа.

Новость была оглушающей.

Синтия — сестра мне лишь по матери?

Её отец — родной брат моей матери?

Её отец также и отец Ральфа, теперь уже третьего?

А значит, наш кузен вовсе ей не кузен? Он, как и я, ей сводный брат, но только по отцу?

Катастрофа!

Я всегда подозревал, что, несмотря на то, что спим мы все втроём, влюблена Синтия именно в Ральфа.

А ещё втайне надеялся, что придёт время, я счастливо выпадну из нашего тройственного союза, а Синтия и Ральф останутся счастливы — вместе.

Правда, в последнее время интуиция упрямо подсказывала, что Ральф отнюдь не намерен воплощать мой план в жизнь. И ситуацию он видит иначе.

Словом, отношения наши запутались дальше некуда. Кто в этой ситуации есть кто?

Кто для меня Ральф?

Для себя я его определяю в первую очередь как лучшего друга. Наши с ним многочисленные сексуальные опыты не более чем поиск совместных приключений. Что-то, что делать вместе весело, но без чего легко можно обойтись.

Я никогда не был влюблён в Ральфа и буду крайне удивлён, если окажется, что он хоть на краткий миг был влюблён в меня.

Другое дело Синтия. Как раз её чувства очень даже попадают под классическое понимание влюблённости. Причём — клинической.

Их отношения с Ральфом давно меня пугают.

В последнее время Ральф явно терпит Синтию только из-за меня. Он даже не берёт на себя труда скрывать своё пренебрежение. Синтия ярится, как дикая кошка.

Зато секс у нас безбашенно-бешенный. Огненный, как фейерверк.

Эти отношения, со всей их похотью, яростью, равнодушием, ревностью и боль уродливы по любым канонам. Их пора заканчивать. Но никто из нас не может, более того, не хочет ставить точку.

— Чего вы от меня-то хотите, дядя?

— Я же сказал — ты должен вернуться.

— Чёрт! — взъерошил я волосы. — На сколько всё плохо?

— Хуже вряд ли может быть. К тому, что Ральф ненавидит меня я уже давно привык. Но теперь, узнав правду, он стал и к матери относиться так же. А ты же знаешь, как Стелла любит сына, — опустив глаза, глухим голосом проговорил дядя.

Знаю, знаю. Ради неё ты готов на всё. Вот она, главная причина твоего разлада с братом — Стелла.

— Синтия всё это грязное бельё накопала, да? — хмурясь, задал очередной вопрос я.

Дядя Винсент утвердительно кивнул.

— И не придумала ничего лучшего, как изложить всё это Ральфу?

Снова утвердительный кивок.

Я подозревал в Синтии бессердечную стерву, которая слишком любит себя. Но сейчас вплотную подошёл к осознанию того, что она просто дурочка.

Зачем?! Зачем было рассказывать о своём открытии Ральфу?!

Ну, конечно же! Меня в качестве жилетки не оказалось рядом, и она решила пойти к тому, кто для этой роли совершенно не подходит.

— Ты единственный, кто сможет Ральфа заставить слушать себя, Альберт, — просящим тоном добавил дядя.

— Не обольщайтесь, — хмуро отозвался я. — Ральф никого не слушает. Я не

исключение.

— Ты можешь хотя бы попытаться? Пока он не угробил сам себя, в точности как когда-то его отец.

— Я попытаюсь, — обречённо пообещал я.

10. Мередит. Тени былого

Тропинка петляла между деревьев, пружиня под ногами. Земля словно задалась целью развеселить того, кто по ней ступал. По-мультияшному яркие листья деревьев: кудрявых клёнов, ситцевых берёз, меланхоличных ив мелькали над головой Мередит пока она совершала утреннюю пробежку.

Сердце билось в груди ровно и радостно. Лёгкие наполнял по-осеннему прохладный, свежий воздух. Шуршащего под кедами гравия было неслышно — его заглушала музыка, звучащая в наушниках.

Обычно Мередит любила слышать окружающий мир, но сегодня хотелось ни на что не отвлекаться, а просто бежать.

Дорожка нырнула в узкий просвет между кустарниками и разветвилась. Та, что была присыпана свежим гравием, продолжала уходить прямо, а та, где гравий выщел и почти рассыпался, вводила вправо.

Любопытство и страсть к неизведанному заставили Мередит свернуть на тот путь, который представлялся ей менее исхоженным. Кустарники в этой стороне почти одичали без людского присмотра. Кое-где поблескивали под солнцем яркие бутылочные осколки мутно-зелёного цвета.

В детстве Мередит любила делать из таких секретки в песочнице, закладывая под стёклышко обёртки из-под конфет.

Тропинка вновь круто загнула и вывела из маленького лесочка прямо к двухэтажному коттеджу.

Типичный дом в классическом американском стиле, обитый белым сайдингом, спрятавшийся под крышу с розовой черепицей.

Над входом возвышалась крытая терраса с уютными креслицами, лавочками и зеленью в горшочках.

Мередит остановилась, отключив музыку.

Она вспомнила этот дом.

Вспомнила ярко, явственно и вдруг, так, будто кто-то резко повернул выключатель в её голове.

Она была здесь!

Была не раз и не два. Часто. Вместо с отцом.

Они приходили сюда и накануне того дня, когда её родителей так жестоко убили.

Здесь жил Чарльз Брэдли — человек, которого отец называл своим другом.

Мередит вспомнила, как мистер Брэдли никогда не нравился ей.

Вернее, ей не нравились его дети. А если уж совсем точно — его старший сын. Мальчишка, на год моложе самой Мередит, но ведущий себя так, будто взрослым был тут он, а она — глупая малявка.

У мальчишки ещё было такое претензионное, противное восточное имя — Ливиан.

Этот гадкий Ливиан всегда пакостил: портил платья, ломал куклы, больно толкал в спину. И всё всегда всё сходило с рук.

«Что ты хочешь? — посмеиваясь, говорил отец. — Мальчишки! Вот подрастёт, поумнеет, станет совсем по-другому к тебе относиться. А пока просто будь умнее, Кнопка. Не связывайся с ним».

Но общительная и упёртая Мередит не желала «просто не связываться».

Она раз за разом пыталась подружиться. И раз за разом натыкалась на насмешки и грубость в ответ.

В тот далёкий вечер Мередит всё-таки решила быть пайнкой и никому не докучать, а посидеть рядом с папой и мистером Брэдли. Благо те, занятые разговором, её не прогоняли.

Мередит развлекалась тем, что разбирала на части прихваченную с собой куклу (в её воображении это была операция).

Поначалу она совсем не прислушивалась к разговору взрослых, но потом тревожные интонации в их голосах привлекли её внимание.

— Ты должен послушаться Рэя, Тед, — уговаривал отца мистер Брэдли. — Поговори с Лиен. Объясни, во что она вляпалась. И какими могут быть последствия.

— Не сделаю я этого. Не стану пугать жену, Чарльз! Это совсем ни к чему.

— Считаешь, что Кинг стал бы делать предупреждения просто так?

— Не знаю.

Мередит, подняв глаза, увидела, что непривычно глубокая морщина залегла между отцовской бровей.

— Я не знаю, что сделает или чего не сделает твой возлюбленный Кинг, — отец устало потёр переносицу.

А потом спросил уже совсем другим, злым голосом:

— Неужели ты сам-то всё ещё доверяешь ему, Чарльз? После всего, чему бы были с тобой свидетелями? После всего, что мы о нём знаем?

— Никто из нас не святой, Тед. Иногда, чтобы выжить, приходится делать трудный выбор.

— Да ладно, Чарльз? — ухмыльнулся отец. — Это теперь так называется? Трудный выбор? Да он просто съехал с катушек! Признай это и всё сразу встанет на свои места. Все его поступки объясняются одним — он свихнувшийся псих! А ты хочешь, чтобы я, поверив ему, всё поставил на карту?

— Рэй псих, этого никто не отрицает. Но он не дурак и не фантазёр. Если не хочешь верить ему — не верь. Просто сделай так, как он сказал: уезжай отсюда, Тед! Увези семью, пока не поздно.

— Нет.

— Тед...

— Я сказал — нет! — отрезал отец. — Я не настолько глуп, чтобы бросить всё из-за дурацких сказок!

— Но достаточно глуп, чтобы подвергать риску собственную семью? — холодно спросил тогда мистер Брэдли.

На следующий день отец с мамой погибли.

Мередит начисто забыла про ту встречу.

Зато сейчас застыла в осознании, что разгадка старой истории близка. Правда, к

которой так стремилась Линда, была совсем рядом!

Мерedit вытащила из ушей наушники и решительно направилась к белой веранде. Лишь мгновение колебалась она перед тем, как нажать кнопку звонка.

Раздалась мелодичная трель, но тишина за стеклянной дверью какое-то время оставалось нерушимой. Потом слух различил тяжёлые шаркающие стариковские шаги.

Никто из Брэдли, по подсчётам Мерedit, не должен был так ходить, если только с ними за это время не произошло какое-нибудь несчастье.

Дверь открылась.

На пороге стояла женщина в годах. Умопомрачительный перманент на её на волосах превращал причёску в подобие июльского одуванчика.

— Мисс? — окинула она Мерedit вопросительным взглядом. — Чем могу быть полезна?

Взгляд её был не особенно-то дружелюбен.

Действительно, редко ожидаешь чего-то хорошего от незнакомых визитёров в начала девятого утра. Чаще всего опасаться приходится назойливой рекламы, ненужных услуг или Свидетелей Иеговы.

Мерedit поспешила рассеять подозрения, пока не захлопнули нос перед её дверью:

— Доброе утро. Я — Мерedit Филт. Мой дом стоит на соседней улице, на Авеню-14, Вторая линия. Мы недавно сюда переехали после долгого путешествия. Видите ли, раньше в этом доме жил лучший друг моего отца, мистер Брэдли. Может быть вы слышали о таком? После того, как папа умер, мы не поддерживали отношения, но я надеялась встретиться с ним.

В глазах пожилой женщины зажегся огонёк интереса:

— Авеню-14? Говорите, вы Мерedit Филт? О! Я прекрасно знала ваших родителей, деточка! Значит вы всё-таки вернулись? И какой красавицей стали! Дайте-ка я на вас полюбуюсь, моя дорогая. Заходите! Заходите скорее в дом. Позвольте, душенька, предложить вам чашечку чаю?

— С удовольствием, миссис...?

— Линдсей.

— Как? Сара Линдсей? Это — вы?!

— Так ты обо мне не забыла?

На глазах женщины заблестели слёзы умиления.

— Я прекрасно вас помню, — заверила её Мерedit. — Вы жили в домике через дорогу наискосок от нас. Я обожала играть с вашей очаровательной собачкой.

— Кексик!

Сара постаралась как можно незаметнее смахнуть набежавшие слезинки с глаз.

— Он был такой чудесный. Я так тосковала по нему, когда он умер. Вы же знаете, как я его любила?

— Тяжело терять того, кого любишь, — посочувствовала Мерedit. — Надеюсь, он умер по естественной причине?

— Опухоль. Страдал ужасно, бедняжка. Старость, она такая, — вздохнула Сара Линдсей. — Для всех тяжёлая. Никто уже не видит смысла в том, чтобы с тобой возиться. Становишься как списанный товар с истраченным сроком годности.

Мерedit погладила руку, покрытую морщинистой кожей с пигментными пятнами.

— Знаете, я ведь учусь на врача?

— Какая умница! Думая о тебе, я всегда воображала тебя похожей на твою мать.

Чудесная была женщина, помилуй господь её душу.

— Да, чудесная. По крайней мере такой она предстаёт в моих воспоминаниях.

— Такой она и была. Я плакала, когда узнала о том, что случилось с вашей семьёй. Твои родители этого не заслужили. Бог покарает виновных в их смерти. Рано или поздно для всех наступает час искупления.

Мерedit приняла чашку ароматного чая заботливо протянутого ей миссис Линдсей.

— Ну и каковы успехи? — решила сменить тему гостеприимная хозяйка. — Нравится тебе учиться на врача?

— Когда как, — честно призналась Мерedit. — Хотите, оставлю вам свой телефон? Конечно, врача я вам пока заменить не смогу, но, если вдруг потребуются услуги медсестры — замерить давление или сделать укол, с радостью окажу вам услугу.

— А мы с мужем с радостью примем вашу помощь.

Мерedit записала номера контактных телефонов и протянула их Саре.

Допив свой чай, Мерedit вернулась к интересующей её теме:

— Пожалуйста, расскажите мне, где отыскать мистера Брэдли?

Миссис Линдсей вздохнула.

— К сожалению — на кладбище.

— Как?! — ужаснулась Мерedit. — Он умер?

— Больше года тому назад, — сокрушённо покачала головой Сара. — От сердечного приступа. Только представь? Сердечный приступ в его-то годы? Совсем ведь молодой был мужчина. Ему едва ли было сорок? Но ничего удивительного на самом деле в этом нет. С его сыновьями у кого угодно случился бы инсульт. Мальчишки те ещё шалопаи! С тех пор, как они отсюда съехали, вся улица вздохнула с облегчением.

Мерedit была не в силах скрыть охватившего её разочарования.

— Я так надеялась увидеть его. А адрес сыновей у вас есть?

— Найти адрес Ливиана не проблема, но поверь мне, милая, девушке вроде тебя не стоит искать встреч с таким, как он.

— Думаю, единственный разговор не ввергнет мою душу в пучину ада.

— Я уже говорила — Ливиан Брэдли опасный человек. Пропащая он душа. К счастью, я на самом деле очень мало могу о нём рассказать. Знаю только, что он работал в Астории вместе с сыном Рэя Кинга.

Они ещё немного поболтали.

Пообещав непременно зайти ещё раз, Мерedit раскланялась с новой старой знакомой.

Линда, дожидаясь младшую сестрёнку с затянувшей утренней пробежки, уже приготовила блинчики, и вся извелась от раздражения. Непутёвая не спешила к завтраку.

Мерedit тоже была огорчена собственным поведением. Пришлось галопом мчаться в душ, быстро переодеться и изображать аппетит.

Это потребовало применения всех её актёрских способностей.

Во-первых, за чаем и душевной беседой у миссис Линдсей был съеден вкусный кусок яблочной шарлотки. Во-вторых, блинчики Линды это — блинчики Линды. Сестра и сама знала, что кулинария не её конёк. Среди внушительного списка достоинств Линды Филт не числилась графа: «отлично готовит, особенно блинчики».

— Где тебя носило столько времени? — ворчала Линда. — Я уже подумывала, не заблудилась ли ты в парке?

— Это невозможно.

Мерedit, щедро полила подгорелый кусок теста малиновым сиропом, чтобы хоть как-то пропихнуть его в рот.

— Парк весь в указателях и в дорожках. Там даже младенец не потеряется. Скажи ты помнишь, мистера Брэдли?

— Какого мистера Брэдли?

— Папиного друга. Он жил по другую сторону парка.

— Не было у папы друга.

— Был.

— Не говорил глупостей. Не было. Я бы знала.

Мерedit вздохнула, но не стала настаивать. Себе дороже.

— А миссис Линдсей, жившую вон в том доме, помнишь? — она указала на виднеющийся в окне коттедж. — Мама всегда брала у неё цветы на рассаду.

— Миссис Линдсей помню. И преотлично.

— Так вот, она теперь живёт в доме бывшего папиного друга. Всё время, пока меня не было, я провела с ней.

— У папы не было никакого друга, жившего неподалёку отсюда, — ещё раз повторила Линда перед тем, как подняться из-за стола. — Вымой лучше посуду. Я иду в кабинет. Нужно просмотреть кое-какие документы.

— Ну, конечно, — кивнула Мерedit. — Эти бесконечные документы!

Стоило Линде выйти из кухни, она сразу же вывалила остатки завтрака в мусорное ведро и сунула опустевшие тарелки в посудомоечную машину.

На секунду застыла в раздумье: стоит ли вообще игра усилий с её стороны? Отыскать убийцу родителей идея-фикс Линды, а вовсе не её.

Секунды хватило, чтобы принять решение.

По её истечении Мерedit Филт звонила Катрин Клойс:

— Катрин? Мне нужна твоя помощь. Встретимся?

— Далеко собралась? — поинтересовалась Линда, перегнувшись через перила с площадки второго этажа.

Чертыхнувшись про себя, Мерedit подняла голову, одарив сестру ослепительной улыбкой:

— Катрин просила встретиться.

Линда свела брови:

— Но ты ведь не собираешься брать мою машину?

— Люблю тебя, Линда.

— Она может понадобиться мне самой!

— Я скоро вернусь.

— Мерedit!!!

Но младшая из сестёр Филт уже предусмотрительно закрывала за собой дверь.

Через полчаса Мерedit подъехала к отелю, где её дожидалась Катрин.

Ещё приблизительно столько же времени ушло, чтобы обрисовать ситуацию.

— Значит, ты планируешь поехать в Асторию? — уточнила Катрин.

— Можно попытаться найти Ливиана Брэдли по справочнику, но, мне кажется, на это уйдёт в три раза больше времени.

— Скажи, у тебя есть опыт общения с персоналом в борделях?

— Нет.

— И у меня тоже — нет. Как думаешь, на что похожи бордели при свете бела дня?

— Может быть, на приличную контору? — с надеждой протянула Мередит. — Или на мотель?

— Поехали уже? — смиренно вздохнула Катрин.

Быстро промелькнули аккуратные домики с небольшими террасами. Потом — деревья, обступившие дорогу.

Следуя указаниям навигатора, они вскоре выехали на стоянку перед большим зданием. Несмотря на дневное время она оказалась забита автомобилями. Пришлось покружить, выискивая место для парковки.

Окинув здание взглядом, девушки нашли, что оно ничем не отличается от других — ни порочащих названий, ни кричаще-вызывающих эмблем. Вполне приличный, хоть и яркий экстерьер.

Взгляд Мередит непроизвольно выцепил парочку, задержавшуюся у входа, повисшую друг на друге в объятиях.

— Привет, ребята, — обратилась к ним Мередит. — Это «Астория»?

— Она самая.

— Не подскажете, как попасть внутрь?

— Через дверь? — хмыкнул парень, кивая на застеклённый вход.

— Можно войти? — удивилась Катрин.

— Почему нет? «Астория» — лучший ресторан в городе.

Поблагодарив стоворчивую парочку, подруги шагнули внутрь.

Океанским прибоем накатила волна голосов. Звякали столовые приборы. Взлетал чей-то радостный смех.

Вдоль правой стены тянулась барная стойка. Остальная часть зала заполнялась круглыми столиками на четверых. Свободных мест было мало.

Заняв один из столиков, Мередит и Катрин дождались, пока симпатичная официантка подошла к ним:

— Добро пожаловать в «Асторию». Я — Бонни О*Харра.

Мередит предпочла сразу перейти к делу.

— Добрый день, Бонни. Нам сказали, что мы можем здесь найти одного человека. Поможете?

На лице Бонни О*Харра не отразилось никаких эмоций, кроме профессиональной угодливости.

— Скажите, вы знаете человека по имени Ливиан Брэдли? — Мередит пододвинула к девушке стодолларовую купюру.

Та посмотрела на деньги. Лицо её было нечитаемо.

— Ливиан Брэдли в «Астории» не работает.

— Вы уверены?

— Да, мэм, уверена.

Катрин положила перед девушкой ещё одну стодолларовую купюру:

— Возможно, вы знаете кого-то другого с похожим именем?

— Возможно, речь идёт о Ливиане Санфиле, мисс?

— Возможно.

— Ливиан Санфил работает здесь по субботам. Он участвует в проекте под названием «Blood».

— По субботам? Но к сожалению, суббота была вчера. Мы не может ждать ещё целую неделю. Нам необходимо поговорить как можно быстрее. Не могла бы ты дать нам номер его телефон или, скажем, адрес?

Бонни покачала головой:

— Я не знаю ни его адреса, ни телефона. Но, если хотите, могу попросить менеджера поговорить с вами?

— Будь так любезна.

Девушка приняла у них заказ, забрала деньги и упорхнула куда-то в загадочные глубины заведения.

Менеджер не заставил себя долго ждать. Ужом проскользнув между столиками, он с улыбкой приветствовал девушек, испросив разрешение присесть за их столик.

— Итак, дамы? Чем могу быть полезен? — с профессиональной угодливой наглостью поинтересовался он.

— Нам нужен адрес Ливиана Санфила, — напомнила Мередит.

Она уже приготовилась изложить заранее заготовленную, стилизованную легенду о кузене из детства, с которым их разлучила жестокая судьба, но Катрин опередила её, бросив с замораживающей, надменной прямолинейностью:

— Мистер Кларк, — (имя красовалось не бейджике) — назовите вашу цену.

— Простите, мисс?

Катрин подняла на него серые глаза, в которых льдинкой светилось презрение:

— Какая сумма избавит от необходимости вести лживый диалог и сохранит нам всем драгоценное время?

— Тысяча долларов, — скрестил руки на груди мистер Кларк, окидывая Катрин дерзким взглядом.

Мередит чуть не присвистнула, когда Катрин небрежным кивком подтвердила сделку и с королевским спокойствие достала из сумочки требуемую сумму, положив перед ним пачку денег.

— Пишите адрес.

Ухмыльнувшись, Кларк щёлкнул авторучкой:

— Держите, — пододвинул он пальцами салфетку к Катрин. — Развлекайтесь, девочки! — глумливо подмигнул он им. — Желаю приятно провести время. Только не говорите Ливиану, что это я помог вам его найти.

— Не скажем, — заверила его Катрин. — Всего хорошего.

Мередит не оставалось ничего другого, как последовать за подругой.

— Вот ведь противный тип, — с омерзением передёрнула плечами Катрин. — Ты по-прежнему уверена, что это хорошая идея — встречаться с этим Ливианом?

— У меня с самого начала не было такой уверенности, а теперь всё стало только хуже. Но отступить после того, как ты обеднела на тысячу долларов я просто не имеют права. Полторы тысячи долларов за информацию, которую мы просто поленились поискать в справочнике, не дороговато ли, подруга?

— Я рада, если эти бумажки смогут помочь хоть кому-то.

— Бумажки?! Тысяча долларов?

Они с сестрой привыкли существовать вдвоём на триста пятьдесят баксов в месяц. И

никогда не считали себя не нищими.

А тут выкинуть больше тысячи одним махом?

— Бумажки, — уверенно кивнула Катрин. — Не думай, что я не знаю цену деньгам. Просто... даже не знаю, как это тебе объяснить, Мередит. Когда заработаешь деньги — они по праву твои. А так? Я не могу воспринимать их как нечто мне принадлежащее. Я их не заработала, не заслужила. Даже не своровала. Мне просто плевать на них. Но я рада, если они помогут тебе что-то узнать о твоих родителях. Но ты не рада?

Мередит вздохнула:

— Призрачная ниточка, тянущаяся к гибели людей. Эта ниточка, может быть, приведёт нас к ключам, отпирающим чёрную дверь со страшными секретами. Я не уверена в том, что стоит ворошить прошлое.

— Хочешь отступить?

— Хочу. Но не отступлю.

11. Мередит. Ливиан Брэдли

Мередит хотела подкинуть Катрин в библиотеку по дороге, чтобы та не теряла времени даром.

Но подруга упёрлась:

— Мы едем бог весть куда, чёрт знает к кому. Что-то мне подсказывает, что этот Ливиан Санфил вовсе не мальчик из церковного хора.

— У тебя потрясающая интуиция!

— Язвить можешь сколько угодно, но я буду ждать тебя в машине. Если через час не появишься и не дашь о себе знать — вызову полицию.

— Может, не стоит так радикально?

Катрин лишь пожала плечами, как бы говоря: «Стоит».

Навигатор диктовал повороты согласно заданной программе.

Следуя ей, подруги заехали в район, сильно отличающийся от всех, что они привыкли видеть в Эллиндже.

Как оказалось, город не состоял целиком из карамели и сахара. Были тут ещё и такие, мрачные и серые, запущенные кварталы.

Унылые дома из мрачных бетонных блоков с подслеповатыми окошками тесно обступали дороги, напоминая пчелиные соты, лишённые мёда.

В местах, подобных этому, сразу познаётся истинное значение слова: «аура». Всё вроде бы в норме — асфальт, газон, дом, булочная. Но в воздухе витает безысходность и тоска.

Полное безразличие к жизни, к себе, к окружающим проглядывало через чахлую поросль травы на развороченных шинами газонах. Зияло ямами, выбитыми в асфальте. Поблескивало в осколках битого стекла.

— Ну и местечко! — скривилась Катрин. — Будь осторожна, — напутствовала она Мередит.

Запах нечистот, кошек и бензина стойко держался в воздухе.

Этот незабвенный аромат рефреном звучал на протяжении всей дворовой композиции, пока Мередит, сопровождаемая любопытными, недружелюбными взглядами местных кумушек, шла к подъезду.

На счастье Мередит, ничего похожего на домофон в подъезде не наблюдалось. Дверь

была распахнута, являя миру обшарпанные стены с облупившейся зелёной краской.

В пролёте, уводящем на второй этаж, валялась обёрточная бумага и окурки. У основания лестницы, перед лифтом, отдыхала пустая бутылка из-под пива.

Но всё это были цветочки.

Ягодки начались в тот момент, когда Мередит нажала покорёженную кнопку вызова лифта.

Двери разошлись в стороны, за ними оказалась маленькая кабинка, метр на метр, с изрисованными чёрной краской стенами. Зеркало, зачем-то висящее здесь, было в таких разводах, что лица и не разглядеть.

Становилось страшно за обитателей этого дома — так свинячить психически здоровые люди не могли.

Мередит, выдохнула с облегчением, выскользнув на свободу.

Сверив ещё раз номер квартиры с указанными на бумаге цифрами, нажала на кнопку звонка. Раздалась мелодичная трель.

С замиранием сердца она услышала, как щёлкнул замок и в следующий момент худой, красивый парень посмотрел на неё примерно с той же теплотой, что кобра на путника, случайно наступившего в её гнездо.

Мередит подумала, что есть в нём нечто неправильное, почти непристойное и решила, что всё дело в шёлковом халате, надетом прямо на голое тело. В таком мало кто выглядит презентабельно, хотя на молодом человеке смотрелось сексуально.

— Здравствуйте, — кашлянула она от смущения. — Вы — Ливиан Брэдли?

— Положим. А вы кто такая? — окинул он её равнодушным взглядом.

Голос у Ливиана был низким, похожим на угрожающее рычание хищного зверя.

— Я — Мередит Филт. Вы меня помните?

Прислонившись плечом к дверному косяку молодой человек поглядел на неё исподлобья:

— А должен?

— Если ты — Ливиан Брэдли, то мы вместе играли детстве...

— Послушайте, девушка, — перебил он, устало морщась. — Я не знаю, как вы нашли мой адрес, но у меня сейчас выходной. Я планировал расслабиться. Так что, если вы не против?..

Рука Ливиана легла на дверь в явном намерении её захлопнуть прямо у неё перед носом.

Не на ту пал!

— Я — против! — воскликнула Мередит. — Найдите для меня минутку! Моя проблема не займёт много времени.

— Что ж? — скрестил Ливиан руки на груди. — Тогда — шестьсот долларов.

— Что — шестьсот долларов? — не поняла Мередит.

— Расценки на услуги, леди. Один час — шестьсот долларов.

— За что вы предлагаете мне платить? — растерялась она.

— Да за всё что угодно. Чтобы вы не делали в этот час — это будет стоить озвученную сумму. Можете продолжать на меня глазеть, вот, как сейчас. Я не буду в обиде. А так совершенно любой каприз за ваши деньги: ваниль, девайс, бондаж, садо-мазо.

— Круто! — попыталась за насмешливой бравадой скрыть охватившее её смущение Мередит. — Но мне так много не надо. Мне бы только поговорить. Задать пару вопросов — и всё.

— Я же сказал, всё что хотите. Но — сначала деньги.

— С тех пор, как я видела тебя в последний раз, Ливиан Брэдли, ты стал ещё несноснее, хотя это и кажется невозможным!

Ливиан в ответ глазом не моргнул, плечом не повёл.

— У меня нет с собой шестисот долларов! Доволен?

Отклеившись от косяка, он вновь положил узкую ладонь на дверь:

— На нет и суда нет. Всего доброго, мисс Филт.

— Подожди!

Мерedit ловко скользнула в образовавшийся проём между дверью и косяком, ворвавшись в квартиру.

Ей это удалось без особого труда.

Движения у Ливиана были замедленные, словно он прилагал усилия к тому, чтобы держаться на ногах, не шатаясь из стороны в сторону.

«Да он пьян», — наконец догадалась Мерedit, тут же пожалев о своём смелом вторжении.

— Послушай, я не займу много твоего драгоценного времени, — пробормотала она. — Даже пообещаю принести тебе твои клятые шестьсот долларов как-нибудь на досуге. Как только разбогатею, — с нервным смешком закончила она.

— Так-так! Теперь я узнаю тебя. Мерedit Филт? Младшая дочка старины Теда? Папочкиного верного дружка. Ну что ж? Раз уж взяла приступом мою холостяцкую халупу — проходи. Только не обессудь, кофе с тортом предлагать не станут. Если хочешь, могу угостить виски?

Продемонстрировал Ливиан поднятую им со стола наполовину опустошённую бутылку.

Кухонька была крохотная. В ней царила та же атмосфера упадка и разлада, что и повсюду.

Усевшись на табурет, пододвинув к себе стеклянную пепельницу, чиркнув зажигалкой, Ливиан затянулся сладковатым табачным дымом.

Ощущение неправильности нарастало.

Мерedit внезапно сделалось душно в этой маленькой комнате, где они были так близко друг к другу, зажатые между стульями, раковиной и холодильником.

— Так что ты хотела узнать? — выдохнул он колечко едкого табачного дыма.

— Я надеялась, что ты мог что-нибудь знать от своего отца об убийце моих родителей. Дать пусть маленькую, но зацепку.

— Зачем?

— Что значит — зачем? — удивлённо вскинула брови Мерedit.

Сцепив пальцы в замок, Ливиан уронил руки на стол:

— Зачем тебе искать убийцу родителей? Разве твоё знание правды поможет им? Но это может дорого обойтись тебе самой. Обычно я не даю советов, но в память о детстве сделаю исключение — иди домой и забудь сюда дорогу.

— Ты так легко об этом говоришь! — горячо возразила Мерedit. — Разве сам ты не искал убийцу *своего* отца? Разве сам ты не хотел знать правду?

Допив оставшееся бренди одним глотком, Ливиан покрутил бутылку в пальцах, придерживая за узкое горлышко.

Тонкие ноздри его расширились. Глаза превратились в две узкие щёлочки:

— Брэдли — жалкий трус. И эта вовсе не та правда, которую я хотел бы о нём знать.

Мередит в недоумении смотрела на Ливиана.

— Он — самоубийца, — холодно пояснил он. — Повесился. Вон на той балке. И даже посмертную записку классически накропал, сучонок. Так, мол и так, сыночки, без меня вам будет лучше. Нам и вправду хуже не стало. Но это не отменяет того факта, что он безответственный, безвольный трус.

— Зачем он это сделал? Почему?

— Задавать некоторые вопросы опасно, Меридит. Уверена, что хочешь выслушать ответ?

Ливиан раздавил очередной окурок в пепельнице и лениво потянулся, закидывая руки за голову:

— В общих чертах, чтобы не травмировать хрупкую девичью психику, скажу так: Брэдли был куском дерьма. А когда тебя начинает тошнить от собственного отражения в зеркале, то гораздо большее мужество нужно для того, чтобы продолжать жить, чем взять и просто умереть.

— Умирать совсем не просто.

— Тебе-то, Дюймовочка, откуда знать? — презрительно пожал он плечами.

Мередит знала и не понаслышке.

За год работы медсестрой в клинике приходилось не раз закрывать людям глаза, провожая их в последний путь. Ни разу это не было просто. Даже когда процесс умирания был естественный и неотвратимый, большинство людей до последнего боролись за жизнь.

— Чтобы добровольно умереть нужно либо мужество, либо полное отсутствие мозгов, — сердито сказала она. — Большинство людей играют со смертью, думая, что это обратимо. А когда осознают истину, бывает слишком поздно что-либо менять.

— Повторю вопрос — откуда ты знаешь? На психолога учишься?

— Год проработала в онкологическом отделении. Это была больница для бедных людей, проходящих лечение за счёт государства. Там всего не хватало — от постельного белья до морфина. Люди терпели жуткую боль, зная, что обречены, но боролись за каждый вдох лишь бы прожить ещё миг. Увидеть лица близких. С каким выражением они смотрели на обыденные, но ускользающий вместе с жизнью, вещи? У них не было никакой надежды — а они всё равно надеялись! Скажи, как можно такой бесценный дар, как жизнь, взять и добровольно отринуть?

— Вообще-то можно, — усмешка Ливиана была полна горечи. — Когда ты один из Брэдли. На самом деле отец был не так уж и не прав в своём решении. Боюсь, если бы я мог сделать тоже, что и он, я бы, в свой черёд, выражаясь твоими словами «отринул бы сей драгоценный дар». Но моё самоубийство технически невозможно.

Ливиан флегматично пожал плечами перед тем, как вытащить пробку из бутылки коньяка, которой, кажется, предстояло разделить участь бренди.

— Знаешь, Мередит Филт? — лениво протянул он. — Ты мне даже нравишься. Наверное, потому, что совсем к этому не стремишься?

— А почему я должна к этому стремиться?

— Потому что обычно девочки любят плохих парней. А я — плохой парень.

— Правда?

— Нужны доказательства?

— «Но шутки с бродячей собакой бездомной

Опасны. Особенно полночью тёмной», — тихонько напела Мередит.

— Что, прости?..

— Ты не выглядишь благополучным и довольным жизнью. Хотя, знаешь? — в улыбке Мередит проскользнуло откровенное лукавство. — Вообще-то, если честно, занудство у тебя в крови. Ты всегда был склонен дуть губы вместо того, чтобы радоваться жизни.

— А ты, я вижу, во всём видишь повод для радости? — хмыкнул он.

— По крайней мере не вижу причин этого не делать. Кто знает, сколько богом отпущено дней в этом мире? Пусть каждый идёт в зачёт.

— Ты веришь в бога? И в загробном мире, наверное, тоже? В поддержание беседы позволь заметить, что простая логика подсказывает очевидное: бога либо нет, либо он ужасный засранец. Иначе какой ему смысл создавать мир таким, каков он есть?

— А с чего ты взял, что таким, как он есть, его создал бог? — возразила Мередит. — Наш мир мы делаем сами. Наша жизнь такая, какой сумеем её построить.

— Хочешь продемонстрирую тебе ошибочность твоего постулата? Прямо здесь и сейчас?

— За шестьсот долларов?

— Абсолютно бесплатно.

Ливиан поднялся на ноги и, чуть пошатываясь, качнувшись, подошёл к стулу, на котором сидела Мередит.

Он рывком отодвинул его от стола и, крепко сжав её запястья, заставил подняться.

— Что ты делаешь? — спросила она, от удивления распахнув глаза.

— Показываю тебе, что добро и зло не абстрактные понятия.

— Чтобы ты там о себе не думал, ты не зло, Ливиан, — тихо сказала Мередит, опуская ресницы и невольно заливаясь краской под пристальным и жарким взглядом.

— Откуда ты знаешь? Ты видишь меня фактически в первый раз. Но ты уже успела понять, что я тебе нравлюсь, правда? — усмешка его была ядовитой. — Какая неожиданность! Я многим нравлюсь. Слишком многим. Потому что вы, дурочки, предпочитаете верить своим фантазиям, а не фактам.

— Я не сказала, что влюблена в тебя.

— Это тоже закономерно. Игрушки обычно нравятся, но кто же в них влюбляется? — жёстко бросил Ливиан.

Взгляд у него был ледяной.

Сердце Мередит сжалось. Как ни странно, от сочувствия, а не от страха. Хотя, наверное, следовало бояться? Глаза у него были дикие, колючие и тёмные. А ещё он был то ли пьян, то ли под кайфом, то ли и то и другое вместе.

— Я лучше пойду, — сказала она, попытавшись выскользнуть из рук Ливиана.

Не получилось.

Чтобы заполнить опасную паузу Мередит застрочила, старательно избегая глядеть Ливиану в лицо:

— Спасибо за то, что...

— За что? — иронично переспросил он.

— Наверное, за то, что не вытолкнул меня вон сразу, а позволил сначала немного потоптаться у себя на кухне.

— В благодарность ты окончательно испортила мне настроение.

— Неправда! — мотнула головой Мередит. — Я здесь совершенно не при чём.

— Ещё как причём.

— Не мог бы ты...

— Что?

— Отодвинуться. Прости, но выглядит это так, будто ты ко мне клеишься. А ночь с тобой мне не по карману, золотой мальчик.

— Ночь?.. Кто тут говорит про ночь? — скабрёзно ухмыльнулся он. — Договор, помнится, шёл на час. Но ладно, симпатичным девушкам можно сделать скидку.

— И в какую сумму по прейскуранту обходится лишение невинности назойливым девственницам?

— Ты — девственница?

Щёки Мередит порозовели:

— Да что б тебя! Кстати, шестьсот долларов, это с учётом скидки или без?

— С учётом.

— Ты жутко меркантильный тип, Ливиан Брэдли!

— На работе я — Санфил.

— Работа отменяется. Пусти меня.

Схватив её за плечи, Ливиан крепко, почти грубо, припечатал Мередит к стене.

— Я же уже сказала, у меня...

— К чёрту! Для тебя всё совершенно бесплатно, Мередит Филт!

Странно, когда она сюда вошла, она нисколько не была ему интересна. Но что-то изменилось. Сейчас от Ливиана веяло откровенным желанием — дышать становилось тяжело.

Ухватив одной рукой за затылок, другой — за подбородок, он поцеловал Мередит, обдавая её волнующим ароматом, в котором смешались запахи виски, травы и холодного аромата лосьона.

Его близость оглушала.

По началу Ливиан просто прижимался губами к её губам, медленно и крепко.

Потом она ощутила жадные прикосновения его языка.

Эти горячие, словно уже берущие её, поцелуи, заставляли сердце колотиться всё быстрее и сильнее.

«Пусть это закончится, — пронеслось в голове, идущей кругом. — Пусть это никогда не кончается!».

Однако страсть резко, как туман под порывами ветра, слетела, когда губы Ливиана неожиданно сильно вонзились в её нижнюю губу.

Мередит протестующе замычала, пытаясь высвободиться из оплетающих её рук и с ужасом поняла, что он не собирается её отпускать.

Хуже того, Ливиан, казалось, даже не осознавал её сопротивления, продолжая всасывать её губу вместе с кровью, сочащейся из ранки.

Может кому-то это и приятно, но не Мередит. Она подобных игр не принимала.

Изо всех сил упираясь руками ему в грудь, она пыталась прервать эти ласки, больше похожие на изнасилование.

И в какой-то момент ей стало совершенно ясно, что подобный исход возможен.

А главное, она сама виновата в том, что поставила себя в положение, из которого не знает, как выпутаться.

Почувствовав, что девушка замерла в его руках испуганной птичкой, Ливиан остановился, глядя на неё тяжёлым волчьим взглядом.

— Ну а слёзы-то к чему?

Презрительно протянул он, отступая на шаг и скрещивая на груди руки, в одно мгновение из пылающего вулкана вновь превращаясь в ледяной айсберг.

— Ты сделал мне больно, — испуганно выдохнула Мередит, стирая кровь с губ.

— Прости.

Простить? Запросто. К чему разводить лишнюю драму?

Осторожно, бочком, словно опасаясь спровоцировать новое нападение, Мередит проскользнула к двери.

— Ты пришла узнать о виновных в смерти родителей. Так?

Мередит замерла, чувствуя лёгкое раздражение.

— Как я поняла, ты не собирался открывать мне эту тайну?

— Не собирался. И правильно делал. Вряд ли сведения, которые я тебе сейчас дам, подарят желанный покой.

Ливиан потянулся за новой сигаретой.

— Будем считать это компенсацией за мою грубость. Полагаю, ты считаешь, что твоих родителей убил кто-то из тех, на кого он работал?

Мередит кивнула.

— Логично предположить вину кого-то из банды Сангрэ, — продолжил он. — Но твоих родителей убили другие люди. Скажу больше — устраняли не твоего отца, а твою мать.

— Маму?.. Кому она могла помешать? Такие, как она, никогда никому не переходят дорогу. У неё не было даже недоброжелателей!

— Думаешь, враги бывают лишь у плохих людей? Таких, как я, например? — скривил Ливиан губы в злой усмешке. — Думаешь, твоя красота и лёгкий характер вызывают в людях лишь симпатию? Если — да, ты ничего не знаешь о людях. Иногда им достаточно просто твоего существования, чтобы тебя ненавидеть. Но твою мать убили не завистники. Ты знаешь, чем она занималась незадолго до смерти?

Мередит помотала головой.

— Она работа на Синтию Элленджайт.

Мередит едва заметно вздрогнула.

— Писала книгу на заказ госпожи Элленджайт, как многие её здесь называют. Загадочная персона, которую умные люди предпочитают обходить стороной. Твоих родителей убила эта женщина. Не собственными руками, конечно. Хотя — меня ведь там не было.

— Синтия Элленджайт? — ошарашенно проговорила Мередит. — Но... но моя сестра сейчас работает на неё.

Ливиан слегка приподнял брови, словно вежливо говоря: «О! Правда? Как занятно».

Пауза грозила затянуться.

Дело сделано. Не было причин оставаться.

— Спасибо за информацию. И всего тебе доброго, мрачный Ливиан. Удачи! — кивнула Мередит на прощание.

Резким, как бросок кобры, движением, Ливиан удержал её за руку:

— Оставь номер своего телефона.

— Зачем?

— Что-то мне подсказывает, что рано или поздно мне захочется увидеть тебя снова. Скажи, ты часто попадаешь в неприятности?

— Я? — засмеялась Мередит. — Сегодняшний случай скорее исключение, чем правило.

Вообще-то мы с неприятностями предпочитаем держаться друг от друга подальше.

Снова чуть горьковатая, чуть подтрунивающая улыбка коснулась губ Ливиана:

— Мне будет спокойнее от мысли, что я смогу найти тебя, если захочу.

Мередит продиктовала номер своего телефона.

Ливиан, кивнув, отзвонился.

Телефон в сумочке Мередит запел бодренькую жизнерадостную мелодию.

— Звони, если что.

Уже с порога Мередит обернулась:

— Ливиан?

— Да?

— А «просто соскучилась» сойдёт «за если что»? Или звонить только в случае крайней опасности для жизни?

Он снова усмехнулся:

— Ну, я пойму тебя, если ты соскучишься по мне до смерти.

Мередит ответила на его улыбку:

— До встречи, кошмар моего детства.

— Ещё увидим, назойливая девчонка.

12. Катрин. Архивная пыль

— Всё нормально? — спросила Катрин Мередит, как только та заняла своё место за рулём автомобиля.

Катрин заметила, что у подруги странно блестят глаза, словно от непролитых слёз.

— Всё хорошо, — кивнула Мередит, хлюпнув носом.

Стало понятно, что раскрывать подробности подруга не собирается.

Катрин немного обиделась. Проторчав целых полтора часа в машине она уже успела заскучать. Сидеть без дела в ожидании всегда было для неё пыткой. Ей обязательно нужно было занять чем-то либо голову, либо руки.

— Узнала, что хотела? — не удержалась от любопытного вопроса Катрин.

— Не уверена, что именно это я хотела узнать, — вздохнула Мередит. — Но на мои вопросы Ливиан ответил. Ладно, долг платежом красен. Поехали теперь в твою библиотеку. Кстати, если не секрет, зачем ты туда рвёшься? — повернула она ключ в зажигании.

— Хочу узнать, что стало с автором дневника, что мы нашли в Кристалл-холле.

— Зачем?

— Судьба этих людей не даёт мне покоя. Они мне даже снятся, — призналась Катрин. — Это как зацепившая тебя книга — не отпустит, пока не прочтёшь до конца и не узнаешь, чем кончилась история.

Городская библиотека была местной достопримечательностью — старинное, красивое здание из серого камня. Внутри оно чем-то напоминало храм. Возможно, подобный эффект давал куполообразный потолок, расписанный фресками?

Когда Катрин увидела многочисленные стеллажи с книгами, стоящими вдоль стен, ей показалось, что она попала в рай.

Именно так и выглядел её идеальный мир: чистота, тишина, легкая прохлада и запах книг.

В зданиях, подобных этому, Катрин могла бы блуждать до бесконечности. Касаться гладких книжных корешков, пробегаться взглядом по их названию, возвращать на место.

Это действительно был её храм, её святилище знаний.

Следуя за Мередит по зелёной ковровой дорожке, пробегающей через центр, Катрин толкнула пальцами огромный глобус, заставив его завертеться.

Миновав изящные стулья, пюпитры и картины, вслед за Мередит остановилась у библиотечной стойки.

Поздоровавшись, девушки объяснили, что за информацию они хотели бы получить.

Удобно устроившись за одним из многочисленных пустующих столов, дожидались, пока записавшая что-то в бюллетень библиотекарь удалилась в загадочные недра архивов.

Чтобы скоротать время, Катрин шагнула к библиотечным каталогам. Они хранились по старинке, в деревянных выдвижных ящичках.

Было нечто для неё удивительно загадочное и привлекательное в истершихся прямоугольных листиках бумаги, соединенных серой бечёвкой.

Жаль, что, когда библиотеки полностью перейдут на электронные ресурсы, эта магия исчезнет.

— Всё, что удалось отыскать по вашему запросу, — положила библиотекарь перед девушками папку с документами.

Катрин и Мередит азартно погрузились в её изучение.

Тот, кто собирал эту подшивку, потрудился на славу. Копии старинных газетных вырезок оказались заботливо разложенными в файлы в хронологическом порядке.

Первые, датированные 1850 годом, отличались типичным для того времени четырёхполосным расположением текста.

— На мой вкус газеты того времени не отличались увлекательностью. Сплошные политика и торговля, — фыркнула Мередит. — Хотя, если посмотреть современное телевидение, по сути ведь тоже самое? Всё, что мы смотрим, так или иначе, сводится к рекламе или новостям. Послушай, в этой статье написаны — рабы? Неужели в 1850 году в Америке ещё было рабство?

Катрин посмотрела на подругу круглыми от удивления глазами.

Мередит рассмеялась:

— Да пошутила я! На самом деле в курсе, что хижины для дяди Тома простояли как минимум до 61. Но, наверное, лучше не стоит про негров? Давай вернёмся к нашим красивым мальчикам из Хрустального замка. Что про них написано?

Катрин зачитала:

«Несчастный случай или самоубийство молодого Альберта Элленджайта?».

— Где? — заглянула ей через плечо Мередит. — Не вижу.

— Смотри полицейскую хронику. Мелким шрифтом.

«Вчера, в 6 ч. вечера, около Пасам-бич под один из проходивших здесь поездов железной дороги бросился молодой человек лет 20–25.

Колёсами вагонов ему оторвало голову.

На вытребованном со станции паровозе тело самоубийцы было отправлено на вокзал, а оттуда в городскую больницу.

Никаких документов при себе у самоубийцы не было, однако полицейским вскоре удалось установить личность пострадавшего. Им оказался наследник Амадея Элленджайта — Альберт Элленджайт, 21 года от роду.

Приносим соболезнования родственникам погибшего».

Стало горько будто скончался давнишний знакомый.

Неправильная жизнь, несправедные поступки всегда заканчиваются плачевно. Дело лишь во времени. К одним расплата за грехи приходит раньше, к другим — чуть позже, но платить по счетам приходится всем.

В жизни, как в банке, есть только один способ избежать расплаты — не делать долгов.

У Альберта Элленджайта, похоже, так не получилось.

Жаль.

Пока Катрин предавалась печальным умозаключениям, Мередит перевернула файл, открывая следующую, пожелтевшую от времени, газетную вырезку.

«Попытка убийства и самоубийства»

Гласил заголовок.

«Молодой человек чуть не застрелил барышню»

В доме № 6 по Каренхаус помещается пансион с комнатами внаём.

Вчера утром сюда пришли прилично одетый молодой человек и барышня. Они заняли отдельный номер.

Прошло несколько минут и служащие услышали раздавшиеся из комнаты выстрел и стоны.

Когда они вошли, молодой человек лежал на полу. Из рта его сочилась кровь. Рядом с ним валялись опорожнённый флакон с уксусной эссенцией и револьвер.

На вопросы служащих пансиона барышня отвечала, что молодой человек пытался добиться её любви, а когда она ответила отказом, он сначала отравился, а потом пытался застрелить и её.

Служащие незамедлительно вызвали констебля.

Последние без труда выяснили личности участников скандального инцидента. Ими оказались Синтия и Ральф Элленджайты.

На вопросы и обвинения констебля юноша отвечал вызывающим смехом, заставляющим сомневаться в его вменяемости.

Дело оставлено для последующего судебного разбирательства».

Катрин сильно сомневалась в намерении Ральфа добиваться любви Синтии. Согласно записям Альберта, все бастионы пали задолго до описанной сцены. Между Синтией и Ральфом произошло совсем не то что отражалось в газете.

Следующая вырезка была не их газеты, а бог весть откуда.

Гласила она буквально следующее:

«Сообщение во 2 отделение Тайной Канцелярии

1851 года 15 марта 4 часа вечера

В камеру Хоут-Бекли, 14, был доставлен Р.Э.

Код: 1844

Передаётся в распоряжение 2 отделения Тайной Канцелярии.

Констебль Моргтаун.

— Что это такое? — повернулась Катрин к Мередит в надежде получить разъяснения.

Мерedit пожалала плечами:

— Сама не слишком хорошо понимаю. Но мне кажется, чисто по ассоциациям с камерами и канцелярией... не знаешь, есть в Америке тюрьма Хоуп-Бекли?

— Сейчас посмотрим.

Катрин забила название в поисковике смартфона.

— Есть! Штат Висконсин. Кстати, это учреждение и поныне действует. Вообще в Висконсине целых двадцать тюрем для взрослых, шестнадцать исправительных центров и два учреждения для несовершеннолетних.

— Ну, такое обилие информации о заключенных нам вряд ли понадобится. Попробуй сделать запрос на имя Ральфа Элленджайта, 1851?

На дисплее отобразилось несколько сотен ссылок, в большинстве своём содержащих одну и ту же информацию.

«Ральф Элленджайт (1829–1853), сын Винсена (1810–1870) и Стеллы (1813–1870) Элленджайтов.

Принадлежал к аристократической семье, унаследовать титул лорда не успел.

С 1840 по 1847 год учился в английском Кембриджском колледже.

В 1847 году вынужден был покинуть учебное заведение из-за конфликта с руководством. Инцидент возник из-за неприятия Ральфом ортодоксии, господствующей в Кембридже, а также из-за его многочисленных пренебрежений правилами колледжа, его внутренними распорядками.

Р.Э. и позже откровенно нарушал моральные общественные запреты за что был подвергнут репрессиям.

Скандал разразился, когда вышла правда о более, чем родственных отношениях, связывающих его с кузенами — Альбертом и Синтией Элленджайтами.

Документальных подтверждений инцестуальной связи нет, однако самоубийство А.Э. и последовавшая за этим попытка убийства С.Э. свидетельствует против Р.Э.

Уставшие от постоянных скандалов и неприятностей родственники не пытались помочь ему уйти от правосудия.

В 1852 году он был отправлен на исправительные работы в Хоуп-Бекли, где и скончался в 1853 году, по свидетельствам врача, от быстротечной чахотки.

Диагноз вызывает сомнения, так как по многочисленным свидетельствам очевидцев, у всех представителей семьи Элленджайт был иммунитет ко многим болезням, включая туберкулёз.

Однако официальная причина смерти Р.Э.: туберкулёз лёгких, в результате которой больной захлебнулся собственной кровью».

— Кошмар! — с содроганием выдохнула Катрин, нажатием пальца стирая неприятную информацию с экрана смартфона. — Да уж! Нельзя сказать, чтобы у моей семьи была весёлая предыстория.

— Осталось только найти информацию об этой зловещей Синтии, — поддержала её Мерedit.

— Вот и оно.

— Статья о Синтии? — оживилась Мерedit.

— Упоминание о конце мира, к которому она принадлежала.

«Крупнейший пожар в ночь с 22 на 23 июня. 1970 года.

Новое бедствие поразило Эллиндж. Страшное горе.

Горожане надолго запомнят тревожный набат, звучавший этой ночью.

22 июня с утра дул сильный ветер, превратившийся к вечеру в страшную бурю. В 11 ½ часов вечера загорелся Кристалл-Холл.

Пожар начался с западного крыла дома, изнутри, и распространился с удивительной быстротой. При столь жёстком ветре дом в считанные минуты был объят пламенем.

Огненный дождь сыпался на округу в виде громадных искр. Под порывами ветра временами доходившими до степени шторма, громадные головни отрывались от объятых пожаром дома и летели вниз, на мраморные лестницы и клумбы.

Огонь распространился так же и на соседние постройки — конюшни, жилища для прислуги, сад.

Усилия двух пожарных бригад, подоспевших к тому времени на место происшествия, не могли остановить продвижения огня.

К огромному прискорбию вынуждены сообщить, что все обитатели Кристалл-Холла, его домовладельцы и прислуга, погибли.

Из всепожарного пламени не удалось уйти никому.

Вот как описывали события очевидцы:

«Мы словно живём побывали в Аду. Горели земля и небо.

Страшное завывание бури, поднимавшей целые стены песка, рёв огня, напоминавший волнения моря, треск, шум, гул, вопли гибнущих людей и лошадиное ржание — всё это превратилось в одну ужасную картину! В какое-то светопреставление, так как горячие искры и дым не позволяли видеть ничего.

Сердце Элленджайта, Кристалл-Холл, выгорело дотла.

Огонь беспощадно сожрал всё, до чего только смог дотянуться.

Мы оказались бессильны что-либо изменить. Это была стихия. Или кара божья.

Элленджайтов настигла их судьба».

Следующий файл содержал в себе некролог.

«Потрясённые страшным горем извещаем всех о невозместимой потере, который понёс наш город, потерявший целую семью — Элленджайтов. Скорбим о мужьях и жёнах, братьях и сестрах, племянниках и племянницах, погибших на страшном пожаре в ночь с 22 на 23 июня.

Панихида состоится на главной площади города 26 июня в 9 часов утра и в 12 часов дня.

Вынос тел в 5 часов вечера из Храма Спасителя.

Погребение — в фамильном склепе Элленджайтов.

Учреждения и лица, желающие почтить память усопших просьба направляться к указанному месту.

Уместны пожертвования на помин души.

Мистер Хоуп, агент городской жандармерии

P. S.

Списки жертвователей будут опубликованы».

— Вот и всё. Вся история древнего рода уместилась практически на пяти страницах, — вздохнула Катрин. — По крайней мере его финал.

— Что-то не сходится, — нахмурилась Мередит.

— Что не сходится?

— Согласно некрологу, все Элленджайты погибли. Но ведь вы же выжили!

— Мы — побочная ветвь. Наверное, моя прабабушка покинула Эллинг ещё до пожара. К тому же в нашем роду никогда не было мальчиков. Только девочки. Ладно, — закрыла Катрин папку. — Я, как и ты, узнала сегодня то, что хотела.

Катрин не считала себя склонной к мистицизму. До приезда в Эллинг она вообще в мистику не верила. Но было во всей этой истории какое-то совершенно иррациональное зерно.

И в то же время железная, хоть и жестокая логика: никто не ушёл от возмездия.

Видя, что девушки собираются уходить, библиотекарь вновь подошла к ним.

— Можно забрать? — кивнула она на папку с файлами.

— Да, конечно. Вы нам очень помогли, — поблагодарила Катрин.

— На здоровье. Только все, кто читал это досье, здоровыми оставались недолго. Даже та, что его составила, погибла через несколько дней после того, как закончила работать с документами. Потом заходило ещё несколько человек, интересовалось. И тоже гибли. Все, без исключения, от несчастных случаев. Это словно файлы смерти. Не захочешь верить во всякую ерунду, а вот по неволе поверишь. Проклятые Элленджайты! Вот уже больше ста лет прошло, как последний из них в земле сгинул, а они всё покоя людям не дают.

— А кто составлял эту папку? — неожиданно для Катрин заинтересовалась Мередит.

— Девушка вроде вас. Хорошенькая такая корейночка.

— Можете вспомнить, как звали девушку?

— Это было почти двадцать лет назад... хотя, постойте-ка. Кажется, её звали Лиен. Точно! Лиен Ким!

Мередит будто погасла.

— Что-то случилось? — легко коснулась Катрин руки подруги, словно надеялась этим прикосновением успокоить подругу.

— Лиен Ким — так звали мою мать.

13. Катрин. Незнакомка из Кристалл-Холла

Линда знала, что кулинария не её конёк.

Вот есть у любого человека сильные стороны, а есть слабые. Сильная сторона Линды — её мозг. А руки? Коротко о главном: «мелкая моторика плохо развита».

Короче, руки у неё — крюки.

Однако сильная сторона (мозг), выдвигала постулат о том, что человек может добиться почти невозможного, если поставит перед собой правильную цель и будет упрямо к ней стремиться.

На данный момент целью Линды Филт был яблочный пирог. На деле, вроде как ничего сложного: кефир-яйца-сахар-мука, полученным составом залить порезанные дольками яблоки — и в духовку.

Сначала всё проходило благополучно, без сучка и задоринки. Выдвинутый постулат о труде и упорстве находил себе подтверждение. Но потом Линду осенило — забыла добавить в тесто соду, погашенную уксусом.

По рецепту это грозило не поднявшимся коржом.

Открыв крышку духовки, чтобы взглянуть на тесто, она, вероятно, ещё сильнее всё испортила. По крайней мере то, что Линда достала из печи, весьма мало напоминало собой классическую шарлотку, тающую на языке волшебным вкусом.

Получился невнятный блинчик.

На вкус ничего, хотя и не шедевр, но на вид — паста пастой.

Держа противень на весу, Линда как раз раздумывала над тем, чтобы сделать — сразу вывалить всё это в мусорку или немного повременить, подождав, пока остынет?

Может, затвердеет и станет капельку симпатичнее?

В это мгновение запищал сотовый.

Чертыхнувшись, Линда поставила противень с пирогом на стол и потянулась к сумочке — к той, к самой, к классической, в которой ни одна вещь сразу не находится.

Посчастливилось отыскать мобильник до того, как пытающийся до неё дозвониться успел отключиться.

На экране высветился номер Калхауна.

Настроение резко упало.

Стрелки на часах приближались к шести вечера и работать сегодня Линда не планировала, наивно полагая, что раз у неё законный выходной, то она свободна распоряжаться собой по собственному желанию.

— Алло?

— Это Калхаун.

— Я поняла. Что случилось?

— Мы по уши в дерьме, — хрипло просипел он сдавленным голосом.

— Что случилось? — повторила Линда, стараясь сохранять спокойствие.

Несколько секунд длилась тягостная пауза.

Потом Калхаун сказал:

— Ты должна приехать в Кристалл-холл. Немедленно.

— Скажешь, наконец, что произошло?!

— Это не телефонный разговор. Приезжай.

— Но...

Связь оборвалась короткими гудками.

— Чёрт!

Вот тебе и милый беззаботный выходной!

Вот тебе и суббота вечером — дурацкий подгоревший пирог и напарник с шилом в попе!

Автомобиль у сестёр Филт был один на двоих. И сейчас на нём раскатывала Мередит.

Дозвонившись до сестры, Линда выясняла, что та зачем-то зависает в городской библиотеке.

— Мне немедленно нужна машина, — сказала Линда. — Калхаун звонил. В Хрустальном доме неприятности.

— Какие неприятности? — отозвалась Мередит.

— Я не смогла добиться путных объяснений. Но что бы там ни было, оно требует, мать его, моего немедленного присутствия!

— Скоро буду, — пообещала младшая сестрёнка.

Она приехала даже быстрее, чем Линда рассчитывала.

Через десять минут автомобиль шуршал фарами на подъездной дорожке.

К досаде Линды, Мередит оказалась не одна. С ней была Катрин Клойс.

— Мы едем с тобой, — не терпящим возражения тоном заявили обе.

На споры не было времени. А главное — желания. Перспектива оказаться одной ночью

на дороге, ведущей к Кристалл-холлу, Линду не вдохновляла.

Деревья, стоявшие вдоль дороги, в свете заходящего солнца выглядели особенно яркими. Листья на них напоминали круглые золотые монетки.

Дорога то и дело шла под уклон. Местность просматривалась на несколько миль вокруг, словно с вершины Колеса Обозрения.

Между невысокими холмами постаревших гор извилистой лентой поднимался голубоватый туман, разделяя золотой шёлк рощи белой кисеёй испарений.

Зазубренные макушки гор садящееся солнце одело сияющим нимбом.

— Как красиво, — зачарованно выдохнула Катрин. — Свет словно осязаем.

Пейзаж помрачнел, как только они съехали с главной трассы, повернув на узкую, длинную, извилистую дорогу.

Она то ныряла вниз, как на американских горках, то поднималась под чуть менее крутым углом.

Деревья, бегущие мимо, становились всё гуще. Опавшую листву тут никто не убирал, и она лежала, красной змеей оплетая корни. Иногда ветер заносил её на асфальт.

Приятным сюрпризом стала отстроенная заново сторожка. А также проложенная дальше дорога, позволяющая продолжить путь на автомобиле, вместо того, чтобы идти пешком.

Почти стемнело. Пришлось включить фары. Свет от них жёлтыми бегущими пятнами высвечивал бесконечную колоннаду деревьев.

Дорога начала действовать на нервы.

Казалось, в темноте она сделалась вдвое длиннее.

Линда с напряжением сжимала руль, боясь не справиться с управлением и врезаться во что-нибудь.

Всерьёз начало казаться что они попали в какой-то сказочный лабиринт, из которого нет выхода, но тут впереди обозначился просвет.

Машина вильнула на последнем повороте и выехала прямо к Кристалл-холлу.

Правда, с чёрного хода.

Красота, окружающая дом, была заметна даже в темноте, полная сумеречного готического романтизма, зловещая, пронизывающая до костей, до мурашек.

В самом доме было темно. Ни в одном окне не горел свет.

— Где все? — недоумевала Линда.

Она попыталась дозвониться до Калхауна, но он не отвечал.

— Что за чертовщина? Ладно, что без толку топтаться на пороге? Войдём внутрь.

Линда позвонила в дверь.

Не получив ответа, со всей силы замолотила кулаком по двери, и та неожиданно поддалась, открываясь со скрипом.

Несколько секунд Линда колебалась, раздумывая, не вернуться ли им в город?

Но представив себе петляющую между деревьев узкую дорогу, приняла решение заночевать здесь.

— Непохоже, чтобы в доме был кто-то ещё, кроме нас? — шёпотом заметила Мередит.

— Сегодня же суббота. Вот все и разъехались, — изобразила уверенность Линда.

— А Калхаун? — начала Катрин.

— Наверное, что-то напутал. В любом случае, раз уж мы здесь, придётся войти.

— Как тут холодно, — поёжилась Катрин, обхватывая себя за плечи.

— Включим радиаторы — потеплеет, — заверила её Линда.

— Ты действительно хочешь заночевать тут? — посмотрела Мередит на старшую сестру с сомнением.

— Рано или поздно Катрин ведь придётся тут жить, правда? Дом уже практически готов к новоселью. Так в чём дело? Смелее!

Голос Линды звучал бодро. Представленные доводы казались разумными.

— Нужно позвонить тёте, предупредить, что я сегодня не приеду, — тревожно сказала Катрин.

Но связи не было.

Индикатор показывал лишь слабо светящиеся столбики.

— Нужно включить электричество. Автономный генератор находится в служебных помещениях. Мередит, возьми фонарик! Посветишь мне, — словно со знанием дела распоряжалась Линда.

— А мне что делать? — спросила Катрин.

— Стой здесь и никуда не уходи. Сейчас включим свет, а потом уж решим, что делать дальше.

Мередит с Линдой вышли из комнаты, оставив Катрин в пугающем одиночестве.

Было тихо.

Очень тихо.

Неудивительно. Чему тут шуметь?

Вдруг в глухой тишине раздался шорох, заставив Катрин резко обернуться.

Ей показалось, что в носу защипало от едкого химического запаха, похожего на формальдегид.

Кровь застучала в ушах и бросило в жар.

Пол под ногами словно провалился.

Она раньше никогда не теряла сознание. Ощущения были не из приятных.

Открыв глаза, Катрин обнаружила, что находится в незнакомом месте, похожем на подвал. Густой мрак разгоняли робкие свечи.

Как оказалась, она лежала на чём-то, подозрительно напоминающем надгробие. Сделав это открытие, Катрин вскочила на ноги, как пружиной подброшенная.

Освещение было тусклым и скудным, но и его оказалось вполне достаточно, чтобы различить надписи на гробницах, стоявших одна за другой, в ряд.

«Стелла Элленджайт».

«Амадей Элленджайт».

«Каролина Элленджайт».

«Ричард Элленджайт».

«Джудит Элленджайт».

«Ральф Элленджайт».

«Анжелика Элленджайт».

«Снежана Элленджайт».

Бесчисленные, бесконечные, неисчислимы Элленджайты!

Ещё до того, как обернуться и пробежаться взглядом по истёртой металлической табличке, Катрин знала, на чьём надгробии лежит.

«Альберт Элленджайт».

Попытившись, она споткнулась о крышку деревянного люка.

Когда, спустя четверть часа, других выходов из каменной ловушки так и не обнаружилось, Катрин ухватилась за крышку люка и потянула его на себя.

Крышка поддавалась легко, будто только и дожидалась, чтобы её открыли.

Под ней обнаружился ступени, уводящие вниз.

Взяв одну из свечей с заплывшей воском канделябров Катрин осторожно сделала первый шаг.

Всё происходящее казалось ей нереальным, словно во сне, и потому не таким пугающим.

Пламя на фитиле запрыгало, увеличиваясь в размерах, заливая всё вокруг жёлто-оранжевым светом.

Места, более странного, чем это, Катрин никогда в жизни не видела.

Прямо по центру стояла высокая, в человеческий рост, капсула, похожая на экзотический аквариум, где вместо рыбок плавала обнажённая спящая русалка. Лица сразу не разглядеть из-за длинных, спутанных волос, колышущихся в физрастворе, словно водоросли.

Из-за длинных волос Катрин поначалу и подумала, что перед нею женщина. Лишь заметив мужские гениталии, белые, точно рыбье брюшко, поняла свою ошибку — мужчина.

Катрин замерла, услышав странный шум — слабое царпанье.

Какое-то время она прислушивалась, не желая верить собственным ушам. Но сомнений не оставалось — звук доносился из капсулы.

Приблизившись, Катрин вглядывалась в мягко покачивающуюся фигуру.

Вдруг глаза русалки широко распахнулись и неведомое нечто невидящим взглядом уставились прямо на неё. Катрин отпрянула с такой скоростью, что, не удержавшись на ногах, растянулась на полу.

Внезапный ужас подступил к горлу точно тошнота.

Но в следующую секунду веки амфибии вновь опустились. Голова безвольно поникла.

Фигура продолжала мерно, бесчувственно покачиваться.

Черты клона показались Катрин смутно знакомыми. Оно было точной копией куклы, найденной ею в Кристалл-Холле.

— Не следует подходить к мертвецам слишком близко, — раздался за спиной насмешливый, чуть хрипловатый голос.

Лишь услышав его, Катрин заметила в конце помещения арку в арабском стиле. Под её сводами, точно в рамке картины, застыл высокий женский силуэт.

Когда незнакомка приблизилась, в глаза бросился контраст между пергаментно-белой кожей и бездонной чернотой глаз.

— Катрин Кловис, если не ошибаюсь? Я — Синтия Элленджайт. Вот мы и встретились. Признаться, я как ожидала, так и страшилась нашей встречи. Прощу вас, садитесь.

Катрин послушно села в кресло, придвинутое ей Синтией.

— Синтия? — повторила она. — Это совпадение? Ваше имя — с именем той девушки?

— Именем какой девушки? — уточнила гостеприимная хозяйка.

— Из моего дневника.

— Из твоего дневника? — насмешливо протянула незнакомка. — Как я понимаю, ты имеешь в виду дневник Альберта? Я в курсе, что ты нашла его. Но я бы не стала говорить с том, что он — твой.

Странная, жутковатая хозяйка sklepa зажгла масляную лампу и поставила её на стол между собой и гостьей.

— Надеюсь, ты ничего не имеешь против масляных ламп, Катрин? Согласись, бывают обстоятельства, когда электричество неуместно? Здесь оно начисто разбило бы атмосферу. Да и при нём, пожалуй, все стало бы даже ещё более жутким.

Ирония пропитывала каждое слово Синтии Элленджайт, точно яд.

Катрин с трудом удерживалась от того, чтобы не вжимать голову в плечи, до того жутко было находиться рядом с этой страшной женщиной.

Волосы госпожи Элленджайт походили на стеклянный дым. В полумраке они казались почти восковыми. И обрамляли собой почти такую же бесплотную бледность лица, черты которого казались высеченными изо льда.

Лицо незнакомки было удивительно красиво. Божественная красота, будто перед тобой лик ангела, явившийся из других миров. Но словно вылеплено из алебаstra — ни света, ни тепла.

— Вижу по твоему лицу, тебя не интересуют лампы, — ухмыльнулась Синтия. — Меня бы на твоём месте они, наверное, тоже не заинтересовали бы. А что касается твоего вопроса? Какого ответа ты от меня ждёшь? Я могла бы просто сделать вид, что не понимаю, о чём ты говоришь. Но я не люблю лгать. Ты заслуживаешь правды. Это несовпадение. Я — та самая Синтия, о которой идёт речь в твоей находке.

— Этого не может быть. Невозможно!

— Для Элленджайтов невозможного нет. В отсутствие ограничений заключается суть проклятия, лежащего на падших ангелах. Скажи, ты веришь в дьявола, Катрин?

— Если только как в аллегориях искушения.

— Никаких аллегорий. Я говорю о настоящем дьяволе. О Люцифере, сыне зари. Конечно же, ты в него не веришь, — засмеялась Синтия. — Кто поверит в дьявола в век смартфонов, мобильных и интернета? Но знаешь, ему безразлична наша вера или неверие. Вне зависимости от них он существует. Он реален, как ты или я. Может быть даже реальнее. И он своего не упустит.

Я уже говорила, что ожидала и боялась нашей с тобой встречи. Хочешь знать — почему? Потому что в тебе течёт моя кровь. Ты не просто Элленджайт. Ты моя пра-пра-правнучка. Тебя отделяет от меня всего лишь каких-то пять поколений. Когда звучит в цифре кажется ничтожным. Но когда проживаешь их день за днём, год за годом — это ужасно много.

— Вам сейчас 170 лет?

— Сто семьдесят два, если быть точной.

— Кто же вы, в таком случае? Вампир? Ведьма? Демон?

— Думаю, всё эти понятия возникли у людей из-за таких, как я. Каждый из них одновременно и отражает мою суть, и между тем неполон. Тебя жажда не мучает? — внезапно спросила Синтия. — Могу угостить вас «Мадам Клико». Превосходная марка.

Не дожидаясь ответа, она принесла бутылку из потайной ниши, утопающей во мраке этого странного подвала. Ловко вытащила пробку из узкого горлышка бутылки и протянула бокал шампанского Катрин.

Так приняла и опустошила его почти залпом.

Голова сразу закружилась.

Синтия тоже отпила из своего бокала.

Осушив его, разжала пальцы с бесстрастным выражением на лице и фужер, упав, раскололся с жалобным треском.

— Знаешь, внученька, какое наследство ты получишь от меня на самом деле? Смерть. Я подарю тебе её. Такова цена сделки с дьяволом. Чтобы мог жить один — должен умереть другой. Жизнь за жизнь, душу за душу.

— Вы сумасшедшая? — в ужасе сжалась Катрин.

Губы её сделались непослушными, руки и ноги потяжелели.

— Что вы мне подсыпали? — прохрипела Катрин, хватаясь рукой за горло.

— Вещество, которой сделает тебя более послушной. Мне нужна твоя кровь, чтобы завести мою любимую игрушку.

Синтия подошла к аквариуму с гомункулом, у которого с красивого кукольного лица глядела невидящие глаза.

— Жуть, правда? — улыбнулась она. — Когда я в первый раз увидела, как он вот так открывает глаза, я не знала, радоваться или ужасаться? Потом поняла — это просто нервным рефлекс. Так у курицы с отрубленной головой шевелятся лапы. Но это не значит, что она жива.

Твоя кровь всё изменит, милочка. Всё по-настоящему изменится. Результат моих титанических усилий, растянувшихся на века.

— Вы веками стремились создать клон Альберта Элленджайта?

— Не знаю, клоном это называется или нет, но я надеюсь, что совсем вскоре мой брат вернётся ко мне.

— Ваш брат?..

— Мой брат. Мой любовник. Мой друг. И кстати, — насмешливо протянула Синтия, — твой пра-пра-прадедушка.

Попытавшись подняться, Катрин рухнула на пол.

Тело полностью вышло из-под её контроля. Только сердце бешено, неистово колотилось.

Синтия подошла и встала над ней, взирая с холодным любопытством, без тени сожаления.

— Я не стану говорить тебе о том, что мне жаль. Мне — не жаль. Иначе я не поступила бы так, как поступаю. Но и радости мне это, поверь, не приносит. Вся наша жизнь есть цепь из звеньев выбора и его последствий. О! Ты наверняка задаешься вопросом, как можно так обходиться со своими потомками? Скажу честно — любовь предков их приемники сильно преувеличивают. А может быть просто это я не сентиментальна? В любом случае, моего проклятого сыночка Филиппа я никогда не любила так, как примерная мать должна любить своё дитя. Может быть в этом всё дело?

Фигура Синтии колыхалась и распадалась перед глазами Катрин.

— Гори в аду, сука! — процедила Катрин перед тем, как темнота погасила сознание.

Глава 14. Катрин. Кошмары Хрустального дома

Катрин пришла в себя от резкой, дёргающей боли в руке.

Она изо всех сил пыталась проснуться. Словно бы поднималась к поверхности тёмного озера, но дно не отпускало. Засасывало, как трясина, заставляя оставаться в тяжёлом полусне.

Мысли путались.

Мозг констатировал необходимость действовать быстро, но никак не мог заставить тело себе подчиниться.

«Опасность! Опасность! Опасность!», — молнией пронеслось в голове.

А через мгновение всё тонуло в темноте, из которой не вырваться.

Самое страшное то, что сознание полностью не покидало Катрин. Она осознавала, насколько беспомощна, что может вот-вот погибнуть, если не найдёт в себе силы вырваться из обморока.

Спиной она ощущала, что лежит на чём-то холодом и гладком.

Тишина, царившая вокруг, нисколько не обнадеживала.

С усилием открыв глаза, Катрин увидела, что находится всё в том же подземелье. Правда, капсулы-аквариума больше не было.

А «русалка» теперь лежала рядом с ней и их руки соединяла трубка, напоминающая капельницу.

По прозрачному проводу кровь из вены Катрин поступала в вены этого непонятного существа.

Острый приступ отвращения подействовал как укол адреналина, и Катрин потянулась к правой руке чтобы вытащить иглу из вены.

Пальцы так дрожали, что это удалось далеко не сразу. Но вскоре красная ниточка крови, соединяющая её с чудовищем, прервалась.

Катрин медленно села.

Слабость была такой сильной, что комната раскачивалась из стороны в сторону, будто она сидела на гигантских качелях.

Тошнота свидетельствовала о большой кровопотере. Наверное, ещё действовали остатки яда, что Синтия (чтоб ей сгореть в аду!) подмешала в шампанское.

Шорох заставил Катрин замереть, недоверчиво покосившись в сторону монстра.

По началу ужаса не было — только неверие.

Фигура, неподвижно лежащая на соседнем столе, начала шевелиться.

Катрин охватила почти неудержимая дрожь. Такого ужаса она не то что никогда не испытывала — даже не воображала.

Она пыталась убедить себя, что ей мерещится. Просто мерещится! От потери крови начались галлюцинации.

Но как она не старалась, глаза всё равно видели то, что видели.

Губы клона шевелились, длинные ресницы, в свете свечей отливающие золотом, трепетали.

Не помня себя от ужаса, Катрин на заплетающихся от слабости ногах пересекла комнату.

Миновала дверной проём в виде арки и добралась до того места, где коридор поворачивал.

Через равные промежутки на серых бетонных стенах, наводивших на мысль о военном бункере, горели тусклые электрические лампочки. Стены покрывало нечто, похожее на копоть. Весь пол был в потёках и пятнах.

Размазанная кровь вела к подножию лестницы, где на спине лежало тело мужчины в форме рабочего. Несчастный, видимо, был из тех, кто прибыл сюда на реконструкцию здания?

Раздавшийся за спиной шорох заставил Катрин обернуться.

Она увидела поднявшуюся фигуру клона.

Было в этом существе что-то неустойчивое и безумное. Тварь, качнувшись, сделала первый шаг. Ступала она нетвёрдо. Ноги заплетались, словно у зомби или у Страшилы, набитого соломой.

Взгляд был совершенно ненормальный. В нём читалось даже не безумие — полное отсутствие мысли. Как у амёбы, если бы у той неожиданно появились глаза.

Тварь бросилась к бессознательному телу, лежащему у подножия лестницы и Катрин, не сдержавшись, визгнула, когда зубы монстра впились в запястье несчастного.

Мягкие, влажные, сосущие звуки заполнили тишину.

Катрин бросала вокруг себя отчаянные взгляды, в надежде отыскать хоть какое-то оружие.

Тщетно. Она была беспомощна и слаба, как котёнок перед ощерившимся мастиффом.

Существо, подняв голову, взметнуло длинными жёлтыми волосами.

Волосы были единственным, что прикрывали наготу «русалки».

Когда тварь подняла голову открылось разорванное запястье жертвы.

В тусклом электрическом свете призрачно белела открывшаяся кость.

Катрин невольно застонала. Стон её перешёл в крик, скорее даже неистовый визг гибнущего в отчаянии существа.

Она развернулась и бросилась бежать.

В мыслях маячили смутные воспоминания о второй лестнице, по которой она спустилась, отыскав проход под люком.

Почти на четвереньках поднялась она по ступеням, истово молясь про себя, чтобы люк не оказался запертым.

Страх заполнял собой сердце до такой степени, что, казалось, оно вот-вот лопнет.

Перед глазами так и стоял образ чудовища, зубами разрывающее запястье бесчувственной жертве. Этот образ подстёгивал, заставляя почти лететь.

Катрин возликовала — крышка поддалась под её рукой, выпуская на свободу.

Но облегчение было недолгим.

Она вновь оказалась в крошечной тьме, в тесном цементном тоннеле.

Заперта живьём в могиле. Во тьме и холоде. А где-то за ней подкрадывался живой мертвец!

По телу парализующей волной растекался запредельный ужас. Катрин словно со стороны слышала своё дыхание, гулкое и быстрое.

Слух улавливал неровные шаги. Что-то ползёт, приближается в этой темноте с липкой ухмылкой на устах.

Мысль о том, что можно попытаться закрыть крышкой люк, отгородиться таким нехитрым способом от преследующего её чудовища, избавила Катрин от паралича.

Она кинулась вперёд, ухватившись за кольцо.

Но не успела.

Слабый дрожащий свет свечи заставил её отпрянуть.

Большие и яркие глаза «русалки» на этот раз глядела вполне осознанно.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

Потом, охваченная внезапной яростью, порождённой страхом, Катрин метнула крышку люка в грудь незнакомцу, сбивая его с ног.

Воспользовавшись реваншем, метнулась между рядами гробниц в сторону, в какой, по её мнению, должен находиться выход.

К счастью, чутьё её не подвело. Впереди действительно оказалась дверь, к тому же распахнутая настежь, и она кубарем выкатилась в сад.

Острые ветки царапали кожу — она даже не замечала этого.

Громко плача, спотыкаясь, она поднималась по ступенькам, ведущим на террасу к дому.

— Линда!!! Мередит!!!

Ночь осталась глуха к её крикам.

Ни один голос не отозвался.

Катрин никак не удавалось вырваться из плена кошмара.

— Мередит! — в отчаянье крикнула Катрин.

Дверь легко поддалась.

Дом тонул в темноте. Ни одного огонька. Ни намёка на присутствие кого-то живого.

Действие адреналина в организме закончилось.

У Катрин было такое чувство, будто она выползла из центрифуги, да ещё, в добавок, её переехало катком.

Почти в полной темноте комнаты казались огромными до бесконечности. В них совершенно невозможно было ориентироваться.

На ощупь она прошла по короткому коридорчику и замерла, увидев в конце мрака белеющие зубья убегающей на второй этаж лестницы.

Мозг отказывался работать.

Веки налились свинцом. Ужасно хотелось спать.

Катрин показалось, что она вошла в оранжерею. Из многочисленных высоких окон с улицы вливался мягкий лунный свет.

До слуха доносился звук льющейся воды, будто пруд пополнялся водой из фонтана.

Уставший от перенапряжения и пережитого ужаса мозг Катрин не сумел сориентироваться в пространстве — она слишком поздно поняла грозящую ей опасность.

Споткнувшись в темноте, она поскользнулась на гладком кафеле. Попыталась удержаться, не смогла и упала в ледяную воду.

Дыхание перехватило от шока, вызванного низкой температурой.

Она попыталась оттолкнуться, но судорожные, беспорядочные движения ни к чему не приводили.

Катрин опускалась всё ниже и ниже, в отчаянии понимания, что смерть пришла откуда не ждёшь — она тонет.

Потом её подхватили чьи-то руки.

Открыв глаза, Катрин обнаружила, что лежит на кровати, укрытая тёплым одеялом.

Место было совершенно незнакомо.

В голове, словно сигнальные лампочки, вспыхивали, одна за другой, картинки.

Подвал.

Капсула-аквариум.

Оживший мертвец.

Купание в ледяном бассейне.

— Тебе лучше? — раздался приятный мягкий голос, произносящий слова не то чтобы с акцентом — непривычно растягивая их, будто с ленцой.

Повернув голову, Катрин увидела молодого человека, одетого в мешковатые на вид, брюки и мятый свитер.

Такая одежда никак не подходила к андрогенному аристократическому лицу. Выглядело так, будто принц переоделся в дерюгу, претворяясь нищим.

— Кто ты?

Голос плохо слушался Катрин. Она сильно охрипла. Горло болело.

— Альберт Элленджайт.

Молодой человек стоял в трёх шагах от кровати, на которой лежала Катрин, внимательно разглядывая её своими неестественно яркими, как у куклы, глазами, обрамлёнными неожиданно тёмными ресницами.

— Кто ты такая и что делаешь в моём доме?

Часть II. Альберт

Пробуждение

Раньше (чуть не сказал — при жизни) я не верил в ад.

Теперь верю.

Трудно не верить в то, что находится перед твоими глазами: мир, вставший на дыбы, сад, превращённый в дикий лес. Ни одного родного лица рядом.

Жаловаться недостойно мужчины.

Жаловаться вообще недостойно.

Особенно когда получаешь то, что хотел и чего заслужил.

Я хотел сбежать от Синтии с Ральфом? Сбежал. Их больше нет.

Пытаясь осознать этот простой и жуткий факт гляжу в окно.

Идёт дождь. Затяжной, по-осеннему бесконечный. Монотонно и лениво выбивает дробь в оконный переплёт.

Ральф всегда смеялся, говоря, что я принцесса.

Как принцесса в лучших сказочных традициях, я проспал полтора века. Правда, разбудил меня не поцелуй, а истошный женский визг.

Представляете открываете глаза — оказывается, вы на кладбище, ночью. Совершенно голый. В руках труп, а рот полон крови.

А над вами, словно взбесившаяся баньши, завывает дурным голосом юная девица.

Потом она рванула от меня, словно чумовая.

Я её за это не виню. Я бы, наверное, и сам от себя убежал, если бы смог.

Но отстать от неё я тоже не хотел. Мне было банально страшно оставаться одному в могильном мраке фамильного склепа.

Скоро всё стало ещё хуже.

Передо мною возник дом — наш дом. Но он оказался пародией на себя самого. Так бывает во снах, что вроде и не кошмар, но оставляют на душе неприятный, липкий след.

На фоне рассветной серости в памяти замелькали картины: переполняющая душу злость, пронзительный гудок несущегося мимо вагонного состава и длинные, расходящиеся в стороны, рельсы...

В доме темно. Но это не удивительно. Час скорее слишком ранний, чем поздний.

А девчонку угораздило утонуть в бассейне!

Пришлось прыгать за ней.

Вода оказалась ледяная.

Спасительные манипуляции заставили на какое-то время отвлечься от преследующих видений и вопросов.

Ну вот. Теперь моя вчерашняя то ли проблема, то ли спасенье, сидит рядом, в дух шагах, серьёзная и сосредоточенная, похожая на слегка растрёпанного в процессе падения ангела.

Ангел, выточенный из стекла.

Вестник божий с остро режущими крыльями.

Ангелы — они все такие. Ледяные в своём совершенстве. Недосягаемые в своей чистоте. Но стоит лишь толкнуть посильнее и всё разбивается вдребезги — и чистота, и совершенство.

От прикосновений обыденности на лунной ангельской коже остаются жирные пятна, будто и не было никогда кристальной чистоты.

Не люблю ангелов.

А в девочке явно текла кровь Элленджайтов.

Она угадывалась в чертах её лица, в прозрачной яркости глаз. Но главное — волосы, похожие на нимб. Здесь не ошибёшься.

— Зачем ты пытался меня убить? — спросила она, глядя на меня глазами кролика, завидевшего удава.

— Убить? Разве?

Я не был уверен, что не пытался этого сделать.

В конце концов труп-то в моих руках был? Был!

Но думать об этом я отказываюсь. Пока мой разум спал, он не отвечает за то, что вытворяло в его отсутствие моё тело.

— Вообще-то я тебя спас, — напомнил я со всевозможным высокомерием.

Это должно было отвратить девчонку от провокационных вопросов, на которые у меня не было ответов.

— Где Мередит и Линда? — не унималась она.

— Понятия не имею.

Это было правдой.

Странное прямоугольное устройство в сумочке у девчонки вновь противно запищало.

Пока она была без чувств, оно делало это раз десять, не меньше.

— Сотовый, — оживилась незваная ночная гостья. — Подай мне его, пожалуйста.

Никогда не умел отказывать просьбе дамы. И эту выполнил.

— Двадцать восемь пропущенных звонков от Мередит и шестнадцать от Линды! Последний не позже четверти часа назад. Слава богу, они живы! — радостно вздохнула она.

Интересно, почему её это удивляет?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Элленджайты имеют дурную репутацию, но в людоедстве нас пока не обвиняли.

Хотя...

Я потряс головой, отгоняя страшные видения.

Стараясь отвлечься от страшных мыслей, спросил первое, что пришло в голову:

— Что за штука? — кивнул я на писклявый металлический четырёхугольник со стразиками в руках девушки.

— Телефон. Средство связи, — объяснила она мне, как умалишённом.

— Я знаю, что такое телефон. Но у него же нет провода? Как он может работать?

— Сигнал распространяется через спутник.

Спутник? Какой ещё спутник?

Ладно. К чёрту телефоны и спутники!

— Где остальные? — шагнул я к девушке, словно призывая её к ответу. — Прислуга?

Мои родственники? Почему здесь так тихо и всё такое... другое.

Или мышцы лица у неё устроены иначе, чем у остальных людей, или девушка действительно смотрела на меня с сочувствием.

— Если ты тот самый Альберт Элленджайт, о котором я думаю?... День, в котором ты очнулся теперь от того, что остался в твоей памяти отделяют без малого сто пятьдесят лет. Сегодня 23 октября 2003 года. Я — Катрин Кловис, последняя представительница в вашем проклятом роду. Наследница легата. Прошлой ночью это чуть не стоило мне жизни.

Её слова падали, как камни.

Я понимал их значение, но как такое можно осознать?

— Подожди... — поднял я руку, словно это могло меня защитить. — Подожди. Не так быстро.

— Ты помнишь, как ты умер? — с сочувствием спросила Катрин

Умер?!

Разве я умирал?

— Согласно газетным вырезкам, погиб на железнодорожных путях в 1850 или 1851 году, — продолжила она. — Не помнишь?

Я не помнил.

— А что ты помнишь?

— Темноту и женский крик. Я очнулся над трупом какого-то бедолаги и пошёл на звук. Потом ты ударила меня и сбежала. Я вошёл за тобой в дом как раз вовремя, чтобы вытащить из бассейна.

— Это — всё?

— А было что-то ещё?

— Ты убил того рабочего у меня на глазах. Потому я и ударила тебя. Я защищалась.

— Как ты вообще оказалась в склепе?

— Меня оглушили и перенесли туда. Когда я тебя впервые увидела, ты находился в чём-то, похожем на аквариум. Это походило на какой-то научный опыт. Потом мою кровь переливали в тебя, а когда я попыталась сбежать, ты ожил и начал меня преследовать.

Её речь была сбивчивой, невразумительной. Но другую информацию мне вряд ли предоставят. А в памяти зияла огромная черная дыра.

Мне казалось, как будто на лицо налипла клейкая паутина — не стряхнуть.

— Всё это похоже на бред, — процедил я. — Бессмыслица какая-то!

— Есть в этом смысл или нет, неважно. Ты здесь, Альберт Элленджайт. И, если честно, я не имею ни малейшего представления, что с этим делать.

— Не переживай. Как-нибудь разберёмся, — заверил я её.

Катрин утверждала, что я самоубийца.

Я этого не помню, но не отрицаю.

Я ушёл из дома в таком состоянии, что вполне мог сигануть под поезд, хотя бы из противоречивого чувства вредности и желания досадить моей драгоценной сестрице.

Я умер там, в своём мире.

И очнулся здесь.

В 2003.

— Кристалл-холл теперь принадлежит тебе?

Катрин кивнула.

Глаза у неё серые и очень серьёзные.

Вся такая правильная. Тот самый тип людей, что всю жизнь ходят строго по линейке и живут для других — во имя исполнения одного им ведомого долга.

Такими людьми обычно легко манипулировать.

Именно этим я планирую заняться в ближайшее время.

Не то чтобы мне это нравилось, но долг обязывает.

Ральф всегда находил, что это чертовски забавно — совращать монашек.

А мне это занятие казалось бессмысленным. Секс существует для удовольствия, а наслаждение легче достигается с опытом. Откуда последнему взяться у девственниц и у монашек?

Если Катрин правильно излагает мне суть дела, всё, что когда-то принадлежало Элленджайтом, теперь находится у неё. И я вижу только один способ уладить проблему ко всеобщему удовольствию: мне придётся на ней жениться.

Но это потом, а пока...

— В этом доме ещё есть кухня?

— Кухня есть, — кивнула она, кутаясь в одеяло. — Но не уверена, что на ней есть продукты.

— Приведи себя в порядок, я подожду внизу. Постараемся найти что-нибудь съестное. Может, хоть кофе отыщется?

Катрин снова кивнула. Вокруг узкого треугольного личика взметнулось лёгкое, белое облако волос.

Дом изменился. Он остался прежним лишь по форме. По сути всё здесь было мне чуждо. На кухне я не увидел ни привычных каменных плит, ни входа в огромный погреб. Столы, стулья, стены — всё совершенно иное!

Взяв один из ножей, подбросив его в ладони, я отметил, что лезвие хорошо отточено и приставил его к руке.

Метал почти без усилия разрезал кожу, оставив на ней глубокий порез, тут же наполнившийся кровью. Тело отозвалось резкой болью, которую с момента пробуждения я почти не чувствовал.

Запах крови ощущался остро.

Сердце, заколотившись быстрее, заныло. Рана, которую требовалось залечить, была пустяковая, но исцеление проходило медленно — потребовалось минут пять, не меньше, чтобы кожа полностью восстановилась.

Я не в форме.

Оставалось проверить ещё кое-что до того, как сюда притопают мой мышонок-спаситель.

Или спасённый мышонок?

А-а! Да без разницы.

Я повернул кран. Он почти не отличался от памятного мне собрата из прошлого века. Наполнил стакан водой и, осторожно поднеся к губам, сделал первый глоток.

Ничего не произошло.

Тогда я залпом осушил стакан, наплевав на осторожность. В следующую минуту случилось то, что и ожидалось — резкая боль буквально выстрелила, просыпаясь в глубинах тела. Как будто из желудка расцвели лепестки-ножницы, прорезая меня изнутри.

Задохнувшись, я оперся руками на столешницу, стараясь поглубже вдохнуть воздух, будто это могло умерить боль.

Через какое-то время она приутихла, превратившись из остро-режущей, в тупую и ноющую.

Нельзя сказать, чтобы маленький тест меня обрадовал. Обычно воду я пью без проблем. Если мой организм так отреагировал на неё, то как, чёрт возьми, я смогу питаться?

Ответ был очевиден. И следующий пункт в тесте можно было бы и опустить. Но я решил убедиться в том, что всё действительно так плохо, как кажется.

Не знаю, чем я руководствовался, потянувшись к железному вертикальному ящику с ручкой, но не ошибся — там действительно была еда.

Непривычная, в странных упаковках.

Можно было выбрать сметану. Но я отрезал кусок ветчины.

Плохо стало уже от одного запаха, но я упрямо прожевал и проглотил.

К ощущению, будто внутри меня взорвалась маленькая бомба, я был готов. А вот к хлестанувшему изо рта фонтану крови — нет.

Я метнулся к раковине, чтобы не запачкать тут всё. Устраивать генеральную уборку в мои планы не входило.

Конечно же по законам всеобщей мировой подлости мышка-Катрин выбрала именно эту минуту, чтобы вплыть в комнату и замереть онемевшим от ужаса столбом.

Оно и к лучшему. Мне не понаслышке известно, что своими криками эта особа поднимает мёртвых.

Говорить с полным ртом крови было сложно. Жестами что-либо объяснять я тоже не решился. Руки были в крови.

Я лишь коротко кивнул, стараясь хоть так дать понять, что всё в порядке. Потом мягко обсел на пол.

Кровотечение ослабевало. Боль нет.

Глаза у Катрин сделались от испуга огромными и почти тёмными.

Я оценил её старания не упасть в обморок и не устроить истерику, к которой моя будущая женушка, по всем признакам была ой, как близка.

— Что случилось? — тихо выдохнула она.

— Попытался позавтракать. Выяснил, что мой организм не хочет мяса. По крайней мере в форме бекона.

— У тебя же внутреннее кровотечение! — всплеснула она руками. — Нужно немедленно в больницу!

— Зачем?

— Как — зачем? Кровотечение может быть смертельно опасным!

— Ни в какую больницу я не поеду. Да мне там не помогут. Не смотри на меня как на сумасшедшего. Я знаю, о чём говорю.

— Ты что? Не понимаешь? Кровотечение опасно для людей!

— Да я не совсем человек, — хмыкнул я устало. — Так было ещё сто пятьдесят лет назад. А теперь, честно говоря, вообще затрудняюсь определить, что я такое.

В своём христианском милосердии моя спасительница мышка подошла ко мне слишком близко.

Нельзя сказать, что её одежда хоть чем-то напоминала нежно любимые мной корсеты и чулки с подвязками. Но её гладкие колени и пушистое облако волос, а в особенности пухлые, как у ребёнка, губы, задели мои чувственные струны.

Я никогда не отличался сдержанностью в утолении моих страстей. Последние сто пятьдесят лет, когда я был вынужден воздерживаться от всех удовольствий, видимо, всё только обострили. Даже голова закружилась от бешеного желания схватить и прижать её к себе.

Войти в неё. Питть дыхание из этих тёплых, полных жизни, уст!

Входить в неё снова и снова...

— Мне больно! — пискнула Катрин.

— Что?.. — не понял я.

— Ты делаешь мне больно, — осторожно, словно имела дело с сумасшедшим, проговорила она, пытаясь отнять у меня руку.

Только тут я сообразил, что крепко держу её, с такой силой сжимая её пальцы в ладони, что ей, наверное, и вправду больно.

Черт!

— Прости, — разжал я пальцы. — Не хотел.

— Понимаю.

— Понимаешь?

Интересно, что она там понимает?

— Тебе больно. Вот ты и плохо себя контролируешь.

— В свете всего случившегося, возможно, в это трудно поверить, но обычно проблем с самоконтролем у меня нет.

— Просто раньше тебе не приходилось воскресать из мёртвых, — усмехнулась она. — Кстати, для того, кто был мёртв больше века, ты более, чем адекватен.

— Вот уж спасибо за комплимент.

Мне показалось, что я задохнусь, когда её гладкие пальцы коснулись моих губ.

Потом я сообразил, что это не ласка. Мышка просто аккуратно стирала с них кровь.

В памяти всплыла другая сцена...

Глаза Синтии горят предвкушением. Грудь вздымается от желания, которое она не берёт на себя труда скрывать.

Видя в её руках острый нож, я содрогаюсь в предвкушение экстаза в который сольются для меня боль и наслаждение.

Нож входит в моё тело, её прекрасные руки обагрятся алыми пятнами. Свет словно режет меня на части, заставляя конвульсивно содрогаться. Кровь вместе со стоном расцветает цветком на губах.

В этот момент она представляется мне бесстрашной львицей, терзающей свою законную добычу.

Синтия склоняется ко мне, накрывая шёлком волос, возбуждая запахом дорогих духов и собственного тела. Я словно лечу, одновременно сходя с ума от наслаждения.

Восхитительно чувствовать на себе её тяжесть в тот момент, когда моя умелая всадница направляет нас обоих к вершинам сладострастия.

Я теряю над собой контроль. Все мои внутренние барьеры рушатся, а зверь срывается с

поводка в тот момент, когда я глубоко проникаю в её узкое, горячее и влажное, тугое лоно.

Её язык, гладкий и шелковистый, словно пчела собирает кровавый нектар моего рта.

Алый поток моей жизни, незримой нитью соединяет нас, связывает навеки преступной связью.

Ей кажется этого мало.

Синтии всегда всего мало. Она не знает преград и тормозов.

Всем своим телом она наваливается на нож, и он вибрирует в моём теле и вместе с острой, рвущей на части болью, меня накрывает мощным оргазмом.

Образ Синтии погас, оставляя саднящую боль в сердце и желание с громким воем колотиться головой о стену.

— Что с тобой? — слышу я чужой голос.

Участие в нём действует как соль на рану.

И раздражает ужасно.

— Оставь меня! — рыкнул я, отстраняясь от протянутой руки.

— Хорошо, — соглашается Катрин.

В глазах её читалась обида.

— Если ты хочешь побыть один...

— Я не хочу быть один! Что хорошего в одиночестве?

Мне следует быть с нею помягче, если я не хочу проблем в дальнейшем. У мышонка есть характер и острые зубки. Кровь Элленджайтов, чтоб её.

Последняя из нас.

— Не сердись. Я не хотел тебя обидеть.

— Никому из нас не станет лучше, если мы позволим себе срываться друг на друге.

Странный аппарат в её кармане вновь ожил, обретая противный пищащий голос.

— Приехала Линда, — оживилась Катрин.

— Твой адвокат?

Нечто похожее мелькало в её мыслях, обрывки которых мне удалось подглядеть.

— В первую очередь Линда мой друг, — просветили меня.

— Хорошо, — кивнул я, сжимая зубы. — Пойдём встретим твоего друга. Адвокат сейчас будет очень даже кстати.

— Ты уверен, что можешь идти?

— Уверен.

Линда оказалась красавицей.

— Катрин! — взволнованно бросилась она к моему мышонку. — Ты в порядке?

Увидев меня, замерла, так до нас и не добежав.

— Кто это?

— Меня зовут Альберт Элленджайт, — рискнул представиться я. — Кузина говорила, вы адвокат? — окинул я гостью придирчивым взглядом.

Непривычный костюмчик. Но ей идёт. Ладно сидит на фигурке.

Итак, передо мной стряпчий нового мира? В юбке, выставяющей коленки на общее обозрение? Адвокат-женщина? Куда катится мир?

Взгляд у Линды был цепкий, колючий и умный. Выражение лица без слов говорило о её ко мне антипатии.

Горячая штучка с холодной головой. Ральфу бы она точно понравилась.

— Мне понадобится ваша помощь, — заявил я без обиняков.

Чего на них время-то тратить?

— Моя помощь? — презрительно заломила бровь она. — Чего же вы хотите?

Тайский массаж, милая. А потом минет.

Но тебе я об этом не скажу.

Я сел на диван, широко раскинув руки по его спинке, словно хотел обнять обеих девушек.

А кто бы отказался? Обе — прехорошенькие.

«Наглец», — читалось в глазах Линды.

Она даже не старалась изобразить угодливость перед своим хозяином.

Ох, разбаловался род людской пока нас, Элленджайтов, не было.

— Мне нужны документы, — сделал я следующее заявление. — Не знаю, что теперь используют для удостоверения личности, но догадываюсь, что что-то же используют? Выправите мне бумаги в кратчайшие сроки.

— А полцарства в придачу и жаренного корабля не хотите?

— Пока только бумаги. А там — посмотрим.

— Вы действительно считаете, что я для вас стану что-то делать?

— Станете, Линда.

— Для вас — мисс Филт.

Кажется, я зацепил её сильнее, чем думал? Надо же? А ведь даже не старался.

— Мисс Филт, — кивнул я, соглашаясь с её требованием. — И ещё — мне потребуются деньги.

— Кредитка? — с издёвкой спросила она. — Или наличными прикажите?

— Пока не разберусь со всеми нюансами — наличными.

— Какую сумму желает получить милорд?

Хороший вопрос.

— Сто тысяч долларов вполне сойдёт для начала.

— Вы это серьёзно?

— Вполне.

Она больше не улыбалась и выглядела сердитой.

— Что заставляет вас думать, будто я стану исполнять ваши желания, как золотая рыбка?

— Если я правильно понял, вы работаете на Элленджайтов? Значит, работаете на меня.

— На *вас* я точно не работаю.

Меня начало это раздражать.

Как-то не в том я был настроении, чтобы терпеть женские капризы.

— Когда вы работаете на одного Элленджайта вы работаете на всех нас, — разъяснил я ситуацию. — Таковы правила.

— Да мало ли кому в голову придёт объявить себе Элленджайтом? Я что? Каждому должна отвалить по сто тысяч долларов? Я впервые вижу перед собой человека, который неизвестно откуда взялся, да ещё, по собственному же собственному признанию, даже паспорта не имеет! Так с какой такой безумной радости я вообще с вами разговариваю? Слушаю весь это бред?

Я рассмеялся. Ситуация, такой, какой она обрисовывала, и правда выглядела забавно.

— Посмотрите на меня, мисс Филт. Скажите, вы находите меня красивым?

— Мне плевать, красивы вы или нет. Денег вам не дам.

Я снова не смог удержаться от смеха. Железная леди.

Потом поднялся и не спеша приблизился к ней — подошёл почти вплотную.

Обе женщины не сводили с меня напряженного вопрошающего взгляда.

— К вопросу об идентификации личности, мисс Филт — Элленджайтов легко узнать даже без паспорта. Потому что никто кроме нас не может делать так...

Люблю театрализацию!

А какой кайф найти свежие, восприимчивые души и шокировать их собственными возможностями?

Схватив графин, стоявший на столике и ударив им об угол стола, я отбил ему горлышко. На его месте образовалось нечто вроде острой стеклянной звездочки. Я небрежно воткнул её в живот, провернул, вытащил и отбросил от себя.

Ой, как же мне сейчас не доставало моих любимых белоснежных рубашек с крахмальным воротником и манжетами! На таких расплывающееся алое пятно смотрится особенно эффектно.

Но так тоже ничего. Для неподготовленного зрителя сойдёт.

Линда лишь вздрогнула.

Она, не отрываясь, глядела мне прямо в глаза:

— Вы псих?

Похвальная выдержка. Просто ничем не пробиваемая дама. Адвокат.

— Я Элленджайт, сударыня, — усмехнулся я ей в лицо. — Это одно и то же. Катрин, мне кажется, пришло время тебе вмешаться в наш дивный диалог. Ты сама прикажешь своему адвокату быть послушной или мне приступить к плану «В»?

Увидев ужас на их лицах, я поспешил объясниться:

— Не делайте таких лиц, леди. Я не собираюсь никого убивать, пытаться или насилловать. С дамами я настоящий пацифист — не признаю никакого насилия. Просто внушу твоей подружке отдать мне мои же деньги и расстанемся друзьями.

Вариант «В» мне начинал нравиться всё больше. Стоило начать с него.

— Сделай так, как он говорит, — голосом ожившего манекена молвила моя будущая благоверная.

— Ты в своём уме? — возмутилась Линда. — И не подумаю! Если этот тип посмел тебе угрожать и запугивать, обещаю, он за это ответит. Я...

— Довольно, мисс Филт, — не сдержавшись, повысил голос я. — Достаточно. У вас остался последний шанс служить нам по доброй воле.

— Мне платит деньги не Катрин, а госпожа Элленджайт. И подчиняться я буду только ей!

— Госпожа Элленджайт?

Сердце моё пропустило несколько ударов, а потом застучало, как сумасшедшее.

Я повернулся к Катрин.

— О ком она говорит? Ты же сказала, что никого из Элленджайтов не осталось?

— Линда, ты сделаешь то, что тебе говорят. Хозяйка Хрустального дома — я. Наследница легата — тоже я. Так что ты либо будешь меня слушаться, либо мы расстанемся прямо здесь и сейчас! Точка.

Ого! Мыши умеют рычать?

Не уверен, что это приятное открытие.

Линда переводила взгляд с одного из нас на другого.

«Они сумасшедшие», — читалось в её взгляде.

— Да зачем вам сдались эти деньги?! — повернулась ко мне разгневанная Линда.

И правда? Зачем мне деньги?

Зачем вообще людям деньги? Очаровательный вопрос.

— Шлюху снять хочу, — любезным тоном сообщил я. — Но, если вам так жаль чужих денег, может быть, обслужите меня сами? Бесплатно?

Глаза Линды сверкнули как у кошки:

— Как вы смеете?.. — тихо и гневно выдохнула она.

— Смею — что? Хотеть шлюху? Денег? Или вас?

— Ты получишь свои деньги, — не глядя на меня сказала Катрин. — А сейчас будь добр веди себя прилично.

Кажется, тут кто-то вообразил, что может мной командовать?

Не буду пока её разочаровывать. Разочаровывать Катрин в мои планы не входило — потом придётся тратить время на дополнительное очарование.

Ай да Катрин. Простушка, но не дурочка. Быстро сообразила, какое перед всеми нами у неё преимущество.

Мы поладим, мой серый мышонок. Нам придётся.

Мне, право, жаль, что тебе не повезло унаследовать фамильное состояние. Я вовсе не хочу делать тебе больно.

Просто жить с Элленджайтами — это всё равно что ходить по лезвию ножа.

Мы, Элленджайты, все так живём — через боль.

Но обещаю, хоть ты сейчас меня и не слышишь, я сделаю всё возможное, чтобы не сломать тебя.

Глава 2

Мир будущего

Новый мир оказался своеобразным. Я словно попал в сказку.

Множество вещей, что в середине девятнадцатого века выглядели смелыми и прогрессивными, теперь смотрелись детскими бирюльками: гальванические токи, телеграф, телефон, о котором мы тогда едва смели мечтать.

Проводной телефон, кстати! О мобильных никто и не помышлял.

Как такое вообще возможно? Хоть умом и понимаешь, что это всего лишь наука, но — какая наука? Магия!

Я глазам своим не поверил, когда впервые увидел автомобиль. Просто стоял и смотрел, чувствуя себя неразумным ребёнком.

Линда завела мотор, и он взревел как бешеный зверь.

Машина, качнувшись на рессорах, будто корабль на большой волне, сорвалась с места, я пришёл в полный восторг!

Потом состоялось знакомство с телевизором.

Огромный, чёрный, пока внутри него не вспыхнул свет, он преобразился и начал показывать картинки. Они стали меняться одна за другой, давая возможность щелчком пальца перемещаться с Северного полюса в тропики, из миров прошлого в миры грядущего. По клику стала доступна любая информация, на приобретение которой в

прошлом приходилось тратить немало времени и денег.

Новости со всего мира стекались прямым ходом к дивану, где ты сидел как восточный падишах, потягивая прохладительные напитки и вкушая изысканный десерт.

В первый момент я был ошарашен, очарован, почти на сутки пропал для всего мира. Просто, как сейчас принято выражаться, тупо сидел, переключал каналы и смотрел, смотрел, смотрел, как сомнамбула, в этот бездонный ящик.

Через неделю телевизор надоел. Колодец, что на первый взгляд казался бездонным, исчерпал себя быстрее, чем мне представлялось.

На смену пришёл интернет. Зараза похуже предыдущей.

Чувство, будто я маленький ребёнок, которого привели в огромный магазин игрушек, лишь к концу месяца потихоньку стало сходиться на нет.

Новый мир мне нравился. Его скорость, возможности, перспективы. Ничего подобного в прошлом не было.

Катрин оказалась идеальным проводником. Она так умело дозировала информацию, что моя, как она это называла? — адаптация, вот! — проходила безболезненно.

Почти.

Я не мешал ей придумывать легенду о моём появлении. В конце концов, она лучше меня понимала этот мир.

Она играла в меня словно в живую куклу — подбирала одежду, передачи, сайты.

Меня по первоначальному удивило, что бумажные книги здесь почти не читали. Но потом удалось разобраться со всеми айфонами, айпадами, ноутами и электронными книгами, с их сходством и различием.

Тоска по привычным газетам отпустила быстро. В конце концов, когда глиняные таблички уходили в прошлое, наверняка, тоже находились люди, которым за этим виделся конец света. Прогресс всегда кому-то приносит боль, оставляя в прошлом привычный уклад жизни.

Электроника мне нравилась.

Про машины уже говорил — я прямо-таки горел давно забытым нетерпением, желая поскорее обрести новый для меня навык вождения.

Это оказалось не так-то просто. Необходимо было соблюсти тысячу условностей, выучить сотню малоинтересных правил. Для этого требовались курсы вождения.

А Катрин, с её маниакальной любовью к правилам не желала даже немножечко их нарушить. Дать взятку должностному лицу, например.

Она была из тех, кто никогда не переходит дорогу на красный свет. Полагаю, даже необходимость произнести невинную ложь ввергала её в глубокую депрессию.

Линда выполнила условия сделки.

Я получил своё удостоверение личности. Теперь годом моего рождения был 1982, лишь дата осталась прежней — 1 октября.

Сложнее оказалось с образованием. Здесь провести аналогию с прошлым сложнее. Сошлись на том, что я закончил школу в далёкой Восточной Европе. Этим якобы, и объясняется моё экзотичное поведение.

Узнав о том, что семейство Катрин предпочитает жить в отеле, я удивился.

Она так и не смогла внятно объяснить, почему мы должны оставаться гостями в отеле, пусть и дорогостоящем, если можем скупить половину города в частную собственность?

— Сколько вы тут обретаетесь? — любопытно спросил я.

— Два месяца. А что? — дерзко фыркнула Ирис, щедро намазывая абрикосовым джемом тост.

Ирис Оуэн.

Ещё одна кухня из будущего.

Или, правильнее сказать — внучатая племянница?

— Два месяца? — приподнял я бровь. — Нам нужно своё жилище. Что скажешь на предложение купить новый дом?

— Какая в этом необходимость? Кристалл-холл вот-вот отреставрируют.

Куколка Ирис всегда говорила сладким, как карамель, тягучим голосом. И смотрела на меня из-под ресниц. И надувала губы. Даже одевала блузки, позволяющий в глубоком вырезе любоваться всеми её прелестями.

Впрочем, кроила она из себя роковую соблазнительницу, коей не была ни в малейшей степени, зря. Мне-то, повидавшему на своём веку множество знойных красоток, было видно с первого взгляда, что весь её роковой опыт существует лишь в воображении. Но если она не бросит дурную манеру со мной кокетничать, в нашей маленькой семье могут возникнуть разногласия.

— Ты хоть раз там была? — спросил я.

— Где?

— В Кристалл-холле.

— Нет.

— Больше чем уверен, тебе не захочется там жить. В домике поменьше нам будет уютнее.

— Так это ты теперь будешь решать, что нам нужно, а что нет? — саркастично фыркнула плутовка.

— Имеешь что-то против?

— С какой стати это должен быть ты?

— Ну, я вроде как в нашей семье пока единственный мужчина?

— Мужчина? — насмешливо протянула она.

К этому времени Катрин решила присоединиться к нашей маленькой компании.

Выглядела она измученной. Под глазами тени.

Опять, наверное, за своими медицинскими книжками просидела до зари?

— Доброе утро, — ободряюще улыбнулся я.

— Доброе, — кивнула она.

— Что такое? Ты не в духе? Может быть, голова болит? — с деланным сочувствием подтолкнула кухне чашку чая Ирис.

— Плохо выпалась.

— Чего ради изводишь себя бессонницей?

Катрин не ответила, принимаясь за завтрак.

— Хочешь знать, о чём мы тут без тебя беседовали? Альберт говорил о новом доме, — с ехидной улыбкой оповестила Ирис.

— Ты хочешь купить новый дом? — удивлённо вскинула на меня глаза Катрин.

— Ну, своё жилище, это же... круто?

— Но в документах записано, что...

— Ты должна оставаться бездомной? — подначил я. — Зарегистрируем дом на меня. Формальности будут соблюдены.

— Почему на тебя? — возмутилась Ирис. — Если так приспичило, регистрируйте на меня лучше!

Я снизосёл до пожатия плечами:

— Катрин может регистрировать бумаги на кого хочет, но чем раньше мы съедем отсюда, тем будет лучше. Для всех.

Ирис вновь бросила на меня сердитый взгляд.

Необычные всё-таки у неё глаза. Такого цвета не могу припомнить ни у одного из своих знакомых — словно фиалки. Бывает же такая красота?

Слава богу, что она оставляет меня равнодушным.

Я быстро понял — малейшая шалость в этом направлении со стороны Катрин прощена не будет. Так что с первого часа нашего знакомства я старательно разыгрывал из себя с Ирис старшего братца.

— И когда вы собираетесь выбирать дом?

Фиалковые глаза Ирис загорелись сдержанным оживлением. Малышке явно не терпелось составить нам компании.

— Хочешь поехать с нами? — лениво протянул я.

— Не уверена, что Линда согласится выделить нам новую сумму денег, — передёрнула плечами Катрин.

— Линда не может согласиться или не согласиться.

Катрин никак не могла научиться расставлять правильные приоритеты.

— Она может либо выполнить наш приказ, либо мы её уволим.

Катрин приподняла брови.

Насколько я сумел разобраться в её характере — она упрямая. Не вступает в полемику, доказывая свою правоту, а молча гнёт свою линию. Но при этом с таким напором, что любая горластая баба рано или поздно уступит, сделав так, как хочет эта тихая мышка.

— Дело не в Линде, — сверкнула глазищами Ирис. — Дело в Катрин. Она просто не хочет, чтобы я ехала с вами, вот и всё!

— Чушь! — с горячностью возразила та, но вспыхнувшие розовым щёки выдавали её смятение.

— Не переживай! — Ирис в сердцах отбросила салфетку, поднимаясь. — Я не собираюсь соперничать с тобой за внимание Альберта. И не стану досаждать ненужным обществом. Можешь быть спокойна, сиятельная графиня, как только удастся убедить маму в очевидном — в том, как мало ты в нас теперь нуждаешься — мы уедем, и ты нас больше не увидишь.

— Не говори ерунды! — вскинулась Катрин.

Ирис покинула нас, оставив после себя грозовую атмосферу.

— Нет! Она невыносима! — вскричала Катрин.

— Самое время отнестись к ней снисходительнее. Не думаю, что твоя кузина каждый день выбирает недвижимость, — попытался я донести до неё своё видение конфликта. — Процесс выбора — это настоящее удовольствие. Она просто хотела разделить его с нами...

— Я бы не советовала тебе вмешиваться в мои отношения с сестрой, — резко оборвала Катрин.

— Разве я вмешиваюсь?

— Ты даёшь советы, которых я не просила!

Она права. Мне не следовало этого делать. Ненужно было вмешиваться. Я и сам это

знал.

Но всё равно меня бесил взятый ею тон!

— Похоже ты не нуждаешься не только в чужих советах, но в обществе. Моё почтение, мадемуазель Кловис.

Во взгляде Катрин промелькнуло сожаление. Она не хотела, чтобы я уходил.

Но, если исключить общение, мне за столом делать было нечего. Это стало проблемой, портившей существование — я не мог есть.

Лечилось подобное отсутствие аппетита одним единственным способом — кровью. Причём обычная кровь тут помочь не могла.

Мне нужна была кровь Элленджайтов.

Мне нужна была кровь таких же, как я. Только таких, как я, в мире больше нет.

Чтобы про Элленджайтов не говорили, мы не маги, не вампиры и не демоны.

Никто в нашей семье никогда не проводил кровавых обрядов с человеческими жертвоприношениями. Не призывал дьявола.

Говоря современным языком — мы мутанты.

В связи с чем произошли эти изменения, никто не знает, но чем сильнее повреждение нашего организма, тем быстрее делятся клетки, восстанавливаясь.

Чем сильнее они восстанавливаются, тем сильнее боль, которую мы испытываем.

Поскольку кровь быстро сворачивается, есть лишь один способ получить её наполненной живительным началом — пить прямо из уст.

Для донора процесс не слишком приятный, а вот для получателя всё совсем иначе. Никакой алкоголь, наркотики и прочий допинг не сравнятся по силе воздействия с кровью Элленджайтов.

Я не знаю, какой орган в моём теле отвечал за производство этих полезных, восстанавливающих веществ. Но так или иначе эти гормоны поступали в кровь, заставляя одни клетки делиться, другие — разрушаться.

Когда токсинов от разрушенных клеток накапливалось слишком много, происходило то, что мы между собой определяли, как приступ — вместе с кровью организм избавлялся от шлаков.

Как известно, любой орган имеет свои пределы. И если их преступить, ничем хорошим это не заканчивается.

А мы, Элленджайты, спецы в преступлении любого предела.

В старые времена, когда организм одного из нас работал на пределе, всегда был рядом другой, готовый поделиться кровью.

Теперь я был один.

Дополнительных источников и страховок нет, а значит, очень может статься, мне не придётся жениться на Катрин, поскольку воскрешение моё окажется недолгим.

Я пытался пить обыкновенную кровь. При здешних условиях это оказалось несложно. Медицинские сыворотки кое-как поддерживали силы, служа источником питания, но в силу состава и моих особенностей они никак не могли быть той чудесной батареей, что была так необходима.

Острая боль изматывала постоянно. Я становился раздражительным и излишне возбудимым.

В такие минуты мне нравилось сбегать от моей наставницы и блуждать по городу в полном одиночестве.

Нравилось со свистом нестись по пустынной дороге.

Всё вокруг изменилось. Я не узнавал ни старых улиц, ни старых магазинов, не было прежних аллей, домов и дворики. Но одно осталось неизменным: старый дом плотских радостей. Наше детище, гнездо порока — Астория.

От размышлений и планов меня отвлек стук в дверь:

— Входи.

Катрин вплыла в комнату и остановилась, глядя на меня обличительно.

— Я весь внимание.

— Ты купил новый автомобиль?

— Да. Купил. Есть причины для возражения?

— У тебя нет прав.

— Права я тоже купил. Деньги открывают огромные возможности, за что столь нежно многими и любимы.

— Тебе знакомо слово «ответственность»? — сощурилась она, пронзая меня взглядом. — Если ты не ценишь свою жизнь, мог бы хоть бы к чужой отнестись с уважением?

— Если уж я не ценю собственную жизнь, то другая для меня точно ничего не значит. Ладно, расслабься. Если пешеходы не станут перебегать дорогу прямо перед моим капотом, им с моей стороны ничего не грозит. Я прекрасно отличаю красный цвет от зелёного, значение знаков понимать не разучился, так что всё под контролем. Может быть, ты всё-таки присядешь? — повторил я, так как Катрин продолжала стоять посередине комнаты, изображая из себя ангела, явившегося с укоризной.

— Не думаю, что нам стоит продолжать разговор, Альберт.

— Согласен. Мне тоже кажется, что мы слишком много спорим.

— Это неизбежно.

— Этого легко избежать, — возразил я. — Ненужно вести себя со мной, как мамочка с неразумным ребёнком, пытаюсь контролировать каждый мой шаг. Откровенно говоря, контролировать меня вообще ненужно.

На её личике отразилась обида.

— Я понимаю, что ты делаешь это из лучших побуждений. Но пойми — я не ребёнок и не умалишённый. Я способен позаботиться о себе сам. Мир вокруг не так уж сильно изменился, чтобы потерять в нём ориентир.

— Хорошо, — кивнула она. — Я больше не стану навязываться с помощью.

— Катрин...

— Мне нужно в университет. Увидимся позже.

Она ушла, разобиженная.

Я подошёл к окну.

Снова шёл дождь.

Осень, ноябрь. Серое небо, серая улица, серые прохожие.

Серая даже вон та девушка в ярко-красном драповом пальто.

Скрестив руки на груди, я позволил себе задуматься о будущем.

Лгать себе не имело смысла. Необходимость связать судьбу с Катрин вызывала во мне отторжение и неприятие.

Не то чтобы Катрин мне не нравилась. Очень даже милая, симпатичная, достойная уважения девушка. Я привязался к ней.

Но в том, что наша совместная жизнь будет пыткой я не сомневался.

Уже сейчас мы не могли четверти часа провести в обществе друг друга, чтобы не поругаться.

Однако позволить, чтобы семейное состояние уплыло вместе с её рукой к совершенно случайному человеку я не мог. Не так воспитан.

Только тот, в ком течёт кровь Элленджайтов, наследует то, что после Элленджайтов останется.

Правда, большой вопрос, могут ли у меня быть дети?

Ситуация «без меня меня женили» не могла радовать.

Катрин была безупречна. И от того бесила ещё сильнее.

Глава 3

Ночь в Астории

Дождь сводил с ума.

Я — солнечный мальчик. Легко переношу и холод, и жару, лишь бы было солнце. Туманы и бесконечная мокрота меня убивают.

В ноябре сумерки спускаются быстро.

Зажглись первые фонари. Неоновая реклама расцвела всеми цветами вдоль блестящих от влаги асфальтовых дорог.

По стеклу машины монотонно стучали капли дождя, убаюкивая, снимая напряжение и одновременно снижая внимание.

Автомобили шли сплошным потоком. Кто-то кого-то подрезал в нетерпении, раздавался пронзительный визг сигналов и тормозов.

Из-под колёс брызгами вздымались лужи, задавая грязью проезжающие мимо машины и пешеходов.

В 21 веке город стал таким шумным!

Теперь не нужно было тащиться на концерт. Достаточно стало небрежного движения пальцем, чтобы прослушать любимую мелодию, льющуюся из динамиков плеера, перекрывающую звуки улицы.

И какая это была музыка!

Уверен, Ральфу понравился бы рок.

Синтия — та брезгливо поджала бы губы, хотя втайне тоже бы наслаждалась.

Я петлял по городу, развлекаясь тем, что пытался в хитросплетении новых улиц отыскать призраки прошлого. Иногда удавалось узнать дома, успевшие превратиться в раритетных старичков, но большей частью город поменялся до неузнаваемости.

Остался старый, знаменитый в прошлом театр «Опера».

В здании Дворянского Собрания расположился музей.

Обсерватории больше не было.

Зато Храм вроде, как и не постарел за истёкшие годы. Даже окружавший его парк мало изменился. По-прежнему к нему вела вымощенная камнями мостовая.

Помню, словно вчера, по ней прогуливались дамы в кринолинах в сопровождении мужчин с тростью и в цилиндре.

Я находил в себе силы искать отголоски прошлого на улицах, но мне не хватало храбрости, чтобы попытаться узнать подробности о жизни тех, кого я любил.

Устав плутать по улицам я поехал в Асторию.

К тому времени как я подъехал к зданию, почти вся площадь перед ним была заставлена машинами.

Охранник выдвинул вперёд массивной плечо, преграждая путь:

— Ваш пропуск, пожалуйста.

В былые времена стоило ногу подставить на ступень кареты, как лакей, выполняющий ту же роль, что и этот амбал, бросался через всю улицу с раскрытым зонтиком, стараясь угодить.

Но то были другие времена. Здесь на меня смотрела волком.

— У меня нет пропуска, любезный.

— Тогда проваливай!

Я улыбнулся:

— Разве можно так говорить с клиентом?

— Я сказал — проваливай!

Коснувшись руки, я перехватил его взгляд и потребовал:

— Пропусти.

Глаза у охранника сделались мутными, словно он хлебнул лишнего. С лица исчезло всякой выражение.

В следующий момент дверь приветливо распахнулась.

Полумрак в прихожей раньше разгоняли дорогие парафиновые свечи. Теперь же, с изобретением электричества, загадочная атмосфера достигалась за счёт тусклых, сделанных под старину, светильников.

Коридор уводил в главную залу. На второй этаж убегала изогнутая, украшенная лепниной, лестница с ужасающе-безвкусными амурами, которых здесь даже в мою эпоху не было.

Раньше дворецкий у входа услужливо забирал перчатки, цилиндры, плащи.

Теперь приходилось ножками топтать до гардероба, чтобы самому сдать туда пальто. Как-то выбивало это из атмосферы очаровывающего порока.

С первого взгляда всё выглядело более, чем цивильно. Даже скучно.

На сцене девица, в длинном откровенном платье, с причёской, украшенной перьями, технично тянула высокую ноту. Придаться невозможно, но исполнение не цепляло.

Девице аккомпанировал тип в чёрном сюртуке. Тоже чистенько, но без огонька.

В зале за круглыми столиками расположились успевшие прибыть клиенты. Были здесь смешенные пары, были чисто мужские и (чего прежде в Астории никогда не было) чисто женские компании.

Вот тут-то я постиг истинное значение слова «феминизм».

Светильники, похожие на хрустальные шары, мягко сияли с середины каждого стола.

Словно призраки, между столиками скользили официанты.

Стоило перешагнуть порог, как ко мне сразу же скользнул... затрудняюсь определить должность? В наше время его бы назвали управляющим.

— Простите, сэр. Вы новенький? Могу я увидеть ваш абонемент?

— Боюсь, что нет. Ведь я даже не знаю, что это такое.

Сколько себя помню, стоило одному из Элленджайтов появиться на людях, реакция всегда была одна и та же — пристальное внимание и вожделение, иногда прикрытые, иногда нет.

— Это закрытый клуб. Случайные посетители не могут здесь находиться.

— Тогда, полагаю, самое время завести этот... как его — абонемент? Сделайте всё, что нужно. И проводите меня к свободному столику.

Моя просьба вкупе со взглядом и прикосновением сделали своё дело.

— Да, сэр. Конечно, сэр. Идёмте, сэр. На какое имя прикажите выдать пропуск?

Исполнительницу заунывной мелодии сменила другая, почти такая же, с той лишь разницей, что была брюнеткой. Создавалось впечатление, что даже песню они тянули одну и ту же.

Парадокс! В наше время подглядеть женскую ножку было за счастье. Стоило увидеть стройную лодыжку хорошенькой женщины, как голову кружило от желания.

А тут повсюду длинные обнажённые ноги на вызывающе-высоких каблуках со всех сторон, а вот поди ж ты? Не трогает.

Всё напоказ: грудь, шея, спина, яркая косметика, навязчивый запах духов. Ничего не оставалось для фантазии.

— Ваше шампанское, сэр, — склонился официант в поклоне, снимая с подноса бокал, ставя его передо мной.

— Я ещё ничего не заказывал.

— Его прислали леди вон за тем столиком.

Я перехватил взгляд трёх горячих красоток.

Они захихикали и, склонив, головы, о чём-то зашушукались.

— Принесите три бутылки шампанского к столику девушек, — решил не оставаться я в долгу. — Вычтите отсюда всё, что я сегодня закажу, а оставшуюся сумма пойдёт в счёт чаевых.

— Да, сэр, — ошарашенный, официант упорхнул.

— Разрешите? — подошёл я к милой троице щебетуний.

Девушки переглянулись и снова захихикали.

Не дожидаясь ответа, я ногой подтянул к себе стул:

— Надеюсь, вы любите «Дон Переньон»?

— Предпочитаем «Вдову Клико», — соблазнительно повела плечиком хорошенькая невысокая брюнетка с кукольным личиком.

— Учту на будущее. А пока — за знакомство?

Знакомство развивалось бурно. Девчушки оказались не промах.

Ни одна из них не желала уступить моего общество другой, в результате мы неплохо развлеклись вчетвером. Там, где не хватило моего запала и энтузиазма, дамы справились сами.

Когда в воображении рисуешь себя секс со множеством красавиц, то представляешь, что все они обслуживают одного тебя. В реальности же всё иначе.

Брезгливым и ранимым людям подобного опыта лучше избегать.

Я не был ни тем, ни другим, но откровенно говоря, секс с четырьмя красотками меня не удовлетворил, хотя и измотал изрядно.

Наверное, следовало вместе с ними принять их чудесный белый порошок под название кокаин. Но мне хватило жесткой наркозависимости в прошлой жизни. Не хотелось начинать с того же, чем закончил. А чувственный угар на трезвую голову переносить тяжело.

— Торопись? — оплела мою шею руками полногрудая блондинка.

Похлопав её по ягодицам, я отстранился.

— Нужно выпить.

— Торопишься попасть на выступление Санфила? — хихикнула черноволосая куколка, прижимаясь ко мне со спины.

— Нам тоже следует поторопиться, — чихнула третья девушка, втянув в себя белую дорожку наркотического порошка.

— Кто такой Санфил? — я с удовольствием мямлю ладонями пышные, мягкие груди блондинки, одновременно млея под умелыми ласками её черноволосой подруги. — Местная знаменитость?

— Как ты относишься к садо-мазо? — засмеялась блондинка.

Смех её перешёл в стон, как только мои губы сомкнулись на вызывающе-привлекательной горошинке её соска.

— Тебе должно понравится, — сжалась на моём члене умелая ручка черноволосой куколки.

Я закусил губу, стараясь не стонать, в очередной кончая в её умелые ладошки.

— Кажется, мне определённо нравится, — ухмыльнулся я, как можно мягче высвобождаясь из рук прелестниц.

Спускаясь я ощущал себя взбудораженным как раздраженный зверь.

Ступени вибрировали под ногами от музыкального ритма. Кажется, аппаратура издающий этот мощный звук называется сабвуфер? Благодаря ей ритм чувствуется прежде самой музыки.

В зале свет был полностью приглушён. Освещалась только сцена похожими на молнии всполохами.

Поначалу я принял происходящее за инсценировку: мол, кто-то пытается имитировать наши, Элленджайтов, фамильные таланты.

Но потом понял, что ножи настоящие.

И цепи.

И кровь.

Катрин сказала, что никто из мужчин в нашем роду не выжил, но юноша, чьё тело распяли на цепях, пропуская их через обильно кровоточащие раны, явно был одним из нас.

Никто другой так не сумел. Просто не выжил бы.

Страшное фантасмагорическое действие с картинкой, где человек представлялся пауком с тысячью металлических ножек, словно щупальца выходящих из его тела, подходило к концу.

Зашумели лебёдки. Санфила опустили на пол. Ассистенты поддержали, потом стали вытаскивать крючки с цепями.

Слушая лязг цепей, я почти чувствовал, как каждое звено выскользывает и из моего тела тоже.

— Я могу встретиться с Санфилом после представления? — спросил я у официанта.

— Сами понимаете, желающих много. Пробыться непросто.

— Проводите меня в его комнату.

— Предупреждаю, Санфил бывает очень груб с непрошенными гостями.

— С непрошенными гостями редко кто любезен. Не говори больше ничего. Просто — проводи.

Я хорошо помню эту часть здания. Мы часто снимали этот номер с Ральфом.

Как и всё в этом городе, место изменилось, оставаясь прежним. Вместо деревянных

шпалер — обои, но в том же стиле и цвете. Ковёр на полу другой, но общее впечатление такое, будто в картинку, оставшуюся в памяти, внесли незначительные искажения.

— Комната мистера Санфила сэра.

Сунув проводнику сто долларовую банкноту, я посчитал, что наше общение исчерпало себя.

Когда я вошёл, Санфил стоял у стола перед тазиком с чистой водой и горой бинтов. Окровавленная рубашка валялась прямо на полу.

В ответ на моё несанкционированное вторжение он обернулся, и я увидел точёные и одновременно с тем резкие, почти хищные, черты.

Выражение его лица нельзя было назвать приветливым.

Впрочем, тёплого приёма я и не ожидал.

— Какого чёрта?..

Стоило его взгляду упасть на меня, Санфил смолк, разглядывая меня с тем же откровенным любопытством, что я — его.

— Кто ты такой? — спросил он.

— Тебе нужно моё имя?

— Кто тебя сюда впустил? И почему?

Я сделал пару шагов, и мы оказались лицом к лицу.

— Возможно, у них не было возможности меня остановить? Видишь ли, когда я чего-то хочу, я бываю очень целеустремлённым.

— Ну и чего же ты хочешь? — усмехнулся он.

Его полные, чётко очерченные губы были так близко, что голод, живущий во мне со дня воскрешения, обострился. Зверь, покорно сидящий на коротком поводке столь смиренно, что я и сам уверовал в его кончину, поднял голову и востребовал добычу.

— Тебя.

Между нами пробежала искра.

Честно говоря, я и не ожидал такой горячей реакции на свою провокацию.

Ничего подобного изначально в мои планы не входило. Но процесс, бесспорно, увлекал.

Губы у него были твёрдые, горячие.

Санфил был весь как раскалённая печь и мне это нравилось.

Выносливый жеребец, идеальная секс-машина, с которой, в отличие от хрупких и ранимых девушек, можно было не сдерживая себя, делать всё, что хочется.

Движения Санфила были резкими. Казалось, будто каждое его глубокое проникновение, словно таран, разрывает тело.

Он чувствовал, что причиняет мне боль. И ему это нравилось.

Я чувствовал, как кровь, — наша необычная чудесная кровь — растекается внутри меня, поднимается выше, струится по губам и капает вниз, оставляя следы на полу, простыне, моих руках.

Дернувшись пару раз, Санфил замер, тяжело дыша.

Удовольствие он, как я боль, терпел молча.

Я, наконец, мой позвольте себе то, без чего мне было не выжить — припав к его губам, словно сок через соломинку, пил его кровь.

Я глотал, словно путник в пустыне, набредший на оазис с водой.

У крови Ливиана был странный вкус. Солёно-горький, густой, пряный — такой же горячий, как он сам.

В своём исступлении я не сразу понял, что он отталкивает меня, сначала мягко, а потом толчком в грудь.

— Хватит! — прорычал он, сгибаясь.

Он был бледный и слишком красивый. Будто внутри него вспыхнула энергетическая лампочка, именуемая душой, прожигая брэнную плоть и стремясь из неё вырваться.

Придерживаясь рукой за стол, Санфил кое-как добрёл до стула и осторожно, боком, сел. Дышал он тяжело, глубоко и осторожно.

А моя боль к этому времени успела словно задремать, став вполне терпимой.

— Кто ты такой? — вскинул на меня глаза Санфил. — Очередной ублюдок Рэя?

— Кто такой Рэй? — в свой черёд поинтересовался я.

Раны на теле Санфила успели затянуться, но шрамы ещё пятнали смуглую кожу на животе.

Моя же рубашка была вся в его крови.

— Живописно выглядишь, — хмыкнул он.

— Что есть, то есть. Альберт Элленджайт, — протянул я ему руку.

— Ливиан Санфил, — пожал её он.

4. Договор

Под утро всегда тяжелая голова, а тут на душе ещё кошки скребут. Я чувствовал себя грязным и никуда и мог от этого чувства деться.

Рефлексовать о происшедшем не имело смысла. Мне и без того были понятны мотивы собственных поступков: попытки в новом отыскать старое. В известной степени это удалось, только «удавшееся» делало действительность ещё тягостнее.

Лучше не стало, когда, войдя в комнату, я лицом к лицу столкнулся с заплаканной Катрин.

— Где ты был?! — накинулась она на меня.

Голос её дрожал от переполнявших эмоций.

— Сейчас почти четыре утра! Я звонила раз сорок, наверное — ты не ответил ни разу! Да ты хоть понимаешь, что я чуть с ума не сошла?!

Мне хотелось тоже наорать в ответ, но я сдержался.

— Что ты делаешь в моей комнате? — голос мой всё же звучал суше, чем я рассчитывал. — Почему до сих пор не спишь?

— Не сплю, потому что жду тебя! Я боялась, как бы с тобой не случилось что-нибудь страшное. А когда я волнуюсь, я не могу спать. Не дожидаться же мне тебя в вестибюле? Вот и пришла сюда.

Бросив презрительный взгляд Катрин направилась к двери.

Уф! Кажется, сцена отменяется? Только почему-то от осознания этого не делалось лучше.

— Катрин, подожди!

Я сам не знал, для чего окликнул. Что хотел сказать?

— Мне жаль, что заставил тебя волноваться. Следовало позвонить, но я не привык к тому, что обо мне беспокоятся.

— Больше не стану отягощать ненужной опекой. Хотя я ведь уже обещала это, правда? — невесело усмехнулась она. — Впредь постараюсь лучше держать данное слово.

— Катрин, прошу тебя, не злись.

Но она злилась. И очень. Хоть старалась держать себя в руках и не выказывать эмоций, от неё волнами исходили разочарование и гнев.

— Постараюсь. А теперь — дай пройти. Мне вставать через три часа.

Она вышла, аккуратно прикрыв дверь.

Катрин холодна, но у этой холодности есть свои положительные стороны — она не закатывает сцен.

Голова была пустая.

Сняв с себя пиджак, я почувствовал резкий и сладкий запах женских духов. Мысль о том, что Катрин тоже заметила этот аромат была неприятна.

Никогда раньше мне не приходилось стыдиться своих поступков. Может быть потому, что чувство стыда — это вообще не то что было принято испытывать в нашей семье?

После душа я почувствовал себя лучше, будто с грязью физической смыл и грязь духовную.

Сел на диван, закурил, принялся размышлять.

Не знаю, есть ли Бог? Наверное, есть. Иначе откуда бы взялся для меня второй шанс? Небеса практически дали мне всё то, о чём я просил — возможность построить жизнь заново. Всё — с чистого листа.

А что я делаю?

Наступаю на те же грабли.

На следующий день я решил искупить вину и помириться с Катрин.

Для начала куплю ей букет, большой и пышный.

Одна беда — я понятия не имел, какие цветы она любит.

Обратившись за помощью к Ирис, натолкнулся на недоуменный взгляд.

— Лучше подари книгу. Желательно узкоспециализированную. Инструкцию по наложению хирургических швов, например. Или про какой-нибудь особенный способ операции на сердце. Что-то в этом роде Катрин гарантированно придётся по душе.

Поскольку Ирис помочь не захотела я обратился за консультацией прямо к специалисту — девушке-флористке, торгующей в цветочном павильоне.

— Мне нужно что-нибудь изысканное. Цена вопроса не интересует.

Понятие продавщицы об изысканном меня поразило.

В качестве «изысканного» мне был представлен огромный, едва руками обхватишь, букетище. В нём чего только не наткано: розы, герберы, георгины, а ещё непонятная ерунда, похожая на крохотные горошинки на стебельке-паутинке.

Зелёная трава, наводящая на мысль о тропической пальме, возвышалась над цветами на высоту ладони.

Всё это чудо великолепное затянули в прозрачный полиэтилен, но и на этом композиция оказалась не закончена.

По цветам ползали искусственные жуки из блестящих камушков, сверкали крыльями бабочки, на листиках пристроилась парочка улиток и, прости господи, гусениц.

— Что-нибудь ещё?

Букеты экзотических орхидей тоже не приглянулись. Вроде бы и изыскано, как заказывал, но — не то.

— Камелии?

Камелии когда-то любила мама.

В Кристал-холле под них в своё время половина оранжереи отводилась.

— Конечно, — услужливо кивнула продавщица.

— Прекрасно. Создайте композицию в классическом стиле, без обертки и бабочек.

Погода была отвратительная. Северный циклон принёс с собой снег вперемешку с дождём.

Во второй половине ноября на улицы Эллингжа обычно ложился снег и грязь подмораживало. А тут сплошной кисель. Колёса автомобилей взбивали лужи как миксером — до пены.

Часы показывали четверть третьего, а вокруг уже сгустились сумерки.

Пристроившись в длинный ряд автомобилей, я пристально вглядывался в поток студентов, хлынувший через двойные двери центрального входа. Взгляд практически сразу выхватил в толпе хрупкую, чуть сутулящуюся под тяжестью рюкзака, фигурку в серой куртке.

— Катрин!

Она обернулась, но не сразу меня узнала.

— Альберт? — тонкие брови тревожно сошлись над переносицей. — Что-то случилось?

— Вот, решил тебя встретить. Может захочешь со мной покататься по городу?

Катрин продолжала в нерешительности перебирать чуткими пальчиками ремешок рюкзака:

— Сегодня был трудный день.

— Мы просто посидим и поболтаем. Это несложно.

— Хорошо, — со вздохом согласилась она.

— Это тебе, — протянул я букет.

— С чего ты сегодня такой милый?

— Я всегда милый. Ты просто мало меня знаешь, вот и не заметила.

— Спасибо. Цветы красивые, — спрятала она лицо в ароматных лепестках.

— Рад, что ты любишь камелии.

— Цветы красивые, но... давай на чистоту. Чего ты хочешь от меня, Альберт?

Я нахмурился:

— Чего хочу? — протянул удивлённо. — Хочу, чтобы мы были друзьями.

— Друзьями? — протянула она. — Только друзьями и больше ничего? И потому даришь мне цветы и расточаешь очаровательные улыбки? Я ценю твои попытки быть милым, Альберт, но знаю, что на самом деле ты не такой.

Катрин снова вздохнула:

— Рано или поздно нам придётся серьёзно поговорить. Почему не сейчас? Ты должен понимать — я не такая дурочка, какой кажусь...

— Ты не кажешься мне дурочкой! — попытался возразить я.

— У меня хватает интеллекта, чтобы понять мотивы твоих поступков, — продолжала она, словно не слыша. — По правде говоря, тебя нельзя за это винить. Состояние Элленджайтов принадлежит тебе куда больше, чем мне, и я не возражаю против того, чтобы так оно и было. Только не знаю, как вернуть его тебе законным путём. Такого пути нет.

Она помолчала, кусая губы:

— Ни одного, кроме заключения брака. И в этом контексте становится понятным твоё желание быть милым, — пожала она плечами. — Я благодарна уже за то, что ты не стал разыгрывать из себя рокового соблазнителя. Хотя мог бы.

— Даже не знаю, что сказать на это.

— Ничего не говори. Я верну тебе твоё. И если для этого мне придётся выйти за тебя замуж — я готова. Только с одним условием: ты не будешь разыгрывать из себя Ромео.

— То есть, — насмешливо протянул я, — ты согласна по доброй воле отдать мне всё, что имеешь? Не то чтобы я не был рад такому повороту событий, но ты не думаешь, что это глупо?

— Вся эта история с внезапно свалившимся наследством для меня с самого начала тягостна. Так что, глупо или нет, но я рада тому, что всё закончится. Я без сожалений отдам тебе то, что ты жаждешь получить. Но прошу тебя, Альберт, будем честным со мной.

— Честным? В каком смысле?

— Разве в честности может быть какой-то иной смысл? Быть честным значит не лгать, не притворяться, не хитрить. И, в контексте нашего разговора позволь честно закончить: я не уверена, что мы сможем с тобой любить друг друга как Тристан и Изольда. Но мы можем стать друзьями.

Я притормозил у одного из маленьких бесчисленных кафе, рассыпанных вдоль дороги. Мы вошли внутрь перекусить.

— Ты предлагаешь фиктивный брак? — полюбопытствовал я.

— Возможно со временем наши отношения могут вырасти во что-то большее. Знаю только, чего я точно не хочу — фальшивых ухаживаний, слащавого романтизма и ненужной траты времени на глупое рисование пробитых стрелой сердечек.

— Я не согласен.

— Не согласен? — удивилась Катрин. — С чем?

— Мне нравится слащавый романтизм. И, поскольку я никуда не тороплюсь, я готов тратить время рисуя сердечки на песке. Может быть, это не слишком толково, зато красиво. Или на красоту в этом веке тоже нет времени? Стесняюсь спросить, а куда, собственно, все мы так торопимся, что жить некогда?

— Нельзя сказать, что с тобой легко иметь дело, Альберт Элленджайт, — вздохнула Катрин. — Я лишь пытаюсь всё упростить, — покачала она головой.

— Зачем? Проще не значит лучше. Есть вещи, на которые стоит тратить время, потому что вернуть или повторить эти мгновения не получится. Ты считаешь флирт ложью? Но флирт — это игра, правила которой позволяют людям изящно подойти к черте серьёзных отношений и, если будь на то их желание, без обид разойтись.

Веками существовали правила взаимодействия мужчины и женщины, облегчающие им путь друг к другу. Не понимаю, почему наши потомки выкинули всё это на свалку? Что-то незаметно, чтобы вы стали от этого счастливее. Читала Библию? Всё зло от женщин.

— Так и знала, что ты шовинист.

— Шовинизм здесь не при чем. Это факт: общество ведёт себя так, как позволяет женщина. Мужчина станет таким, каким желает видеть его женщина. Увидит слабым, подлым и никчёмным — так и будет. Увидит сильной личностью — тоже так будет. Женщины по сути своей либо добрые волшебницы, либо ведьмы.

Катрин грустно улыбнулась:

— А мне-то всегда казалось, что женщина просто игрушка в руках мужчины. Мир принадлежит вам. Не нам.

— Мир принадлежит мужчинам, но мужчина без женщины как земля без солнца, как еда без соли. Любим ли, ненавидим ли, бунтуем против вашей власти — но в каждом нашем

дыхании существуете вы, женщины. В мире целомудренных женщин живут целомудренные мужчины, а мире блудниц — похотливые козлы. Я же говорю: либо фея, либо — ведьма...

— Альберт?

С удивлением обернувшись я не сразу узнал симпатичную невысокую брюнетку, по-хозяйски положившую мне руку на плечо.

— Вот ты где?

Предприимчивая бойкая девица склонилась ко мне, обдавая запахом духов и поцеловала.

Я остолбенел от удивления.

Нельзя сказать, что было совсем неприятно. Тёплое женское тело оно всегда теплое женское тело. Но более неподходящего момента для лобзаний придумать сложно.

Девица на моём месте могла закатить оплеуху некстати подоспевшему охальнику. У джентльмена таких привилегий нет.

Вырваться я не стал. Просто сидел и ждал, когда прелестница сама собой отвалится, как насосавшаяся пиявка.

Расчёт оказался верен. Когда страстной даме не хватило дыхание, она выпрямилась, оставив меня в покое.

Стерев следы её помады с губ, я смерил её взглядом.

Но девица пожала плечами и уселась рядом, по-хозяйски закинув мне руку на плечо и игнорируя застывшую столбом Катрин.

— Я была уверена, что мы встретимся. Противный мальчишка! Ты даже не поинтересовался моим адресом? — надула она губы.

— Я должен был?

— Мне казалось, мы неплохо провели вместе время?

Теперь я узнал девицу.

Черт! Вот только этого мне сейчас и не хватало!

— Кто она такая? — кивнула девица в сторону Катрин.

— Моя невеста.

— Невеста? — презрительно фыркнула черноволосая куколка. — Скоро это останется в прошлом.

— Кто это? — в свой черёд поинтересовалась Катрин.

— Незнакомка, качающая права, которых у неё нет, — со вздохом ответил я, устало пожимая плечами.

— Ты хоть знаешь, с кем говоришь? — вскричала эта сумасшедшая.

— Нет. И мне даже не интересно.

Девица повернулась к Катрин:

— Так, красавица, исчезни. Нам нужно поговорить.

Катрин окатила ледяным взглядом сначала куколку, потом меня.

Причём взгляд, доставшийся мне, был на пару градусов холоднее. Ну где справедливость?!

— Я жду тебя с объяснениями ровно через пять минут.

— Значит, так, — заявила черноволосая, по-хозяйски усаживаясь на место Катрин, закидывая ногу на ноги и постукивая ярко-красным острым ногтем по столешнице. — Сейчас ты пойдёшь и скажешь своей бывшей, что она может катиться куда угодно. Что больше ты её знать не хочешь и с сегодняшнего дня встречаешься со мной.

— С какой стати я это сделаю?

— Меня зовут Амара Сорен. Мой старший брат работает на Рэя Кинга.

— Сия ценная информация для меня пустой звук. Плевать я хотел на Рэя Кинга и твоего брата, Амара Сорен. Не знаю, может быть среди твоих знакомых подобное поведение норма, но с моей стороны ты смотришься просто смешно с этими, ничем не обоснованными, претензиями.

— Ты не понял? Если ты мне не уодишь, я попрошу у брата твою голову на блюдечке с золотой каёмочкой. Он будет рад мне её подарить.

— Трепещу.

— Я могу попросить не голову, а, твой член!

— Трепещу ещё сильнее. Сила твоей фантазии не дремлет. Но прими добрый совет — не присылай ко мне своего братца лично. С мальчиками я далеко не так мил, как с девочками. Могут возникнуть неприятности.

— Стой! Куда ты?! Я тебя не отпускала!

— Прислуге указывать будешь.

Она схватила меня за рукав:

— Ты всерьёз бросаешь меня?! Смеешь говорить мне в лицо, что больше меня не хочешь?! Грубо поимел меня, а теперь отчаливаешь?!

Как, однако, по-разному видят ситуацию мужчины и женщины.

— Тебе не сойдёт это так с рук!

— А ты всерьёз рассчитывала, что после весёлой группухи я проникнусь к тебе большой любовью и притащусь с лютней под балкон петь серенады? Возможно ты и в самом деле глупа. Или от наркоты разжижение мозга случилось? В моей реальности твоё поведение выглядит как театр абсурда. Я в этом больше не участвую. Да и оставленные мне пять минут истекли. Моё почтение, леди.

Катрин стояла у машины, маленькая и хрупкая, похожая на последний испуганный листок, никак не решающийся улететь с ветки.

Она не слышала, как я подошёл и вздрогнула, когда мои руки легли ей на плечи, обнимая.

— Извини, — шепнут я. — Извини за отвратительный инцидент.

Она повернулась и у меня сжалось сердце, когда я заметил блеснувшие на её ресницах слёзы:

— Кто она такая?

— Просто странная девица.

— У тебя что-то с ней было?

Проще всего было солгать, но я не хотел.

— Мы познакомились в борделе и провели вместе несколько часов.

Прости, Катрин, но ты же сама просила меня о честности? Правда не всегда приятная вещь.

Даже в свете фонарей я видел, как вспыхнули яркие пятна на щеках Катрин.

— Что ж?.. У меня нет прав задавать подобные вопросы. Я не хотела лезть в твою жизнь.

— На самом деле ты уже в ней. Я этому рад. Не знаю, какой бы была моя жизнь без тебя. Да и была бы она вообще? Я понимаю, что ты будешь злиться, но справедливости ради вспомни о том, что на момент встречи с Амарой я ещё ничего тебе не обещал. У мужчин

есть свои потребности. Признаться, на тот момент я не видел особого смысла бороться со своей темной половиной. Прошу, не сердись. Больше этого не повторится. Даю слово.

— Даёшь слово? И я могу тебе верить?

— Словами я на ветер не бросаюсь. Так что да, Катрин. Можешь.

Обняв её, я привлёк к себе.

Мне хотелось её поцеловать, но по тому, как она вся напряглась, я понял, что не стоит этого делать. По крайней мере сейчас.

Пока рано.

Но у нас всё впереди.

5. Не такой, как другие

Мысль о приобретении собственного жилища не давала покоя.

Насколько я понял, дамы, вверенные судьбой моему попечительству, не привыкли к мысли, что богаты и могут позволить себе всё, что захотят. Для них вершиной роскоши был отель, где мы находились.

Как по мне, так казенный дом остаётся казённым сколь роскошно его не обставляй. А мне нужно было что-то значимое и статусное, пусть и не такое громоздкое, как Кристалл-холл.

Пока я мог позволить себе его призрак в миниатюре.

В поисках дома я облазил весь интернет, но среди выставленной на продажу недвижимости не было ничего близко похожего на то, что мне представлялось.

Пришлось обратиться к услугам специалистов.

Женщина-риелтор, внимательно выслушав все пожелания, перешла к имеющимся у фирмы предложениям. Одно из них меня удовлетворило.

Дом, на котором я решил остановиться, выглядел презентабельным, симпатичным, уютным. По моим меркам он был небольшой — всего-то четырнадцать комнат. Технические характеристики показали сносными, с ценой столковались. Обговорив кое-какие детали, распрощались до новой встречи.

Я шагнул на улицы, укрытые свежеснегавшим снегом.

Он приятно поскрипывал под ногами, но быстро таял, из-за чего воздух перенасытился влагой. Холод въедливо забирался под рукава, а на волосах оседала морось.

Чтобы немного согреться и кое-как убить время, я решил зайти в одну из многочисленных забегаловок, стоявших вдоль дороги. Подойдя к стойке, заказал кофе, крепкий, чёрный, без сахара

В Бистро было многолюдно. День рабочий, время ланча.

— Привет, — пропел высокий голос за моим плечом.

— Амара? — не удержавшись, поморщился я.

Она вспорхнула на высокий барный стул. Перед глазами мелькнули красивые, стройные ножки. Я следил за ними так, как провожаешь взглядом косяк взметнувшихся в небо птиц — любуясь, но без особых эмоций.

— Тебя давно не видно в Астории, — попеняла она.

— Я не завсегда тут.

— Избегаешь меня?

— Не ставил перед собой такой цели, — я всё ещё старался сохранить вежливость.

— Как поживает твоя невеста?

— Отлично.

Я сделал официантке знак подойти, чтобы расплатиться.

— Уже уходишь? — недовольно сощурилась Амара.

— Мне пора. Дела, знаешь ли, — пожал я плечами.

— Да ты хоть знаешь, сколько парней умерло бы от счастья, сделай я им лишь половину тех авансов, что достались тебе?!

— Что тут скажешь? Дари себя тому, кому это в радость.

— Мы ещё встретимся! Ты об этом пожалеешь!

Я никогда не придавал значения женским угрозам. И каждый раз убеждался потом, что зря.

Через два дня после встречи с Амарой неподалёку от конторы по работе с недвижимостью я столкнулся с гопотой.

Их было человек восемь. Все вызывающего вида — затянуты в кожу с ног до головы, сверкали бритыми макушками с начёсанными ирокезами. На пальцах зловеще поблескивали кастеты.

— Эй, фрайерок! Сбавь-ка шаг!

Парнишка, пониже меня ростом, чернявый, без ирокеза и с минимум косметики на лице, заступил дорогу.

Взгляд зацепился за маленького скорпиона, сверкающего у него в ухе. Любопытное украшение.

— Тебе сказали притормозить, красавчик!

Члены банды окружали меня точно стая собак.

Обступали с ленивой грацией хищников, уверенных в своем превосходстве.

Их можно понять. До определённого момента я не кажусь опасным противником.

— Ты глупый мальчик раз нарываешься на неприятности.

Парень дышал мне в лицо и не сказать, чтобы такая близость была приятна.

— Я? Нарываюсь? — моё удивление было подчеркнутым.

— Может, и не нарываешься. Но неприятности у тебя будут, малыш. Вон ты какой весь цивилизный!

Рука чернявого потянулась ко мне. Я брезгливо отдернулся.

Ухмылка его сделалась одновременно злее и шире.

— Фу-ты, ну-ты! Ботиночки лакированные! Локоны аж до задницы! Ну, чисто принц! А мамочка тебе не говорила, сладкий мальчик, что обижают девушек только козлы?

— Говорила.

— Что ж ты мамочку не слушаешь?

— Как же не слушать? Мамины заветы святы. И я никогда не обижаю девушек.

— У меня другие сведения, красавчик.

Из-за плеча чернявого нарисовалась навязшая до оскомины на зубах Амара. Глаза её блестели в предвкушении развлечения.

— Я тебе говорила, — проворковала она возбуждённо. — Говорила, Альберт, что будут неприятности если ты отвергнешь меня. А я слов на ветер не бросаю.

— Ты всегда заставляешь парня встречаться с тобой под дулом пистолета? — усмехнулся я. — Боюсь, что даже такой численный перевес противника не заставит меня передумать — развёл я руками. — Ответ по-прежнему — нет. Прости, дорогая.

— Встретаться вы могли раньше! — процедил чернявый. — А теперь остаётся разве что пожалеть об упущенных возможностях, пацан.

Я рассчитывал, что первый удар пойдёт в лицо. Но парни знали, что внезапность атаки — половина победы.

Удар пришёлся по затылку. Били сверху вниз. Чем-то тяжёлым. Чтобы уж сразу и наверняка.

Любому другому такой подлый приёмчик обошёлся бы дорого. Если перебить позвоночник в основании черепа, это либо быстрая смерть, либо паралич на всю оставшуюся жизнь. Что лучше, большой вопрос.

Ноги подогнулись, и я опустился на колени, впитывая в брюки талую грязь с мостовой, пережидая, пока боль прокатится по телу и стихнет. Волшебная кровь, текущая в моих венах, делала свою работу.

— Кто-то у нас теперь не такой разговорчивый, верно?

Когда армированный ботинок летит тебе в лицо, разговаривать глупо. И встать уже не получится.

Удивительное дело — мышечная память. Тело сработало само по себе, совершая кульбиты и развороты. Рывок, поворот, и вот уже поверженный противник лежит внизу, а мой локоть упирается ему в шею, прямо в кадык.

Чуть резче и сильнее, и он проглотит собственный язык.

Судя по взгляду, чернявый это понял.

Вместо того, чтобы добить его, я отшвырнул от себя, как шkodливого пса — всё ещё надеялся обойтись без трупов.

— Вы наглые, — рассмеялся я. — Устраивать драку почти на главной улице? И это сойдёт вам с рук?

— Кончай его! — отдал команду чернявый.

Амара с почти детским любопытством смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами.

Очаровательная девица! Хотя и немного безумная.

Правила поединка тут никто соблюдать не намеревался? Что ж? Тогда и я в благородство больше не играю.

Я подарил им тень моей боли, внедряя её призрак прямо в их мозг.

Будь стая чуть поменьше, ребятам пришлось бы хуже. Но концентрироваться на восьмерых, понятное дело, куда сложнее, чем на двух-трёх.

Однако и того, что я смог им обеспечить, хватило с лихвой.

Кто-то хватался рукой за горло, кто-то тёр глаза, кто-то, встав на колени, пытался выbleвать свою боль прямо на мостовую.

Прозвучал выстрел. Ударило в спину.

Несколько пуль просвистело мимо, рикошета об бордюры.

Если бы мы были в боевике, летели бы искры. Но в реальности их не было — оболочка пули сделана из мягких сплавов, медь искр не высекает. Так же как при попадании пуль меня никуда не отбрасывало. Я продолжал держаться на ногах даже после того, как их восемь из четырнадцати вошло в моё тело. Боль хоть и была острой, пульсирующей, но оказалась вполне терпимой.

По первоначально чернявый видимо думал, что мажет. Когда до него и компании дошло, что пуля, попадая в цель, не достигает нужного эффекта, с бандой недоумков случилась

настоящая истерика.

Придурки один за другим повытаскивали оружие и принялись палить кто во что горазд, видимо, за образец приняв кадры из вестернов.

Пули свистели.

Слышались удары, вскрики, стоны.

Краем уха я услышал, как где-то далеко взвыли полицейские сирены.

К сожалению, для глупцов (в отличии от меня) пули были не столь безобидны. Трое из них упало, как подкошенные.

У ярко выбеленного бордюра лицом вниз лежал парнишка. На куртке его толстыми нитками был вышит скорпион.

Перевернув с живота на спину, я мог только с грустью констатировать, что любая помощь уже лишняя — пацан мёртв.

Грусть, как это часто со мной случалось, легко оборачивалась гневом.

Я шагнул к чернявому.

Он попятился от меня с ужасом в глазах, мотая головой из стороны в сторону.

Схватив его за грудки, стянув воротом шею, я яростно зашипел ему в лицо:

— Я не знаю, кто твоя сестра — дура или шлюха? Возможно, и то, и другое вместе. Но знаю одно — она этого не стоит!

Он по-прежнему трясся в моих руках, как осенний лист на ветру:

— Не... не надо! Не убивай...

Я с отвращением разжал пальцы:

— Убирайся.

Амара продолжала стоять посредине улицы, хлопая густо подведёнными глазами. Я с тревогой подумал о том, что случайная пуля в перестрелке только чудом не попала её хорошенькую, но совершенно безмозглую головку.

— Этого ты хотела? — рявкнул я на неё.

Подъехал полицейский наряд. На разговоры с ними у меня не оставалось сил. Боль и кровопотеря сделали своё дело. Но главное — беседовать не было желания.

— Эй, парень, ты куда? — схватил меня за руку один из стражей закона.

От усилия, которой пришлось сделать для внушения, из носа закапала кровь, но спустя мгновение сержант моргнул, выпуская мой рукав.

— Какого черта ты его отпустил? — кивнул ему напарник.

— Кого?

— Да того смазливового красавчика?

— Какого красавчика?

Напарник тоже моргнул и начисто забыл о моём существовании.

Кое-как я вполз в машину. Кое-как закрыл за собой дверь.

Нужно было побыстрее убраться со стоянки, пока кому-нибудь снова не пришло в голову заинтересоваться моей персоной.

Чувствовал я себя отвратительно.

Совість терзала так, будто я собственноручно пристрелил этих юнцов. И это было глупо, потому что был тот редчайший случай, когда моей вины не было никакой.

Стараясь вести машину плавно, без рывков, я направился в сторону отеля.

Штук девять пуль засели у меня в теле. Одни раны щипали, другие — зудели, в третьих чувствовалась ломота.

В глазах то темнело, то двоилось. Голова кружилась.

Пальто было безнадежно испорченным. Одно хорошо — хоть тёмное. Для того, чтобы заметить, что на нём не следы грязи, а кровь, нужно хорошенько присматриваться.

Боль не унималась.

Создавалось впечатление, будто каждая мышца, каждый сосуд содрогаются от напряжения и голода.

За ужином я едва сдерживался, чтобы не сорваться и не накричать на моих красавиц, ни в коей мере не заслуживших резкого слова. Раздражало буквально всё: свет — слишком резкий, звуки — громкие, официанты неуклюжие, скатерть на столе — полная безвкусица.

Уже не говоря о том, что есть я не мог, а всё равно приходилось, что только увеличивало недомогание.

— С тобой всё в порядке?

Тревожно спросила Катрин, когда мы вышли из лифта, поднявшись на свой этаж.

— Нет.

Лгать не хотелось. Не любитель.

— Что случилось?

— Так. Кое с кем не поладил. Пустяки.

— Пустяки?

— Да, пустяки!

Я ответил резче, чем хотел. А она, как всегда, всё воспринимала болезненно и остро. Катрин именно такая.

— Извини, я немного не в себе, на взводе. Отдохну — всё пройдёт.

— Спокойной ночи.

— И тебе, — ответил я.

А на душе было мутно и гадко.

Бог свидетеля, я не планировал возвращаться в Асторию. Но обстоятельства складывались так, что этого трудно избежать. Мне нужна была кровь — кровь Элленджайтов.

И только в одном месте, у одного человека я мог её получить.

Осенью ночь наступает рано.

Не было и десяти, но она давно успела опуститься на город, залив улицы, дороги и скверы темнотой, которую редкие фонари скорее подчёркивали, чем разгоняли.

Я жадно втягивал в себя ледяной воздух, стараясь хоть как-то охладить кровь — она, казалась, превратилась в лаву и выжигала внутренности.

Так бывает всегда, если физические повреждения требуют слишком больших ресурсов для восстановления, а внутренних резервов организма не хватает. Именно тогда и проявляются все те негативные реакции, что сыскали членам моей семьи дурную славу — истерики, неудержимая агрессия, повышенная сексуальная возбудимость.

Шёл ледяной дождь. В воздухе будто невидимые руки протянули нити изо льда.

Асфальт, покрывшись наледью, всё время норовил выскользнуть из-под ног. Зато цветным лучам на крыше Астории было раздолье — они отражались в льдинках, как в зеркале. По всей округе плясали радужные цветные зайчики.

Атмосфера чувственного порока ощущалась за квартал от этой цитадели разврата. Оплетала липкой паутиной, мягким коконом.

На сей раз то ли от того, что я пришёл позже, то ли тому была иная причина, но в зале словно пульсировал оголённый нерв. Ток, живой, трепещущий, как кровь из отваренной раны. Народу — больше. Напряжения — больше. Нечто возбуждающее, агрессивное разлилось в воздухе, ощущалось вкусом на языке — азартное предвкушение хищной поживы.

Зал был пропитан насквозь сексом и насилием.

— Мне нужно увидеть Ливиана Санфила, — заявил я официанту.

— Мистер Санфил сегодня не работает.

— Жаль.

Это было не то слово.

Официант продолжал услужливо гнуть спину, напоминая мне о необходимости сделать заказ.

— Бренди. Со льдом, — кивнул я ему.

Я принялся оглядываться по сторонам.

Девочки тут были симпатичные, мальчики — услужливые. Всё по высшему разряду, как я и люблю.

И бренди, к слову, отличное, высшего качества.

Стриптизёрши крутились вокруг шеста, но я не любитель грязных танцев. Поэтому я принялся выискивать взглядом что-нибудь поинтереснее. И вскоре нашёл.

За соседним столиком сидел черноволосый мужчина в щегольском костюме, ладно сидящем на его высокой худощавой фигуре.

Незнакомец отнюдь не был великаном, вряд ли до шести футов дотягивал. Но это никак не мешало общему впечатлению — перед вами смертельно опасный хищник, не особо стремящийся к тому чтобы спрятать когти и выглядеть цивилизованно.

Почувствовав, что на него смотрят, мужчина поднял взгляд. В нём читалась сдерживаемая сила — зверь, сидящей на поводке.

Нам хватило мимолётного обмена взглядами для того, чтобы понять, что мы готовы помочь друг другу скоротать вечер.

По губам мужчины скользнула усмешка, когда он сделал мне приглашающий жест.

Я не стал ломаться и, прихватит недобитый бренди, не торопясь преодолел расстояние, разделяющее нас, и уселся напротив, небрежным жестом отсалютовал ему быстро пустеющим бокалом.

— Хороший бренди? — его голос, казалось, пробирал до костей.

— Отличный.

— А вино вы любите?

— Смотря какое.

— Красное?

Я был готов поклясться в том, что у фразы есть подтекст. Но ничего не дрогнуло в глубине голубых, как ясное весеннее небо, глаз собеседника.

— Могу предложить самые лучшие. С такой внешностью, как у вас, можно рассчитывать на самое щедрое угощение, — улыбка змеёй скользнула по полным чувственным губам.

— Похоже, вы ищете подружку на ночь? — усмехнулся я

— Ищу. Хочешь ею быть?

В его голосе слышалась неприкрытая издёвка.

Взгляд его неторопливо скользнул по мне, словно бы уже лаская.

Где-то на периферии сознания мелькнула мысль о том, что не стоит ввязываться в новые неприятности, но я слишком любил игры. А вторая моя страсть — коллекционировать интересных людей.

А от такого замечательного экземпляра как отказаться?

— Так что вы там говорили насчёт личного кабинета и хорошего вина?

— В наличии и то, и другое, — кивнул он.

— Рад буду посмотреть и продегустировать.

— Как тебя зовут?

— А это важно?

— К человеку принято обращаться по имени. Я — Рэй.

— А я — Альберт.

— Ну, Альберт? За знакомство? — отсалютовав бокалом, произнёс тост Рэй.

Мы поднялись в комнату наверху.

Даже в обстановке было много схожего с тем, что так любят Элленджайты — цвета, тяжелые, насыщенные и роскошные, восточный колорит, русский размах.

Красота, прикрывающая разврат и порок — знакомое до дрожи сочетание.

Рэй притягивал излучаемой им порочностью и самоуверенностью.

— Входи, — небрежно бросил он мне. — Ты в городе новенький? — полюбопытствовал он, растягиваясь на кровати как большой сытый кот.

— Я бы так не сказал.

— Конечно же новенький. Ты ведь понятия не имеешь о том, с кем говоришь?

— Вы тоже не понимаете, кто такой я. Или всё-таки понимаете?

Тяжёлый, изучающий взгляд.

Рэй чем-то напоминал мне Ральфа. Та же сухошавая стройность, схожая с птичьей, будто кости внутри полые. Тот же оттенок волос — чёрный, но лишенный блеска — матовые, без намёка на глянец.

У Ральфа глаза были серые, как стекло или лёд. А у Рэя голубизна взора была прямо-таки вызывающая.

В одной руке Рэй держал бокал с вином, другой потянулся ко мне, легко, играючи касаясь затылка, приподнимая волосы, закрывающие шею.

— Золотое руно, — откровенно любуюсь, проговорил он.

Когда его горячие губы коснулись шеи, по спине побежали приятные мурашки. Я не пытался сопротивляться просыпающемуся во мне желанию. Напротив, приветствовал зов плоти. То, что я был способен испытывать чувственное томление, лишний раз доказывало, что я всё-таки жив. Что всё по-настоящему.

Страсть охватила нас быстро, как сухие дрова, готовые к растопке.

Языки были горячи, а в какой момент откровенно болезненны.

Боль, привычная, знакомая, распускалась, словно салют, огненным дождём падающих в черном небе звезд, заставляя задыхаться, изнемогать, с трудом сдерживая рвущиеся с губ стоны.

Рэй был хорошим любовником, но снисходительным и ласковым его не назовёшь.

Большинство людей сочли бы его чудовищем за некоторые приёмы и пристрастия.

Для меня подобные игры не в новинку, но всё же я удивился, когда он резко вонзил острый осколок бокала мне в живот. Кровь залила ему руки.

Наши взгляды встретились, и Рэй усмехнулся мне в губы:

— Я так и знал.

— Что? Что ты знал?..

Руки Рэя продолжали то ласкать, то причинять боль, и я раскачивался, как на качелях, то поднимаясь к наслаждению, то падая вниз, в горячие волны боли, переходя от одного к другому и обратно.

— Ты не такой, как другие.

6. Кинги

— Вы не люди. Вы — выродки!

Сказала мне в далёком прошлом одна, теперь уже, увы, давно усопшая знакомая.

Она была права — Элленджайты не люди. Но мы не выродки. Просто мы другие. По-иному чувствуем, по-иному видим, по-иному живём.

У нас больше возможностей, силы, денег. Со всеми вытекающими последствиями.

А то, что это иногда шокирует?..

В общем, откровенно говоря, я никогда в красках себе не представлял, какое впечатление мы производим со стороны на других людей до того дня, как не познакомился с Кингами.

— Итак?

Рэй профессионально выдержал паузу.

В умении удерживать внимание ему не откажешь.

Полуобнажённый до пояса (белая рубашка распахнута, живот кирпичиками, выпуклый рельеф мышц на груди) он выглядел импозантно или, как говорят теперь — сексапильно. Широкие плечи, узкие бёдра, длинные, красивой формы, руки и ноги. Рассыпавшиеся по плечам чёрным шёлком волосы — писанный красавец.

Волосы мягкой кисточкой дразнили меня шелковистыми прикосновениями, искушая закрыть глаза и вновь предаться отступившей неге.

Его пальцы легко скользили по моим вискам, щекам, губам. Прохладные, шелковые. Каким-то непостижимым образом одновременно и мягкие, и твёрдые.

Наши губы разделяло всего каких-то несколько дюймов.

— Итак, — протянул он дразнящим голосом, — теперь, когда мы так близко познакомились, можно и по душам поговорить

Ножка бокала прочертила затейливый узор по моему телу — рукам, груди, животу и становилась в опасной близости к тому, что в дамских романах аллегорично называют то жезлом, то мужским достоинством.

Давление стекла в равной степени было приятно и раздражало.

— Мне понравилось видеть, как твоя кровь заливает мою постель, сладкий. Было приятно наблюдать за твоей болью. Большинству людей эти грани недоступны. Я Рэй Кинг. Эллинг мой город. «Астория» местная достопримечательность. Только здесь можно получите секс и выпивку определённого качества. Только здесь продаются эксклюзивные наркотики и показывают шоу, в котором рафинированная эстетика переплетается с откровенным садизмом. Таких развлечений нет больше нигде в мире. Их не получишь не за какие деньги. У меня на них более, чем эксклюзивные права. Знаешь, почему? Потому что в основе всего этого лежит моя кровь и моя плоть. Но самое главное, пожалуй, то, что всё это

приносит хороший доход.

Так было до сих пор. И я хочу, чтобы именно так и оставалось впредь.

И тут вдруг появляешься ты. Безусловно, красивый и очень сладкий. С тобой приятно проводить время. Однако я не могу не задаваться вопросом: что дальше? Кто ты, чёрт побери, такой? И что делаешь в моём городе?

— Кем бы я не был, я тебе не угроза, потому что не враг.

Его губы изогнулись в недоверчивой улыбке.

— Мы одной крови. Элленджайты не воют против своих, — добавил я.

— Элленджайты? — протянул он. — Я слышал, что приехала наследница, а оказалось — наследник? Что касается войны? Меня совершенно не интересует, что делают или чего не делают Элленджайты. Я — Кинг. И для меня не существует ни своих, ни чужих. От чего бы не исходила возможность угрозы — это будет устранено. Немедленно. И без колебаний.

Раздались нарочито громкие аплодисменты, оповещая нас о выходе на сцену нового лица. При чём у меня при виде него буквальным образом зашло сердце.

Кем бы ни был незнакомец — он был вылитый Элленджайт.

Ангельские золотые локоны наша фамильная визитная карточка. Как и сияюще-бледная, прозрачная кожа. А вот контраст того и другого с чёрными глазами был слишком ярким. Даже неприятным. Словно в райских кушах поднявшийся шершень.

Молодой человек перешагнул порог.

Чуть пошатываясь, пересёк комнату и рухнул на кровать, упав между мной и Рэем.

— Какой красавчик! — ухмыльнулся он, глядя на меня. — Вижу, папочка, ты нашёл отличную секс-игрушку и не скучаешь в моё отсутствие? Поделишься? Я тоже хочу получить причитающуюся мне дозу удовольствий.

— Что? Представление уже закончилось? — недовольно протянул Рэй. — Так рано?

— А как ты думаешь? Мне стало скучно, я бросил аудиторию и решил уединиться во внутренних покоях? Тут представления получше, и оно только-только начинается.

— Прекрати паясничать.

Голос Рэя звучал спокойно, но в нём слышалась угроза.

— О! Кто-то, кажется, не в настроении? Кто-то, кажется, слишком трезв? Кому-то это нужно срочно исправить. Выпей, папул! Полегчает.

Пока Рэй отошёл к бару, следуя полученному совету, новый знакомый интимно придвинулся ко мне ближе:

— Давай знакомиться? Я — Энджел.

Энджел Кинг?

Уж не о нём ли упоминала надоедливая Амара?

— Что-то не так? — деланно нахмурился он. — Не нравятся ангельские имена?

— Нравятся. У самого такое.

— Будет знакомы, — кивнул Энджел. — Выпьем за знакомство или сразу перейдём к чему погорячее?

Энджел рассмеялся. Но веселья в его смехе как-то не наблюдалось. Поднялся легко, с текучей бескостной грацией, и направился вслед за Рэем к бару:

— Нальёшь мне, милый?

— Конечно, милый, — отозвался Рэй, обнимая Энджела и привлекая его к себе.

Они потянулись к друг другу. Их губы соприкоснулись.

Наблюдать за этим было тошно.

Захотелось выбраться на свежий воздух, вдохнуть его полной грудью, освежить голову, стряхивая с себя последние часы, словно морок.

— Довольно, Энджел, — усмехнулся Рэй, перехватив мой взгляд. — Мы не одни. Невежливо оставлять гостя одного.

— Как скажешь, папуля.

— Энджел, тебе не кажется, что обращаться к любовнику со словом «папуля» как-то не комильфо? — поинтересовался я.

— Возможно, — в его взгляде горело откровенно злое веселье. — Но как же иначе обращаться к родному отцу?

Какая-то часть меня была готова к этому ответу. Отголоски связи двух имён Рэй и Энджел мелькали в памяти. Но это было слишком. Даже для меня.

Отец и сын?..

Вот в тот момент я впервые по-настоящему понял людей, которым приходилось жить рядом с нами. Наш мир не просто возмущал или поражал их — он разрушал, причиняя мучительную боль.

— Мой сын действительно мой любовник, — невозмутимо проговорил Рэй, как будто речь шла о чём-то обыденном. — Один из многих. Не то чтобы постоянный — так, время от времени. Тебя это шокирует?

— Да, — откровенно признался я. — Это кого угодно шокирует.

Энджел снова рассмеялся.

Бровь Рэя надменно выгнулась с издевательской насмешливостью.

— Спасибо за высказанное мнение, Альберт. Не могу представить, как бы я жил, не услышав его сегодня. Ты говоришь, что мы родственники? Одна кровь? — с издёвкой протянул Рэй, не сводя с меня колючего язвительного взгляда. — Мне казалось, презрение к морали у таких, как мы, в крови?

— А не презираю мораль. К сожалению, у меня не хватает характера следовать собственным убеждениям.

— И вот поэтому ты здесь. С нами. Не проще ли просто наплевать, забыть и наслаждаться?

— Проще. К сожалению, — покачал я головой, делая попытку подняться.

Меня удержали:

— Поведай нам, в чём мы не правы? В чем заблуждаемся?

— Без комментариев.

— Почему?

Они издевались, но почему бы не сказать, что я думаю на самом деле

Плевать, забыть и наслаждаться:

— Страсть к саморазрушению наш семейный бич, и я это легко могу понять, — бросил я Рэю холодно. — Разрушать себя можно до бесконечности. Но разве можно разрушать того, кого любишь?

— Как любой родитель, папочка всего лишь учит меня тому, что умеет сам, — заговорил Энджел, театрально взмахивая руками. — А умеет он трахаться, ловить кайф, манипулировать людьми, самоутверждаться и обогащаться за их счёт.

— Чему жизнь научила, то и умею. Тому, естественно, и тебя учу, — хмыкнул Рэй.

— Ну что, Элленджайт? — провокационно улыбнулся Энджел. — Хочешь развлечься вместе с нами?

Я уже наразвлекался. С непривычки не шли у меня что-то сегодня эти развлечения.

Я бы охотней отсюда слинял.

Раствориться бы из этой комнаты, очутившись в уютном мирке отеля. Окунуться сначала в тёплую ванную, закутаться в мягкий халат и смотреть себе какой-нибудь сериальчик.

Вот он — мой теперешний рай. Скучный, но классный.

Размяк я что-то в окружении моих нежных нимф.

Однако впереди меня ожидал триллер с обилием крови и постельных сцен.

— Ну так что?.. — повторил вопрос Энджел. — Ты в деле? Или как?

Улыбка его была многообещающей. Длинными белыми пальцами он принялся растёгивать мелкие перламутровые пуговицы на своей рубашке.

Меня это не возбуждало, но наблюдал я не без любопытства.

Перехватив мой взгляд, Энджел усмехнулся.

— Ты тоже раздевайся, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы не испачкать одежду, конечно же. Или тебя нравится щеголять в окровавленных рубашках?

Энджел достал нож и поиграл им, ловко удерживая за рукоятку.

Рэй, тем временем, пинком пододвинув к себе кресло, устроился как в театре, в первом ряду. С очередной бутылкой вина в руках.

— Развлекайтесь, мальчики! — благословил он нас.

— Сиди, папочка, сиди, — издевательски пропел Энджел. — Ты несколько нам не мешаешь, как раз наоборот. Со зрителями даже интереснее. Правда, Элленджайт?

— Если ты эксгибиционист — несомненно.

— Померяемся силами? Посмотрим, кто круче? Выносливее? Умеешь терпеть боль?

— А ты?

— Боль — моя работа. В этом я профи.

— А ещё ты очень скромный.

— Правила простые, Элленджайт. Играем, как в шахматах — по очереди. Выигрывает тот, кому удаётся первым вывести противника из терпения. Проигрывает, соответственно тот, кто первым из терпения выйдет.

— Что в награду победителю? — спросил я и нарвался на очередную насмешку:

— Ты, оказывается, меркантильный тип! Что получает выигравший? Славы победителя недостаточно? Осознания того, что противник крут — но ты круче? Впрочем, если ты предпочитаешь материальный эквивалент...

— Ты меня убедил. Слава победителя — что может быть лучше? В шахматах начинают белые, но в нашем случае таковых нет.

— Я буду первым.

Точным, отработанным движением он сделал короткий замах и острие ножа легко, словно с маслом, вошло в моё тело, отзываясь сильной болью. Будто на проникновение клинка разом среагировали все пули, которые я так и не удосужился вытащить.

Кровь начала циркулировать быстрее, стремясь принести необходимые компоненты. Но в общем было вполне терпимо. Лишь ощущение жажды, мучившее меня весь день, усилилось.

Энджел повёл нож вверх, углубляя и расширяя рану.

— Классика жанра, — усмехнулся он.

— Разминка, — прокомментировал Рэй.

Я успел сбиться со счёта, какой именно бокал он допивал.

— На этом этапе сложно придумать что-то экстравагантное, — повёл плечом Энджел, словно оправдываясь.

Он с силой нажал на рукоятку ножа, и я едва удержался от того, чтобы не ойкнуть. Эффект неожиданности, мать его.

Резко выдернув клинок, Энджел вытер его о платок, к сожалению, не кружевной и не белоснежный (так было бы куда и эффектнее, и драматичнее), и протянул его мне рукояткой вперёд:

— Твоя очередь.

— Не нужно, — покачал я головой.

На лице Энджела отразилось непонимание.

— Не люблю ножи. Не нахожу ни капельки удовольствия в том, чтобы наматывать на кулак чужие кишки.

И тут идея будто пришла свыше.

А почему бы и нет? Мне нужна кровь — мальчишка ищет острых ощущений?

Я притянул его к себе, не без приязни чувствуя тепло тела и гибкость мышц.

Губы у него были горячими, упругими, отзывчивыми.

Хорошо, что я трезв. Тот мизер спиртного, что попал в организм, давно испарился. Голова ясная. В противном случае звериная, я бы даже сказал, демоническая часть моей натуры, легко могла взять вверх. А так, к счастью, всё, чего я пока хотел — это его крови.

Стоило надавить на определённую точку, как алый животворящий нектар легко полился из тела Энджела мне на губы.

Когда кровь Элленджайтов соединяется с твоей собственной, ты на халяву получаешь доступ к чужой жизненной энергии, к её скрытым резервуарам. Твой организм, подобно батарейке, заряжается у другого источника. Процесс сопровождается головокружительной эйфорией, обострением всех рецепторов и чувством, весьма сходным с наркотическим экстазом.

Как следствие, тело словно вспыхивает в горячке желаний. Каждая клетка организма подпитывается светом.

Короче, стоит глотнуть нашей крови, и ты под кайфом. Хочется ещё и ещё. Трудно остановиться.

Потом срывает все тормоза и крышу.

Ты летишь, будто на огромной карусели, на чудовищных скоростях и оборотах, нарастающих с каждой секундой, наслаждаешься полётом и не хочешь остановки.

Донор, понятное дело, испытывает совсем иные чувства. Это боль, которая с каждым биением сердца усиливается, увеличивается, разрастается.

Так же, как наслаждение, боль заполняет каждую клеточку тела, постепенно лишая возможности сопротивляться и контролировать себя.

В какой-то момент наслаждение и боль, словно две половинки смыкаются над тобой и над тем, кто разделяет с тобой этот процесс. Порой данный акт более близкий, чем сексуальный. Да и что греха таить, один редко обходится без другого.

В прошлом мы с Ральфом частенько развлекались подобным образом.

Но бывают случаи, когда обмен кровью уже не развлечение, а острая необходимость.

Когда организм доходит до крайней степени разрушения, не имея резервов на самостоятельное восстановление, когда светильник, поддерживающий жизнь, угасает, этот ритуал, замешанный на крови, боли и сексе, спасает жизнь.

Суть в том, что желание можно держать под контролем, а можно и не держать.

В идеале наша кровь, как любая другая, имеет металлический привкус. При большом количестве разрушений в организме, она насыщается какими-то веществами, придающими ей солёный вкус, похожий на томатный сок. Когда концентрация веществ достигает апогея, кровь делается терпкой и острой, будто в неё щедро сыпанули перца.

И последний оттенок, свидетельствующий о том, что ресурсы организма грабительно расхищаются без оглядки на завтрашний день — это горечь.

Кровь Энджела не просто горчила. Это был сок калины с полынью.

Закрыв глаза, я сосредоточил всё моё внимание на ладонях и кончиках моих пальцев. Поначалу не чувствуя ничего, кроме шелковистой гладкости кожи.

Я не знаю, как описать этот процесс словами, чтобы передать суть. Через прикосновение я словно подсеваю часть моего сознания в чужое тело.

Его боль нахлынула на меня таким широким потоком, что я ею чуть не захлебнулся.

Откровенно говоря, я оказался к этому не готов. Аж в глазах потемнело.

— Эй, принцесса! — услышал я насмешливый голос Энджела у себя над ухом. — Смотри не падай в обморок.

Открыв глаза, я осознал, что, если бы он не держал меня, я бы, скорее всего, упал.

— Проверил, что хотел, милый? — положил мне руку на плечо Рэй.

Второй рукой он удерживал Энджела.

— Ну, разогрелись, мальчики? Переходим к десерту? Кто тут хотел помериться характерами?

Рэй с демонической улыбкой взял нож, оставленный Энджелом и легко, без малейшего колебания или сомнения, вонзил его в живот собственному сыну.

Так же, с улыбкой, он повернул нож в ране и резко выдернул. В следующий миг его рука исчезла в кровавом месиве.

Энджел тяжело дышал, в лице его не было ни кровинки, а глаза, казалось, стали ещё темнее, хотя за час до этого я бы чем угодно поклялся — такое невозможно. Но ни один мускул не дрогнул на лице парня, он с вызовом смотрел на Рэя, словно провоцируя продолжать.

И судя по всему Рэй не собирался игнорировать вызов.

Участвовать в подобных загулах одно, но наблюдать это со стороны — увольте!

Не выдержав, я зашипел:

— Довольно! Я признаю поражение.

Когда эти двое повернулись в мою сторону, на их лицах было такое выражение, что я с трудом подавил смешок.

Правда, это было забавно. Как будто я лишил их заслуженного десерта.

— Вы, в принципе, можете развлекаться и дальше. А я пойду. Надоело изображать из себя благодарную публику.

— Ты можешь присоединиться, — милостиво согласились допустить меня к общему столу.

— Спасибо за предложение. Но не стоит. Ваше общество крайне занимательно, однако я от него устал.

Рэй сощурившись, насмешливо наблюдал за тем, как я натягиваю на себя одежду.

— Ты слабак, Элленджайт?

— У меня слабые нервы, — пожал я плечами.

Кстати, руки из ран в животе Энджела от не вытащил. И думать не хочу о том, что они там делают. Иначе меня стошнит.

— Ты в самом деле уходишь? — недоверчиво спросил Энджел. — Вот так? Мы же толком даже не начали ещё.

— На полном серьёзе ухожу и решение моё твёрдо. Пока, мальчики. Не переборщите с удовольствиями.

Меня, к счастью, не удерживали.

Выйдя на улицу я с наслаждением втянул сырой, наполненный запахом бензина, воздух.

Меня не оставляло чувство, что я хорошенько вывалялся в грязи.

Опять.

От чего ушли к тому и пришли. Правда говорят, что судьба — это характер.

После шумного борделя, яркого света и экспрессивных выходов новых знакомых тишина и полумрак автомобильного салона действовали успокаивающе.

Не хотелось видеть никого.

Когда я закурил, руки у меня тряслись.

Странное дело, что, когда я только очнулся, я сразу легко окунулся в новую реальность.

А вот теперь меня накрывало воспоминаниями и осознаниями того, что *на самом деле* тех людей, кого я знал и любил, больше нет.

Они не придут ни завтра. Ни послезавтра.

Я как-то ухитрился убежать от реальности до этого дня. А теперь, столкнувшись с Кингами, я понял — действительно понял: Элленджайтов нет.

Мы не были ангелами. Но мы не были беспредельщиками. У нас был свой кодекс чести. Свои понятия о правильном и неправильном. Рамки, за которые мы не при каких обстоятельствах не заходили.

Я не знал ни одного взрослого Элленджайта, спавшего с детьми.

А уж о том, чтобы отец спал с сыном!..

Внутренний голос подсказывал мне, что мы ещё встретимся с Кингами.

Не могли не встретиться. Даже если бы они предпочли со мной больше не пересекаться, я бы сам вернулся к ним.

Потому что они часть моей семьи.

Пусть изуродованная и странная, но моя кровь и от этого не отречься.

А ещё я никак не мог отделаться от мысли о глазах Энджела.

Тёмный, погасший как у мертвеца, смеющийся и в тоже время горький он так и стоял у меня перед глазами.

И его сумасшедший отец, по возрасту больше похожий на старшего брата.

Господи, прости меня за то, что я когда-то своего отца считал чудовищем!

Пока я предавался печальным воспоминаниям и мыслям, потихоньку начало светать, и я счёл за лучшее вернуться, наконец, домой.

Ну почему внутренний голос, такой чувствительный, предвидящий то одной, то другое, даже не подумал мне намекнуть о возможные встречи с Катрин.

Мы столкнулись почти нос к носу в дверях отеля.

От неожиданности я растерялся.

А Катрин взглядом раздавив меня, как червяка, не говоря ни слова, прошла мимо, направляясь к машине.

7. Дела семейные

Вот странное до невозможности создание человек. О чём я думал? Вернее, почему не подумал заранее о возможности этой встречи?

— Катрин!

Она меня проигнорировала.

Я попытался удержать её за руку — она резко отпрянула.

Едва не поскользнулась на наледи, покрывшей ступени, но и тут не приняла моей помощи:

— Катрин...

— Мне нужно идти, — сказала она, не глядя на меня. — Можешь продолжать отдыхать дальше. Больше ведь ничем другим с утра до вечера не занят?

— Катрин, подожди!

Она, наконец, остановилась, сердито глянув на меня.

— Зачем? Чтобы ты имел возможность соврать? Мне не интересно, где ты был. Я опаздываю на занятия. И не хочу... — она запнулась, подбирая слова. — Не хочу ничего слышать.

— Обещаю молчать с условием: скажи, что не злишься на меня и я уйду.

— Не могу я этого сказать потому что злюсь! Ещё как! Вчера, когда ты был весь такой загадочный, донельзя неприступный, я-то подумала, что у тебя проблемы. Всю голову изломала, пытаюсь придумать, как помочь, а ты?.. Ты просто искал способа побыстрее смыться на свои развлечения! Чувствую себя идиоткой.

— Я...

— Только не говори мне, что ты всё ночь ездил по городу в поисках новых достопримечательностей. Даже такая дура как я на это не купится.

— Я не считаю тебя душой. И не собираюсь тебе лгать.

Она смотрела с иронией и ждала, что я ещё скажу. А я молчал. Чувствовал себя как с глубокого похмелья, когда в равной степени тошнит и от себя, и от окружающих. В памяти, одна за другой, всплыли подробности истёкшей ночи.

— Прости меня.

— Простить? За что?

— Встречу тебя после занятий и поговорим. Ладно?

— Договорились, — кивнула Катрин.

Она направилась в университет, а я — в отель.

«... Бредёт

Дряхлая знает в кровать, глупая чернь — к обедне».

Поднявшись, я на пороге собственного номера буквально столкнулся с нашей драгоценной Ирис.

— Что вынюхиваем? — промурлыкал я, подкравшись сзади.

От неожиданности она вздрогнула, но растерянность в её взгляде быстро сменилась вызовом:

— Я так и знала, что ты где-то шляется! Была в этом уверена.

Щелкнув замком, я распахнул перед нежданной утренней гостьей дверь:

— Заходи.

Ирис в нерешительности переминалась с ноги на ногу.

— Заходи-заходи. Не стесняйся.

Схватил я её за руку и втащил за собой в комнату.

Ирис от возмущения зашипела как рассерженная кошка

— На чём мы остановились? — продолжил я. — Ах, да? Ты подозревала, что я где-то шляюсь по ночам. Ну, допустим, действительно шляюсь, что дальше? Это запрещено законом? Или как-то лично задевает тебя?

— Меня это никак не задевает, — огрызнулась она. — А вот Катрин проплакала всю ночь!

— Не знал, что вы так близки, — язвительно фыркнул я.

— Можешь издеваться сколько угодно. То, что мы с Катрин не всегда ладим и во многих отношениях по-разному смотрим на жизнь, не отменяет факта что мы выросли вместе. И я не позволю какому-то Альфонсу, свалившемуся с неба, портить ей жизнь! — воинственно задрала она подбородок.

— Не позволишь? Правда? Каким образом?

— Выведу тебя на чистую воду. Я заставлю её увидеть очевидное — сама Катрин тебе не нужна! Тебе нужны только её деньги. Да ты и не особо-то это скрываешь. Ты — дешёвый проходимец, ясно? Ходишь тут с утра до вечера с королевским видом, будто знаешь всё тайны мироздания. Позволяешь относиться себе к нам со снисходительным пренебрежением. Но сам ты не большее, чем паразит. Ты без нас — никто! Это мы нужны тебе, а не ты нам. И, клянусь, я найду способ от тебя избавиться.

Её слова меня зацепили.

— Не найдёшь, — холодно возразил я. — Нет такого способа. Нужен я вам или нет — я вошёл в вашу жизнь. Тут и останусь. Советую поскорее смириться с этим фактом. Не переходи мне дорогу. И в другой раз советую хорошенько подумать, прежде чем распускать язык.

— Что? Теперь, когда Катрин рядом нет, когда некому морочить голову, мы уже совсем не таким ласковые, предупредительные да сладкие?

«Сладкий... милый», — зазвучал в ушах голос Рэя.

Не удержавшись, я передёрнулся.

— Верно. Катрин здесь нет. Есть только я и ты

С этими словами я шагнул к ней и в фиалковых глазах Ирис расцвёл испуг.

— Что ты хочешь этим сказать? — попяtilась она.

— Что сейчас изнасилую тебя, потом изобью и, под занавес, выставлю в коридор голой. Глаза её забавно расширились в искреннем испуге и возмущении.

— Ты шутишь?!

— Шучу, конечно. Но в некоторых случаях такие варианты не исключены. Не дёргай тигра за усы. Это может плохо кончиться.

— Это ты-то тигр?

Вот чтобы ей перестать меня провоцировать?

— Мальчик с глянцевой обложки, — тряхнула Ирис головой. — Какой из тебя тигр?

— Скажи честно, Ирис, — потребовал я, — зачем ты крутишь около меня хвостом? С какой целью? Только ли потому, что хочешь доказать Катрин, какой я мерзавец? Или может быть, тебе интересно, как я целуюсь? Может быть, твоё уязвлённое самолюбие не может

пережить того, что Катрин, которую в глубине души ты считаешь во всём ниже себя, досталось всё самое лучше — а тебе лишь крохи?

— Это ты-то самое лучшее? — деланно рассмеялась Ирис. — И я не кручу перед тобой хвостом! — возмутилась она.

— Крутишь. Ещё как. Под любым предлогом вертишься рядом. Кстати, напрасно ты это делаешь. Ничем хорошим такое обычно не заканчивается.

— Ты мне угрожаешь?

— Хватит уже! Это роль не к лицу тебе до смешного. Роль заботливой сестрицы — тоже. Фальшиво звучишь. Но раз уж ты здесь, я, пожалуй, воспользуюсь ситуацией. Скажи, ты крови боишься?

— Не боюсь. А что?

— Прекрасно, что не боишься. Мне нужна помощь.

Я скинул с себя пальто.

При виде рубашки, щедро заляпанной кровью, Ирис лишилась дара речи.

— Что?.. Как?.. Ты?..

Вслед за пальто в кресло плавно полетела пришедшая в полную негодность рубашка и она совсем замолчала, разглядывая кожу, на которой раны уже почти затянулись, превращаясь в коллоидные рубцы.

— Вчера в меня стреляли. Пули ещё остались в теле.

— Если ты ранен, тебе нужно в больницу.

— Зачем шокировать врачей явлением невиданных чудес в лице моей скромной, неубиваемой персоны?

Ирис помотала головой:

— Я не понимаю...я...

— Что тут сложного? Это же не высшая математика. Разрезаешь кожу, ищешь пальцами пулю и вытаскиваешь.

В очередном взгляде Ирис, брошенном на меня, читалась робкая надежда:

— Ты снова надо мной издеваешься, да?

— Да, — не стал отпираться очевидного я. — Издеваюсь. Я догадываюсь что с непривычки подобные операции тебе вряд ли придутся по вкусу. Но это не отменяет того факта, что пули всё равно нужно достать. Они колются, жгутся, щиплются. Словом, без них по любому лучше.

Ирис не ответила.

Только моргала, напоминая моргучую куклу, что была у моей сестры. В 19 веке, когда глаза игрушкам, в большинстве случаев, рисовали, открывающиеся-закрывающиеся на шарнирах гляделки были предметом дикой роскоши. И дикой зависти.

— Судя по всему я от тебя помощи не дождусь, — вздохнул я.

Взяв нож, пришлось снова резать кожу. А иначе как добраться до пуль?

Глаза Ирис предсказуемо расширились от ужаса, когда моя рука скрылась в ране.

— Что ты делаешь?! — визгнула она.

Вообще-то не так легко извлекать эти маленькие металлические кусочки, скользящие под пальцами — никак не ухватишь.

Первая пуля поддалась и зазвенела в вазочке, в которую я её кинул, предусмотрительно пододвинув к себе до начала операции.

В последующие десять минут за ней последовали её сестры-приятельницы.

На полу у ног собралась небольшая лужица крови. В вазочке её тоже хватало — пульки плавали, как вишни в коктейле.

— Перевязать-то меня сможешь? — обернулся я.

Девчонка была белая, как мел. Даже губы вон стали бескровными.

А глаза на этом белом полотне лица казались огромными и цветом в ночь.

— Ирис?..

— Не могу!

Она метнулась и выбежала.

Я мешать не стал. Пусть бежит. Надеюсь, случившееся послужит ей уроком, и она перестанет околачиваться около моей комнаты.

В принципе, большой нужны в перевязке и не было. Рана затянется не позднее, чем минут через пять.

Прибравшись, чтобы не шокировать вдруг зашедшую горничную, я отправился в ванную, где, не спеша, принял душ.

А когда вышел, услышал незатейливый мотивчик мобильника. Видимо, Ирис выронила его, пока я устраивал для неё бесплатные представления в педагогических целях.

Ну, или почти педагогических.

Намереваясь вернуть его красавице, я наклонился.

Взгляд с возмущением выхватил высвечивающееся имя Энджела Кинга.

Какого черта?!

Эти двое знакомы? Да Энджел ещё смеет названивать?!

Я в полной мере ощутил себя классическим старшим братом, который обнаруживает, что его сестрёнка встречается не с тем, с кем нужно.

Первым моим побуждением было ответить на вызов и послать Энджела куда подальше.

Но разум быстро взял вверх. Сделать нечто подобное всё равно что размахивать тряпкой перед носом у быка — сто процентное гарантированное нападение.

На таких, как этот тип, угрозы не действуют. Ну чего ему, в самом деле, бояться? Энджел ежедневно переживает то, что большинству людей разве в аду представляется.

Мобильник смолк, высветив аж четыре пропущенных вызова.

Можно было покопаться в телефоне в поисках дополнительной информации, но это было как-то ниже моего достоинства.

Одеваться было откровенно лень. Поэтому прямо так, как был, в шелковом халате, я и направился в сторону номера Ирис. По счастью, никто из посторонних мне по дороге не встретился.

Ирис открыла не сразу. Судя по выражению лица, она отнюдь не была рада снова меня видеть.

— Ну? Чего тебе? Обезболивающего нет.

— И не надо. Ты забыла это, — протянул я ей потерянный телефон.

— Спасибо, что принёс.

Поблагодарила она, намереваясь захлопнуть дверь у меня перед носом.

— Подожди!

«Что ещё?», — красноречиво говорил её взгляд.

— Я войду. Ненадолго.

Взгляд её скользнул по мне. Брови сошлись над переносицей, выражая откровенно недовольство. Но Ирис подвинулась, пропуская меня в уютную девичью комнатку и

отступив на шаг, в ожидании скрестила руки на груди.

— Понимаю, что лезу не в своё дело, но что у тебя с Энджелом Кингом?

— Ты знаешь Энджела? — удивлённо вскинула она глаза.

Мне не понравился засветившийся в них огонёк.

— Знаю.

— Откуда?

— Встречал, пока шлялся, выражаясь твоим языком, ночами по улицам. Ты-то как с ним познакомилась?

— Вообще-то у тебя нет никаких прав задавать мне вопросы...

Я решительно перебил:

— Просто скажи. Так быстрее закончим разговор.

— Мы учимся вместе.

Что в этом веке за дурацкая манера сажать за одну парту мальчиков и девочек?!

Парней, вроде нас с Энджелом, к обычным людям вообще подпускать нельзя.

— Он тебе звонил, — сказал я. — Что-то мне подсказывает, что этот парень не домашку хотел узнать. Что у вас с ним?

— Не твоё дело!

— Моё.

— У тебя нет никакого права лезть в мою личную жизнь!

— Ирис!

Она так испуганно дёрнулась, будто я её ударить собрался.

Я продолжил уже спокойнее.

— Насколько далеко всё зашло?

— Кто ты такой, чтобы задавать мне подобные вопросы?!

— Я понимаю, что ты меня не слушаешь, но я всё равно попытаюсь. Прошу тебя, не становись овцой, добровольно лезущей в пасть к волку. Догадываюсь, каким притягательным выглядит для тебя этот юноша. Огонь манит мотыльков, но судьба их незавидна. Ты сгоришь, а он назавтра о тебе и не вспомнит.

— Разбирайся лучше с Катрин, а ко мне не лезь. Сам-то ты чем лучше Энджела?

— Я не лучше. Я такой же, как он. Поэтому хорошо знаю, о чём говорю. Однако в отличие от Энджела у меня к Катрин серьёзные намерения. Так сложилась жизнь, наши с ней судьбы переплелись. Она для меня не эпизод и даже не глава в романе: она, ты, твоя мать — вы теперь моя семья. Другой семьи у меня нет. А семья — это то, что свято.

Нет, я не гарантирую, что жизнь со мной будет для Катрин раем. Скорее уверен в том, что не будет. Я не могу не причинять боли — не умею. Но я буду стараться. Я не брошу Катрин на второй день, не забуду её, выкинув из мыслей. Я готов нести ответственность за те отношения, которые нас свяжут, какими бы они не были.

Энджел этого тебе не предложит. Ты для него лишь игрушка. В лучшем случае он не станет тебя ломать, просто развлечётся — но это в лучшем случае.

Я знаю, что говорю, поверь. Слишком часто я точно так же относился к женщинам. И совесть меня не мучила. Я не обещал им ничего, кроме времяпровождения. Я никогда им не лгал. Их чувства были их проблемами.

Ирис, мы с тобой не очень ладим, и ты обо мне не слишком хорошего мнения. Не отрицаю, может быть, и заслуженно. Но обещай хотя бы подумать над тем, что я скажу? Энджел не даст тебе счастья. Как яд, он отравит твою душу, разобьёт твоё сердце.

— Ты не можешь этого знать, — покачала она головой.

Ну вот. Всё оказывается так плохо, как я и предполагал с первого взгляда. Ну почему женщины такие дурочки?

— Я это знаю, — с горечью сказал я. — Боюсь, очень скоро тебе тоже предстоит это узнать.

Уже положив руку на дверную ручку, добавил:

— Если тебе вдруг понадобится моя помощь, Ирис, ты можешь ко мне обратиться.

Обсуждать в принципе было больше и нечего.

Я вернулся в комнату в надежде хоть немного подремать. Времени на часах — девять. Занятий у Катрин сегодня до половины четвёртого. Можно сладко выспаться.

Кстати, странно, почему Ирис не в школе? Ладно, я не папочка и не мамочка, чтобы за её пропусками следить. К тому же в школе Энджел...

Сон был тяжёлым и почти не дал отдохновения. Встал я ещё с более тяжёлой головой, чем лёг.

За окном стояли густые тучи, грозящие очередным снегопадом или, хуже того, снегом с дождём. Из-за этой вечной мороси мало кто любит ноябрь. Потому что любить тут, собственно, нечего.

Небо клубилось, грозя в любое мгновение опуститься сверху туманом. Оно повисло на проводах, тяжёлое, беспросветно-серое. Одни слои серости, потемнее, наплывали на другие. Ветер налетал порывами, поднимая капли из луж, покрывая их рябью, словно царапинами.

Чтобы хоть немного развеять тоскливую атмосферу, я включил радио. Звуки ворвались канонадой, жесткие, ритмичные, быстрые. Но веселее от этого не стало.

Наконец я увидел Катрин.

Она вышла из университета в сопровождении другой девушки, но они, к моему облегчению, попрощались у входа на стоянку.

Я вышел из машины, чтобы встретить её.

— Привет.

Она кивнула в ответ и поспешно забралась в натопленный салон автомобиля.

— У тебя вошло в привычку меня встречать?

— А что мне ещё делать?

— Спасибо, — усмехнулась Катрин. — Очень мило с твоей стороны быстренько спустить меня с небес на землю. А то я уже, было, вообразила тебя героем романа.

Как всегда, между нами была какая-то неестественная натянутость. Мы оба пытались откреститься от неё, спрятаться за обилием мало значимых слов.

Но она всё равно просачивалась неприятным холодком.

— Ну что ж, чтобы не выходить из образа лирического героя я, наверное, должен преподнести тебе очередной подарок? Готова проехаться с ветерком?

— Не надо ветерка. Хотелось бы с комфортом и в безопасности, — отозвалась Катрин, пристёгиваясь.

— Желание леди закон для джентльмена.

Темнело быстро.

Загорались первые огни. Тусклые, мутные круги под фонарями расплывались над нашими головами в осенних сумерках.

— Куда меня везёшь? — поинтересовалась Катрин.

— В наш новый маленький домик. Наш при условии, если он тебе понравится.

— Шутить? — изумилась она.

— Серьёзен, как удав, намерявшийся пообедать.

Через четверть часа мы въехали на дорогу, ведущую к будущему семейному гнёздышку.

Откровенно говоря, я побаивался реакции Катрин.

— Маленький домик?.. — похлопала она ресницами, на краткий момент вызывая в памяти образ своей кухни. — Это — маленький домик? Ты серьёзно? *Маленький?*..

— Ну, я вырос и жил в Кристалл-холле, поэтому с определениями габаритов у меня иногда возникают проблемы. Не говори ничего плохого по крайней мере до того момента, как не войдём внутрь.

В доме было два этажа. Его обегала веранда, прячущаяся под навесом, что поддерживали белоснежные дорические колонны.

Выкрашенный в приятный для глаза бежевый цвет, покрытый коричневой черепицей, дом выглядел лёгким, как корабль под поднятыми парусами и теплым, словно давно растопленный камин.

— Добро пожаловать, моя госпожа, в ваши новые владения, — распахнул я дверь перед Катрин.

8. Новый дом

Катрин оглядывалась с непосредственностью ребёнка, попавшего в Диснейленд. Скорее с любопытством, чем с восторгом, бродила она по комнатам.

— Это же настоящий дворец! — прошептала она. — Кристалл-холл в миниатюре.

— Так и было задумано. Тебе нравится?

— Нравится.

Но в глазах её застыл скорее испуг, чем восторг.

— Что не так? — взял я её за руку.

Ладошка была холодная, совсем иззябшая.

— Нет-нет! Здесь чудесно...

— Катрин, просто скажи, что тебя смущает и мы это исправим. Не нужно молчать. Я могу очень многое, но читать мысли не умею, ведь я не волшебник.

— Размеры, — прошептала она. — Дом такой огромный, что в нём просто теряешься. Не могу представить, что это и в самом деле наш дом.

— Не переживай. Когда мы здесь поселимся, наймём прислугу, заведём питомцев — дом оживёт и уже не будет казаться таким пустым. Без людей любые стены лишь стены. А человеческое тепло, смех, воспоминания превращает строение в уютное жилище. Пойдём в гостиную? Ты наверняка проголодалась?

— В самом деле хочу есть, — согласилась Катрин, следуя за мной. — Как тут красиво! — восхитилась она, когда мы вошли в гостиную.

В глазах её наконец-то появился тот огонёк, что я мечтал увидеть.

Она прошла на середину комнаты, занятую двумя диванами, огораживающими журнальный столик от остального пространства.

Сами собой, словно по волшебству, засветились на стенах бра, эмитирующие свечи в канделябрах. Свет заискрился, преломляясь в хрустальных подвесках.

— Всё это действительно наше? — развела она руками.

— На самом деле по-настоящему всё здесь только твоё. Документы составлены на имя

Катрин Кловис.

Катрин обхватила себя руками.

— А откуда здесь еда?

— Заказал в ресторане. Ну что? Отметим? Приобретение новой недвижимости отличный повод выпить.

Катрин присела на краешек дивана, проведя рукой по его поверхности.

Жест лёгкий, выполненный машинально, но в моём воображении отчего-то интимный.

Мне представилось, что она так же легко, едва касаясь, проводит пальчиками по моей груди...

— Не знаю, какие вина ты предпочитаешь, — сказал я внезапно севшим голосом. — Рискнул взять «Боллинжер».

Её смех был тихим и немного робким, словно Катрин боялась разбудить дремавшее в доме эхо.

— Я совершенно не разбираюсь в спиртном. Для меня все шампанское на один вкус.

— Что ж, за новый дом? И новую жизнь, — добавил я.

Когда фужеры соприкоснулись, раздался лёгкий звон.

Катрин сделала несколько глотков и поставила бокал на стол.

— Не хватает музыки, — заметил я. — Как думаешь, куда в этой комнате будет лучше поставить рояль?

— Рояль?

— Ну да, рояль. Если бы он был здесь, я бы рискнул сыграть что-нибудь романтическое. «Лунная соната» вполне сошлась бы, как думаешь?

Катрин напоминала мне испуганного оленёнка, к которому приходилось осторожно подкрадываться. Одно неловкое движение, и он рванёт в свои лесные пущи и пиши пропало.

Как моллюск в раковине. Все мои попытки пробиться через зону отчуждения, которой она себя окружила, терпели фиаско.

И не из-за того, что она враждебно или неприязненно ко мне относилась. Вовсе нет. Катрин просто отчего-то поминутно смущалась. Даже в начале нашего знакомства она вела себя куда более непринуждённо.

— Но рояля у нас нет, — с улыбкой продолжал я. — Зато есть музыкальный центр и диски. Сейчас выберу симпатичную мелодию.

Я отдал предпочтение лирической композиции, ведущую партию в которой исполняли скрипки.

— Потанцуй со мной, Катрин?

— Я не умею...

— Танцуй, как можешь, здесь нет строгих ценителей. Только ты и я.

Её пальчики вновь оказались в моей руке и, притянув её к себе, я обнял мягкий, тёплый стан, окунаясь в лёгкий флёр духов, окружающих её горьковатым прохладным облаком.

— Я никогда не танцевала.

— Это не страшно, — поспешил заверить я её.

Как ни странно, её неопытность и робость, готовность отпрянуть в любой момент, затаённая нежность, что ей не удавалось скрыть за своим отстранённо-холодным видом, заводили меня куда сильнее, чем любые искусственные ужимки опытных дам. Необходимость держать свои чувства в узде только обостряла чувства. Правда говорят — запретный плод сладок.

— Видишь? У тебя неплохо получается.

Она робко кивнула.

Не удержавшись, я притянул её к себе и поцеловал.

Губы были чуть прохладными и хранили аромат фруктового блеска, который Катрин использовала вместо помады.

Её тело было лёгким, хрупким, податливым. Я чувствовал себя так, словно держал в объятиях сильфиду или ангела. Одно неверное движение, и она рассыплется блестками, оставив по себе лишь горький осадок сожаления о невозможном счастье.

Хотелось пить аромат её невинности, омываться светом, освобождаясь от всего того, что налипло на душу.

Через мои объятия прошло столько женщин, но впервые я испытал чувство, будто держу в своих руках Психею — тонкую, неуловимую, трепетную.

Облечь душу в плоть и удержать её, опутав ласками, точно сетью! Не дать ускользнуть, спрятаться, огородить себя от того огня, в который я пытаюсь её увлечь.

Нежная кожа Катрин сводила с ума — или по-настоящему впервые приводила в разум?

Её губы, дрожащие, молившие то ли о продолжении, то ли о том, чтобы я немедленно прекратил свой натиск, были как тугие бутоны цветка, теплые, ароматные, влажные.

А стан, гибкий, как у змеи, в одно мгновение льнувший, как лиана к древесному стволу, в другое ускользающий, мне хотелось обнимать вечно.

Я чувствовал прикосновение её, наконец-то согревшихся ладоней к своей груди, биение сердца, трепет, зарождающийся в её теле.

Не знаю, сколько мы так стояли посредине комнаты и упоённо целовались, пока её голос не отрезвил, окликнув:

— Альберт?..

В прозрачных глазах Катрин читалась мольба:

— Отпусти меня. Я не готова идти дальше.

Я покорно разжал руки. Её воля. Нам некуда торопиться.

Пламя играло, переливаясь, на её платиновых волосах. Они были точно золотое руно — сокровище, которое неустанно сторожил Минотавр.

— Зачем ты это делаешь?

От неожиданной горечи, прозвучавшей в её голосе, я даже растерялся.

— Ты о поцелуе?

Она нетерпеливо тряхнула головой:

— Ты играешь со мной, как кошка с мышкой! Зачем? Я не железная!

— Ты сейчас вообще о чём?..

— Я понимаю, что кроме денег, тебя ничто во мне интересоваться не может. Я — обыкновенная. Даже более, чем обыкновенная. Таких, как я — тысячи и даже миллионы. Я не сексапильная, не стервозная, совсем не из тех, кто всегда на коне в первом ряду. В толпе меня и не заметишь.

А ты? Ты — это ты! Звездный мальчик. Аристократичный, стильный, умеющий всё и вся. Разобраться в новом механизме, который видишь впервые в жизни, — пожалуйста! Сесть за руль автомобиля и с ходу поехать, не нарушая правил — легко. Пятизначное число поделить на двузначного быстрее калькулятора — да не вопрос. Ты играешь на рояле, танцуешь, умеешь безупречно подобрать интерьер, костюм...

— А ещё я хорошо рисую, говорю на пяти языках, прекрасный фехтовальщик, наездник

и пловец. Что из этого? Хоть убей, не понимаю, как всё это может повлиять на наши отношения?

— Я тебе не пара.

— С чего ты взяла? С того, что у тебя с математикой и лингвисткой не лады? Может быть, для претенденток на руку и сердце конкурс аттестатов устроить? Катрин, ты сама-то хоть понимаешь, что несёшь бред?

— Это не бред. Рядом с тобой я чувствую себя маленькой, незначительной...

— Ну так перестань чувствовать себя такой и давай двигаться дальше! — не сдержавшись, повысил я голос. — С тем, как ты себя чувствуешь я мало что могу поделать, правда?

— Нет, не правда! Я бы чувствовала себя лучше если бы не твои Амары и Астории! Ты, не скрываясь, демонстрируешь мне своих подружек, не таясь, гуляешь по ночам, а потом...

Она села в кресло, сцепив в замок руки:

— Альберт, я уже говорила и повторяю ещё раз: мне не нужны деньги Элленджайтов. Я добровольно отдам их тебе. Я жила и смогу прожить дальше без всего этого, — она обвела рукой комнату. — Я не передумаю. Не нужно играть в эти игры с обольщением и разбивать мне сердце.

— А если я не играю? Если всё всерьёз? Такой мысли ты не допускаешь? Ты нужна мне, Катрин. Сама по себе, без всяких денег. Ты вернула меня к жизни, защищала, наставляла, помогала. Ты так щедро даришь всё, что имеешь и ничего не требуешь взамен. К тому же ты красива, женственна, добра. Так почему я не могу хотеть тебя?

Мой голос тёк ей прямо в маленькие, похожие на раковины, ушки и её одеревенелое тело оживало под моими руками.

— Смотри, какой снег повалил?

Неподалеку от окон стоял фонарь и снежинки в его свете выглядели огромной стаей жирных мух.

На белых занавесках они смотрелись черными пятнами.

Катрин обернулась. Глаза её подозрительно блестели, словно от слёз:

— Здесь уютно, тепло и красиво и кажется сбываются все мечты. Сказочное богатство, сказочный мальчик — сказка наяву. Но однажды окно распахнётся. Вместе со снежным вихрем ворвётся злая Снежная Королева и похитит тебя у меня. Если я позволю себе к тебе привязаться, мне будет очень больно.

— Катрин, — я старался ласками выказать переполнявшую меня нежность, которую не мог передать словами. — В моём мире будет только одна королева — ты. Всё остальное ничего не значит. И кстати, моё сердце не вещь, которую можно похитить без моего ведома.

— Твое сердце не вещь, Альберт. Но просто однажды ты придёшь туда, где оно всегда было. И забудешь меня.

Она смотрела на меня как-то странно.

Будто хотела о чём-то сказать.

— Ты говоришь загадками.

— Я знаю об отношениях с твоей сестрой. Я читала дневник.

Я почувствовала себя так, словно на меня вылили ушат холодной воды.

— Это было очень давно, Катрин, — медленно проговорил я. — Та история давно закончилась. Я не знаю, какая сила помогла мне очутиться здесь, рядом с тобой. Иногда мне кажется, что в том, своём мире, я не дождался нашей встречи и высшие силы подарили мне

её здесь. Может быть это иллюзия, но мне кажется, что именно твоя любовь, как путеводная звезда, вернула мою душу на землю. Я пришёл на твой зов. Я здесь из-за тебя и для тебя. Если же тебе это ненужно, рано или поздно весь мой мир разлетится на части и меня снова не станет. Так что не отталкивай меня, если я хоть что-то для тебя значу. Если пока ты не готова переступить какие-то барьеры внутри себя — я подожду. Но не говори мне «нет».

— Это как в романе, — слабо улыбнулась она, на этот раз не сопротивляясь моим объятиям. — Твои слова звучат так красиво, будто песня. Если бы ты знал, как хочется им верить!

— Так поверь. Я не лгу.

Сначала встретились наши взгляды, потому руки, а потом снова — губы.

Как сладко было пить мёд желаний, слизывая его с губ, которых до тебя не касался никто.

Моя! Вся — моя.

Её губы не произносили чужих имён, её сердце не замирало при виде других образов, её лоно не трепетало ни под чьими пальцами. Страна страсти была Катрин неведома.

Я готов был показать ей так хорошо знакомые мне тропы, ведущие на вершины сладострастия — иногда прямые, иногда извилистые, трудные, даже опасные.

Я готов был с радостью поддержать её на тугих горячих волнах страсти, разделив на двоих головокружительный полёт.

Я был готов.

Она — ещё нет.

Моя трепетная лань...

Скоро, очень скоро мы будем вместе по-настоящему. В нашем новом доме. В этом новом мире.

Ты и я.

Возвращались мы молча, но теперь атмосфера была иной. Барьеры, которые чувствовались между нами так долго, рухнули. Нам вместе было легко и радостно.

Однако по возвращению меня ждал пренеприятнейший сюрприз.

Я не сразу заметил присутствие гостя в комнате, паря в облаках нечаянно обретённой влюблённости.

И только когда щелкнул выключатель, круг света высветил фигуру, уютно развалившуюся в кресле, я понял, что в комнате не один.

Черные глаза глянули на меня из-под копны золотых волос.

— Привет, Альберт. Я тебя заждался.

— Не знал, что у меня гости, — со злым сарказмом протянул я, когда первый шок прошёл. — Непременно бы поторопился. Хотя бы для того, чтобы вышвырнуть тебя отсюда. Что ты здесь делаешь? Как посмел войти?

Энджел усмехнулся и, поднявшись, неторопливо приблизился, облизывая кроваво-алые губы кончиком розового языка.

— Какой ты неласковый, друг мой.

— Мы не друзья. И ты осуществил несанкционированное вторжение на территорию частной собственности. Это уголовно наказуемое деяние.

Мягкий смешок послужил мне ответом:

— Повтори, милый! Так красиво звучит — как музыка. Ты не злишь.

Знаю я этот тон, знаю. Сколько раз вёл себя похожим образом, играя в обольщение с

намеченной жертвой.

Только сейчас мне не до игр.

Я всё ещё нес в себе свет того чистого чувства, что пробудила во мне Катрин.

Я боялся расплескать его, словно ценный дар.

— Энджел, я не шучу. Уходи. Тебе здесь не рады.

Он продолжал глядеть на меня смеющимися глазами:

— И что? Вызовешь полицию?

Не вызову, конечно. И он это знает не хуже меня.

— Что ты хочешь?

— Тебя, милый, — с придыханием ответил он. — В прошлую нашу встречу ты сбежал так быстро. Мы не успели сойтись ближе... настолько близко, как бы мне хотелось.

— А без меня в твоей коллекции никак?

Красивый паршивец. И дело своё знает. Весь пропитан вожделением, насквозь.

Глядя на него так и хочется ломать, крушить, выпуская наружу ярость и желание. Заломить эти красивые руки, сцепив их замком над его головой, запрокинуть белую шею и жалить это худое, жилистое тело поцелуями, вычерчивая на нём кровоточащие дорожки, слизывая кровь языком, дразня раны.

Входить в это тело, вонзаясь жестоко, беспощадно и глубоко до тех пор, пока Энджел не начнёт кричать от боли, извиваться от желания и содрогаться от того и другого.

Словно прочтя по моим глазам мои мысли, Энджел придвинулся ближе, желанный, горячий и чертовски красивый.

— Как же без тебя, Альберт? Ты такой ценный трофей, — его голос туманил мне голову.

Я подумал о Катрин, находящейся в нескольких метрах отсюда.

О тех обещаниях, что давал ей.

«Вас пока ещё ничего не связывает. Она сама не приняла твоих предложений. Так что пользуйся подвернувшимся случаем. Ты же хочешь этого», — шептал внутри меня искушающий голос, удивительно похожий на голос Ральфа.

— Ты же хочешь этого, — прошептал Энджел.

— Ты пришёл только за сексом? — отодвинулся я от него, тем самым давая понять, что предложением если и заинтересован, то воспользоваться не спешу. — Или есть другие причины?

— Зануда ты, — тряхнул он золотистой головой. — Но знаешь? Ты прав. Одного вожделения недостаточно, чтобы заставить меня тащиться через заснеженный город.

Патока из его голоса потихоньку утекала. В нём зазвучали угрожающие нотки, словно у тигра, который пока ещё мурчит, но где-то в груди у него уже зарождается рык.

— Мне рассказали, что вчера вечером, как раз точнёхонько перед тем, как состоялось наше знаменательное, романтическое знакомство, ты положил шестерых моих людей?

— Я положил? Твои идиоты перестреляли друг друга без моей помощи. И пальцем шевельнуть не пришлось. Нужно тщательнее подбирать людей для... ну, не знаю, для чего ты их там подбираешь. Эмблемки со Скорпионами у вас красивые. Но, кроме эффекта, нужно что-то ещё.

— Будешь меня учить?

— Только если очень попросишь.

— Ты перешёл мне дорогу, Альберт. А я такого не прощаю.

— Остановись до того, как начнёшь мне угрожать. Так будет лучше для всех, поверь.

— Если бы мы занялись любовью до угроз дело не дошло бы, милый, — пожал он плечами. — А так ты обидел меня вдвойне — и словами, и действиями.

— Уж как-нибудь снеси обиду. Или ты теперь, как та глупая курица, Амара, будешь повсюду за мной таскаться и требовать большой и чистой любви?

— Так много мне не надо. Всё, чего я хочу — это капельку секса.

— В другой раз, милый.

Энджел ответил не менее сладкой и не менее паскудной улыбочкой:

— Как скажешь, милый.

Он направился к двери и как бы промежду прочим бросил через плечо:

— Кстати, передавай привет Ирис. Она сегодня так и не пришла в школу? Надеюсь, здорова?

Я почувствовал, как во мне поднимается плохо контролируемая ярость.

— Оставь девчонку в покое. Она же ещё младенец. Не будь козлом.

Чёрные глаза Энджела вспыхнули адским огнём:

— Младенцы — они самые вкусные, милый. Не говори, что этого не знал, да? Но я, так и быть, не стану ею лакомиться. Пока. Давай заключим сделку, солнышко? Даю тебе слово и пальцем не притронуться к этой хорошенькой гусыне при одном условии — я получу тебя. Не в качестве раба в ошейнике или покорной игрушки — просто мы будем вместе. Раз или два.

В глянцевых глазах Энджела плясали бесята:

— Раз тебе так необходимо одеться в белый плащ — дарю, милый. Прекрасный предлог. Ты же не просто будешь со мной трахаться, ты будешь спасать прекрасную деву из когтей чудовища, принося ему в жертву свою честь. И все останутся довольны, гарантирую, — подмигнул он.

— Иди к черту.

— Ладно. Пока я метнусь, ты тут подумай над моим предложением. Хорошенько подумай, милый. Время — до будущей встречи. Впрочем, если ты откажешься, я всё равно в накладе не останусь. Фиалка такая хорошенькая — лакомый кусочек. И как её старшая сестрица, наверняка ещё девственница. Ням-ням! Кстати, ты оценил мою деликатность, лунный принц? Я ведь нацеливаюсь на бесприданницу, оставляя тебе денежный мешок.

Вот поганец!

9. Братья

Визит Энджела заставил меня серьёзно задуматься о том, о чём до сих пор думать избегал.

Правда в том, что я продолжал день за днём вести себя так, будто бы всё ещё был частью всемогущего клана Элленджайтов. В то время как я больше не один из — я просто один.

Нет былых связей, нет всемогущих родственников, нет разветвлённой сети юристов, шпионов, охраны. Нет даже лакеев и горничных!

Империя Элленджайтов пала. Остались жалкие осколки и мутанты, мнящие себя королями.

Впрочем, почему — мнящие? Что я знаю об этих людях? Что я знаю теперь о городе,

который когда-то принадлежал нам?

Что я знаю о Кингах?

Ответ очевиден: ничего.

Этот недочёт стоило исправить как можно скорее.

Утром я созвонился с Линдой, назначив ей встречу.

Наш адвокат, как всегда была безупречна вежлива, но не составляло труда понять, что она предпочла бы увидеть меня, когда рак на горе свиснет.

— Доброе утро, мистер Элленджайт. Как понимаю, опять за наличностью? У вас несомненный талант сорить деньгами.

При каждой нашей встрече Линда вела себя так, что и без слов становилось ясно — она считает меня бессовестным Альфонсом, наживающимся на несчастной доверчивости Катрин.

— Возможно, вам стоит умерить аппетиты, сударь? Вы хоть отдаете себе отчет в том, что за несколько месяцев умудрились потратить целое состояние?

— Не преувеличивайте, мисс Филт. В любом случае я в праве тратить собственные деньги по своему усмотрению. Вас это не должно волновать.

— *Ваши* деньги?

— Чёрт возьми, Линда! — не сдержался я. — К чему эти разговоры? Утомляет уже! Ты прекрасно знаешь, что легендарное состояние Элленджайтов принадлежит мне. Катрин числится его владелицей лишь по недоразумению. За то время, когда деньгами не пользовались, счёт должен был вырасти (да и вырос!) до космических высот. Те проценты, что я позволил себе потратить, никак на картину не влияют.

Ну а теперь с твоего позволения перейдём к делу. К следующей пятнице предоставишь мне отчёт о человеке по имени Рэй Кинг. Меня интересует всё, что сумеешь накопать — информацию о его семье, вкусах, пристрастиях. Но самое главное — источники его дохода. Почти не сомневаюсь, мы столкнёмся с наркотрафиками, торговлей оружием и человеческим телом...

— Работоторговля? — ужаснулась Линда. — В наше время?!

— Я имел в виду бордели, — пояснил я. — Думаю, именно бизнес в Астории помогает Кингу отмывать деньги. Постарайся выяснить, через какие банки он структурирует капитал. Там наверняка имеет место смешивание и фальшивые счета.

На красивое лицо Линды легла тень сомнения, я бы даже сказал, страха:

— Связываться с Рэем Кингом плохая идея...

— Я не прошу тебя с ним связываться. Я прошу найти людей, готовых предоставить информацию. В средствах не ограничиваю. Главное, чтобы дело было сделано.

Мой план был до безобразия прост. Поскольку все финансовые ниточки так или иначе тянутся к общей финансовой пирамиде, то узнав, по каким проводкам бежит финансовый ток, заблокировать его будет несложно.

Если я что-то и успел понять в мире бизнеса, так это то, что финансовая удавка самая надежная. Ну, а если она не поможет — изобретём финансовый капкан.

Нет, я не собирался нападать первым или загонять Кинга в угол. Мне не нужен был Эллинг — пусть Кинг пока царствует.

Но если он осмелится скалить зубы получит хорошую зуботычину.

По дороге от Линды я зашёл в ювелирный, решив приглядеть обручальное кольцо для

Катрин.

Мне не хотелось торопиться с браком, равно, как и торопить мою будущую невесту, но получить доступ к счетам я мог только одним единственным способом. А без доступа к активам нет возможности контролировать хоть что-нибудь.

В моё время делами занимался дядя Ричард. Остальные помогали по мере сил, но главная ответственность за благополучие фамильного состояния лежала на нём.

Мы, глупцы, тогда совершенно не ценили того, что имели: возможность жить беззаботно и безответственно, ни о чём не беспокоясь.

И теперь в душе было откровенно страшно — моих знаний и в 19 веке могло оказаться недостаточно, а уж в новое время...

— Чего желаете?

Обратился ко мне услужливый до вертлявости продавец, отвлекая от мрачных мыслей.

— Кольцо, — озвучил я очевидное. — Этот ряд продемонстрировать не стоит. Мне нужно дорогое. Самое лучшее.

— Понял.

Ох! В двадцать первом веке со вкусом прямо беда.

Возможно, в понятии продавца *это* действительно был высший шик: кольцо с одиннадцатью бриллиантами в 0,03 карата, два аметиста, цитрин, гранат и, насколько могу судить, хризолит. Всё соединено в броскую, причудливую мозаику, блестящую, как рождественская елка в новогоднюю ночь.

— Это, пожалуй, слишком.

Я остановил выбор на кольце с 95 бриллиантами в 0,24 карата из розового золота.

Богато, неброско, изыскано и должно быть удобно.

Продавец остался доволен сделкой. Я — тоже. С тем и распрощались.

— Альберт?

Обернувшись, я со смешанным чувством увидел Ливиана.

Скользнув взглядом по вывеске над магазином, он дружелюбно усмехнулся:

— Жениться надумал? Или погреться заходил?

Я многозначительно пожал плечами.

— Серьёзно?.. В твои-то годы? Не рано ты себя хоронишь?

— Я старше чем выгляжу. В общем, достаточно стар для того, чтобы понять — некоторые вещи лучше делать сразу, не откладывая в долгий ящик.

Тёмные тени, окаймляющие выразительные глаза Ливиана, залегли гуще.

То ли я успел забыть, как он выглядит, то ли искусственное освещение в Астории не так беспощадно выставляло бледность и худобу, как солнце, но Ливиан выглядел плохо.

— Куда идёшь? — поинтересовался я.

— Домой.

— Сильно торопишься?

— Не особо.

— Прогуляемся немного?

— Хорошая идея. Расскажешь о счастливнице, которой повезло стать твоей невестой?

Мы пошли рядом, плечом к плечу, будто старые друзья.

Признаться, мне не хватало этого чувства локтя — не хватало своих.

Я бы с радостью принял всех этих Кингов, выделив каждому по состоянию, лишь бы вернуть хотя бы призрак семьи — той, что была у меня раньше.

И кстати, почему бы мне этого не сделать? Так будет гораздо правильнее, чем объявлять друг другу кровавую вендетту.

Сбившись с шага, Ливиан неожиданно стал оседать на мостовую. Я едва успел подхватить его.

— Ты что?

— Всё в порядке, — покачал он головой. — Сейчас пройдёт.

Люди уже начали оборачиваться в нашу сторону.

Не удивительно. У нас у обоих броская внешность и слишком дорогая для этого района одежда, а тут ещё Ливиану пришла охота эффектно потерять сознание!

Аккуратно поддерживая его под локоть, я свернул на улочку, показавшуюся достаточно глухой, чтобы укрыть от любопытных глаз. С одной стороны нас закрывала стена многоэтажки, с другой — густо разросшиеся, заснеженные ветки.

Привалившись к стене, откинув голову, Ливиан глядел в небо, стараясь справиться с внезапным приступом острой боли.

— Могу помочь, — шепнул я.

Глаза Ливиана сощурились:

— Хочешь поделиться кровью? Что ж? Глупо было бы с моей стороны отказываться.

Губы у Ливиана были холодными, словно застывшими.

Дышал он часто, поверхностно.

Моё неудержимое любопытство так и подначивало узнать, насколько ему плохо. Ну, если сравнивать, например, с Энджелом?

— Что ты делаешь? — тихо прошептал Ливиан, когда мои руки скользнули под его рубашку.

К сожалению, без прямого контакт удовлетворить моё любопытство не получалось. К счастью достаточно оказалось простого прикосновения. Ничего большего.

Ощущения его боли вызвали у меня кровотечение без каких-либо дополнительных ухищрений. Кровь полилась тёплым потоком.

— Ах вы бесстыдники! Совсем совесть потеряли! Как вас только земля носить! Срамота одна! Тут дети ходют, а они!.. Бог мой! Да один из вас ещё и не девка?!

Схватила за сердце старушка, отважно взявшая на себя функцию местной полиции нравов.

— Караул! Разбой!

Бабка попалась голосистая, задорная, с девичьим блеском в глазах.

Отирая тыльной стороны ладони алые капли с губ, Ливиан глянул на неё исподлобья своим фирменным волчьим взглядом:

— Шла бы ты бабуля... от греха подальше.

Бабка попалась сметливая. Шустро заковыляла к ограде, оставляя на белом, рыхлом, только что нападавшем снегу маленькие, как у девочки, следы.

Даже шапочка на её голове излучала неодобрение и порицание.

— Ты её напугал, — вздохнул я.

— Ты-то у нас добрый. Вот мне и пришлось...

С этими словами Ливиан вновь привлёк меня к себе.

Я не сопротивлялся.

Ему это было надо. Ему нужна была моя кровь, как в прошлый раз мне — его.

— Мальчики?

Это явно уже не сбежавшая старушка.

Кольцо рук Ливиана вновь распалось:

— Братец? — фыркнул он.

— Энджел?! — не удержался я от восклицания. — Что же это такое?! Ты что?! Следишь за мной?

— Слежу. Но увы, не за тобой, красавчик.

— Кровная связь ведёт как компас? — попытался съязвить я.

— Возможно, — невозмутимо пожал он плечами в ответ. — Однако я предпочитаю доверять спутниковой. Сто процентов надёжней любого гадания на кофейной гуще. Представляешь, сладкий, моё разочарование? Ты вчера не оставил мне надежды, а сегодня я нахожу тебя в объятиях моего неверного брата. Что же вы со мной делаете? Вы разбиваете мне сердце!

— Прекрати нести бред, — огрызнулся Ливиан. — Зачем явился, Энж?

— Отец велел привезти тебя на ужин.

— Для чего?

— Понятия не имею. Он со мной не делился. Но наверняка расскажет тебе.

— А меня твой отец не приглашал? — напомнил я о себе.

— Хочешь в гости, Элленджайт?

— Хочу. Круг знакомых у меня не широкий. Каждый на счету. А с вами гарантировано скучно не будет.

— Это уж точно! Что ж? Отец тебя, конечно, не приглашал, но это можно исправить. Я приглашу тебя сам.

— Я бы на твоём месте не спешил принимать приглашение, — подняв воротник, зябко поежился Ливиан. — Держался бы от всего этого дерьма подальше.

— Ты же не станешь слушать этого зануду, Элленджайт? — потрянул золотыми кудрями Энджел. — Он и сам-то никогда не следует своим разумным советам. Ты уже вляпался в наш милый семейный гадюшник. Какой смысл идти на попятную?

Риск, тайна, приключения — кто устоит перед этим?

— Поехали, — согласился я.

— Чужие машины на территорию не пропускают, — предупредил Энджел. — Так что добро пожаловать в нашу.

— Каким образом, по-твоему, я попаду назад?

— Откровенно говоря, меня это мало волнует. Если будешь хорошим мальчиком, я, возможно, отвезу тебя сам.

— Хватит трепаться, Эндж. Садись уже в машину, — сказал Ливиан.

Манера вождения у Энджела была такой же сумбурной, как и его характер. Машина двигалась рывками. Её заносило на поворотах и ухабах.

Вслед нам неслись гудки и сигналы.

— Если ты не сбавишь скорость, нам сядут на хвост легавые, — предупредил Ливиан.

Полицейские не представлялись для нас большой угрозой. С ними всегда можно договориться — угрозой, взяткой, внушением, наконец. Но большинство людей не так живучи, как мы.

— Сбавь скорость, — сказал я.

— Что, прости? — с издёвкой протянул Энджел. — Что ты сказал?

— Я. Сказал. Сбавь. Скорость.

— Или?..

— Или из-за нас может случиться авария.

— Ужасно! Как я буду жить с таким пятном на совести? Расслабься, Элленджайт! Если из-за нас кто-то в кого-то врежется, окажем первую помощь лично. Счастливицы ещё и кайф получают. Хотя... никто ни в кого не врежется. Даю тебе слово.

Улицы города остались позади.

Мы въехали в промышленную зону.

По крайней мере местность весьма её напоминала. Именно такими тюрьмы и радиоактивные участки показывали в современных фильмах, сфабрикованных в долине грёз: бетонка, ворота, колючая проволока, рабица, металлические ворота, разъезжающиеся в сторону.

— Добро пожаловать в Логово Скорпиона, — театрально приветствовал Энджел.

— Кажется у отца гости? — сощурился Ливиан.

У входя в бункер стоял большой черный внедорожник, забрызганный грязью по самую крышу.

— Вот черт! — присвистнул Энджел.

— Я же говорил, не следует его тащить сюда! — прорычал Ливиан.

Энджел ничего не ответил.

— Что-то не так? — любопытствовал я.

Ливиан поморщился:

— Тебе повезло встрять в наши внутренние разборки и не факт, что Кинг даст тебе уйти живым.

— Не сгущай краски, — фыркнул Энджел. — Этого парня пришить не легче, чем тебя или меня, а значит, папочка дважды подумает, прежде чем это делать. В любом случае не знаю, как вы, а я стоять на морозе не намерен.

Мы вошли внутрь бетонно-металлических построек и начали длинный спуск.

Пока ноги мои пересчитывали ступени, меня не оставляло чувство, будто я и в самом деле провалился я змеиную яму.

Ядовитую.

Полную зла.

10. Логово Скорпиона

Освещение было тусклым. Свет рассеиваясь, едва пробивался к лицам, делая их серыми, плоскими.

Помещение изнутри напоминало ангар. Многоярусное строение оплело со всех сторон длинными, металлическими лестницами, разрезающими пространство острыми, как лезвие, ступеньками.

С каждого этажа в неизвестный полумрак убегали коридоры. Каждый шаг, отдаваясь, множился гулким эхом. Лестницы, побеспокоенные шагами, вздрагивая, возмущено тряслись.

На дне унылого, метало-бетонного колодца, как на седьмом кругу Ада, невыразительными муравьями мельтешили человеческие фигурки.

Хотя нет, мельтешили — громко сказано. Скорее застыли, как на стоп-кадре.

Рэй возвышался над согбенной фигурой, а по бокам держимордами сторожили его

мрачные подручные, затянутые в кожу. С ног до головы они были обвешены оружием, как в дешёвом боевике.

Мужчину сильно избили. Лицо его начало заплывать синяками. Из рассеченной губы текла кровь. Под носом она даже уже успела запечься корочкой.

— Я рассказал всё, что знаю! Клянусь! — жалобно прогнусавила жертва.

— Это прискорбно, — уронил Кинг, лениво растягивая слова.

С первого взгляда на него угадывалась фамильная страсть Элленджайтов к театральным эффектам.

Иначе, зачем было надевать на это прискорбное мероприятие белоснежную рубашку? Впрочем, белоснежной она была лишь поначалу. Грязь любого рода имеет тенденцию оставлять после себя следы.

Закатанные рукава открывали любопытному взгляду мускулистые, жилистые руки. Пальцы, на вид столь музыкальные, что ими лишь Шопена и играть, оказались сбиты в кровь, и, судя по тому, что ссадины на них ещё не успели затянуться, сбиты совсем недавно.

— Это весьма прискорбно, потому что, если это правда, ты мне больше не нужен.

С этими словами Рэй ребром ладони, молниеносным движением, которое я не успел отследить — движением, напоминающим бросок кобры, — ударил несчастного по шее, вбивая ему кадык в глотку.

Захрипев и закатив глаза, мужчина повалился на пол, несколько раз дёрнулся в судорогах и затих.

Ошибиться было невозможно — он был мёртв.

Судя по тому, как остальные отводили глаза, им это тоже не понравилось. Но потрясённым, в отличии от меня, никто не выглядел.

То, с какой скоростью, с каким умением и мастерством Рэй это сделал, говорило о его обширной практике на поприще убийцы. Но больше всего меня потрясло абсолютное пренебрежение к человеческой жизни. Он вёл себя так, будто только что комара прищёпнул.

— Вы вернулись? — обернулся он к Энджелу и Ливиану. — Альберт?.. — нахмурился он при виде меня.

Его и без того резкие черты сделались ещё строже.

— Что ты здесь делаешь?

— Да вот подумал, что присутствие Элленджайта скрасит сегодняшний мрачный вечер, — развёл руками Энджел. — Разве ты не рад тому, что новый любовник и, возможно, ещё один любимый сын, будет вместе с нами?

— Совсем спятил? — гневно сошлись над переносицей тёмные брови Рэя. — Повсюду ищейки Сангрэ, а ты тащишь к нам в дом всякую шушару?

Как любезно!

Шушерой меня ещё никто и никогда не называл.

— Я не верю, что Альберт может быть пешкой Кровавого Барона, — встрял в беседу Ливиан. — С таким же успехом ты можешь подозревать любого из нас.

— Кто сказал, что не подозреваю? — фыркнул Рэй.

— Не знаю я, кто такой Кровавый Барон, — за себя я всегда говорю сам. — За ужином расскажете о нём? — усмехнулся я в гневное лицо Рэя.

— Возможно, — протянул он, окидывая меня задумчивым взглядом. — Что ж? Идёмте. Виола и Сандра уже, наверняка, заждались.

— Кто такие Виола и Сандра? — шёпотом поинтересовался я у Ливиана по пути.

— Сандра — дочь Рэя, — прозвучало пояснение, — они близнецы с Энджелом. Виола их мать. И, по совместительству, сестра-близнец Рэя.

На губах Ливиана заиграла странная усмешка — то ли горечь, то ли презрение, то ли насмешка. Скорее всего понемногу.

Не сдержавшись, я присвистнул:

— Ничего себе!

Рэй Кинг не уставал удивлять. И ни одно из этих удивлений не было приятным.

— Тебе эта Виола, как я понимаю, не мать?

— Нет.

Одна из дверей ушла в сторону, как на космической станции из фантастического фильма.

Декорации поменялись мгновенно.

Мы словно шагнули в гарем турецкого падишаха. Повсюду ковры, роскошь, дурманящие благовония.

Но в помещении не было ни одного окна. И, по ощущениям, мы находились глубоко под землёй. Подземный бункер? Странное локация для общей гостиной.

Стол посреди помещения красиво сервирован — и почти правильно.

Если бы я мог испытывать аппетит, витающий аромат непременно пробудил бы во мне чувство голода. Судя по нему, повар не поскупился на специи.

Нас дожидались две молодые очаровательные женщины — обе красивые блондинки с чёрными, как ночь, глазами.

Старшей едва ли было больше тридцати. Глядя на неё с трудом можно было представить её матерью двоих взрослых детей. Но полагаю, это была Виола.

— У нас гости?

Голос у Виолы был низкий, хрипловатый. Словно в хрустале дрожала незаметная трещинка.

Взгляд, брошенной ею на меня, выражал откровенную неприязнь:

— Нашёл ещё одного своего ублюдка, дорогой?

Рэй, развалившись на стуле, пожал плечами. В его жесте сквозило раздражение:

— Не знаю. Ещё не успел выяснить. Но судя по проявленным парнем способностям — вполне возможно.

Моё место за столом оказалось аккурат напротив второй дамы Кинг.

Успев познакомиться с нравами, царившими в этой семейке, я не ждал от сестры Энджела ничего хорошего. Если уж парень ведёт себя как откровенная шлюха, чего ждать от девки?

Красота бывает разной — красота цветка, звезды, огня, морской волны.

Сандра была красива.

И в тоже время ничего женственного, в классическом понимании этого слова, в ней не было. Невольное сравнение, приходящее на ум при виде этой девушки — пантера. Опасная хищница, слишком свободолюбивая, чтобы носить ошейник.

И всё же она его носила.

В этом мире рано или поздно всегда найдётся тот, кто круче тебя.

В чёрных глазах девушки сквозило пренебрежение ко всему. Будто бы и люди, и предметы были слишком незначительными, чтобы задерживать на них взгляд дольше

секунды.

— На мой счёт вы можете не беспокоиться, — обратился я к Виоле. — Я не имею никакого отношения к вашему мужу.

Или мне следовало сказать — брату? Как всё запутано!

— Я знаю, кто мои родители, — продолжил я. — Уверяю вас, к факту моего рождения Рэй не имеет никакого отношения.

— Приятно знать, — холодно улыбнулся Рэй. — Но откуда же тогда, чёрт возьми, ты взялся? А главное — почему именно теперь?

— Для меня «теперь» мало чем отличается «от тогда». Просто так сложились обстоятельства. Что именно заставляет вас нервничать?

Рэй не сводил с меня ярко-голубых, как кусочки неба, глаз:

— Мы заново делим территорию с человеком, который когда-то держал под контролем этот город. Но — король умер. И да здравствует король.

— Король? — повела роскошными плечами Виола. — Мой милый братец, ты не больше, чем Принц Подворотен. И как бы лихо не шла твоя торговля наркотиками и проститутками, этого факта не отменишь.

— Рискну напомнить, милая, что от этой *моей* торговли напрямую зависит, будет ли у тебя новая шуба, брюлики и туфли за тысячи долларов, хотя точно такие же на блошином рынке стоят центы. Я доходчиво объясняю? Уже не говоря о том, моя кошечка, что стоит дать малейшую слабину, как твою хорошенькую лебяжью шейку перережут от уха до уха.

— Это по твоей вине Сангрэ стал нашим врагом!

Рэй нервно дёрнул плечом:

— Альберт? Тебе ведь наверняка не совсем понятно, о чём идёт речь? Видишь ли, мой теперешний непримиримый враг в недавнем прошлом был моим могущественным покровителем. Я же отплатил ему вероломной неблагодарностью, о чём не устаёт напоминать моя дорогая сестрица. Я переманил его людей, взял под контроль сначала одно, потому другое, потом третье — действовал, пока не прибрал к рукам всё. Ну и в итоге согнал его с тёпленького насиженного местечка. Я был его правой рукой, но в один прекрасный для себя и ужасный для него день, понял, что не нуждаюсь в хозяине. И зверь сорвался с поводка, который господин считал коротким и надёжным. С тех пор у нас непримиримая война.

Рэй говорил нарочито-легкомысленным тоном.

Глаза его блестели, как если бы он успел выпить лишнего. А может и действительно успел?

Я украдкой взглянул на Сандру.

Она спокойно ужинала, будто текущий разговор её не касался. Будто её с нами вовсе не было.

— Хоть что-то интересное сообщил тебе твой пленник? — спросил Ливиан, меняя тему разговора.

Рэй пожал плечами.

Сей жест можно было интерпретировать как угодно.

— Кому тут интересно что сказала или не сказала это ничтожество? Давайте лучше поговорим о том, что действительно важно. — Рэй вновь повернулся ко мне. — Альберт, ты знаешь о нас достаточно много: кто мы такие, что из себя представляем, чем живём и к чему стремимся. Ты же для нас тёмная лошадка. Я повторю вопрос, что уже задавал не раз, от

ответа на который ты упрямо уклоняешься: кто ты такой? И что ты делаешь в моем городе?

Пять пар глаз смотрели на меня. Кто с интересом, кто насмешливо, кто безразлично, а кто и с откровенной неприязнью.

Я пытался быстренько создать правдоподобную легенду, потому что рассказать правду не вариант: внезапно умер, неожиданно воскрес — такая история не годилось для взыскательных ушей.

— Я знаю, что принадлежу к роду Эленджайтов, — говорил я, медленно подбирая слова. — Моя мать никогда этого не скрывала. Да с нашими способностями определить это можно без всякого генетического теста. Когда же я узнал, что в Эллиндж приехала наследница, приехал за ней. Подумал, может быть мы с нею поладим?

— Так ты охотник за приданым? — растянул губы в очередной ухмылке Энджел. — И как никому из нас-то такая мысль в голову не пришла? Это же так естественно, так логично: жениться на богатой наследнице! Bravo! — демонстративно хлопнул он в ладони перед моим носом несколько раз.

— Верно, — неожиданно поддержал брата Ливиан. — Чем продавать себя по частям, лучше уж так — один раз и по-крупному.

— Но кто первым встал, того и тапки, мальчики, — в тон сыновьям заявил Рэй. — Да и, кроме того, сдаётся мне, из вас муж как из курицы говядина. А ты, Альберт, можешь быть весьма полезен. И если ты согласишься быть для нас таковым, мы в ответ тоже будем весьма любезны. Король белый и король черный, полицейский плохой — хороший, король финансов и король подворотен — сильный тандем. Если нам удастся осуществить подобный союз, мы станем непобедимы. Что скажешь?

Кинг практически озвучил мои мысли, слово в слово.

— Хорошее предложение. Эленджайты не воют против Эленджайтов, даже если последние зовутся Кингами. Нам нужно держаться вместе. Это правильное решение, — ответил я.

— Вы не торопите события? — заговорила Сандра. — Этот пижон может быть полезен лишь при условии того, что сумеет дотянуться до основных активов Эленджайтов. Вы тут поделили шкуру медведя, которого не то что не поймали — даже не выследили.

— Я бы на твоём месте не стал тянуть со свадьбой, — заявил Энджел. — Если уж решил надеть на шею ярмо — действуй. С неприятностями лучше заканчивать быстрее.

— Я бы тоже на твоём месте ковала железо, пока горячо, — заявила Сандра. — Пока невеста не поумнела. Потому что, говоря откровенно, если кто-то и одевает здесь ярмо, причём со здоровенными шипами, так это именно она. — Сандра мазнула по мне взглядом. — Эта Катрин Кловис полная дура.

— Вообще-то вы говорите о моей невесте, леди. И могли бы отзываться о ней с большим уважением.

— Я не леди. Воспитание у меня как у прачки. И я не могу отзываться с уважением о том, кого не уважаю. А что касаясь вашей предполагаемой наречённой, так неужели она не понимает, *чем* владеет? Какую имеет власть? С её деньгами можно не просто послать любого из вас к черту — при желании и правильном подходе можно загнать вас в угол, заставив плясать под свою дудку. У наследницы Эленджайтов есть шанс стать по-настоящему независимой. А она? Нашла первого попавшегося кобеля и готова спустить свою жизнь в унитаз с громким всплеском.

Мало того шушера, я теперь ещё и кобель?

Рэй рассмеялся:

— Ну, на наше счастье, не все особы столь циничны, как ты, доченька. У тебя бы, жадины, Альберт не получил бы и цента. Но новоявленная наследница полна всевозможных добродетелей. Не так ли? — обратился он ко мне.

Вопрос не предполагал ответа.

— Она женственна, добра, уступчива, кротка и наверняка послушна — идеальная овца... ой, простите! Агнец божий. И вот он, наш волчонок, уже заточил клыки, раскатав захапущую губёху на всё добро. И добро немалое! Ну же, Альберт, не стоит возмущаться. Это пахнет лицемерием. Твоя цель понятна. Я даже обдумывал этот вариант для своих оболдуев. Но и у того, и другого слишком известная репутация для такого предприятия.

— Вряд ли наследнице Элленджайтов о них известно, — подала голос Виола. — Они вращаются в разных кругах.

— Мама, я не имею не малейшего желания жениться на мешке с деньгами! — возмутился Энджел.

— Ну, конечно, братец! — саркастично протянула Сандра. — Спать с толстыми боровами за деньги куда приятнее.

— Она симпатичная, — заметил Ливиан.

— И на симпатичном мешке с деньгами я жениться тоже не хочу! Толстые борова покупают лишь мою задницу, и ничего больше. В то время как жена... нет уж, увольте. Элленджайт, тебе все карты в руки! — отсалютовал мне Энджел. — Я тебе не соперник.

— А со свадьбой действительно стоит поторопиться, — прищурившись, заметил Рэй. — Пока невеста не прозрела по всем статьям и параграфам. Ну а открывшиеся перспективы мы используем с толком. За добрые начинания и многообещающее начала! — поднял он тост.

Отсалютовав, всё опрокинули по бокалу вина.

За исключением Сандры.

Она не пила.

Откровенно говоря, девушка меня интриговала.

Само выживание и формирование характера в таком окружении вызывает любопытство без дополнительных стимулов.

— Ужин окончен, — поднялся Рэй из-за стола. — Пойдём, Альберт, провожу тебя к выходу.

— Я сам отвезу его в город, — заявил Энджел.

— Он что? Не сможет отыскать дорогу? — хохотнула Виола.

— Он без машины.

— Делай, как знаешь, — кивнул Рэй. — Но я всё равно провожу вас до выхода. Ливиан, дожись меня. Нужно поговорить.

Мы поднялись из-за стола.

Я попытался попрощаться с красавицей Виолой, но та сделала вид, будто не замечает моего порыва. Интересно, чем и когда успел я досадить этой особе?

Стоило шагнуть за дверь (металлическую и герметичной закрывающуюся) как в уши ударил надсадный женский крик, полный неподдельного страдания.

— Кто так кричит? — невольно замедлил я шаг, чувствуя, как меня пробирает до мурашек.

У Сандры и Энджела тоже сделались напряжённые лица.

Зато Рэй был сама беззаботность:

— Наш сегодняшний друг был с подружкой.

— И что? — хмыкнул Энджел, но смешок звучал не то что невесело, а почти безнадежно. — Какой смысл пытаться её? Надо было отпустить...

— У тебя куриные мозги, совсем как у твоей матери. Если я её отпущу, она прямиком отправится к Сангрэ! Это исключено. А раз уж ей всё равно умирать, я отдал её парням. Пусть напоследок развлекутся.

— Что, чёрт возьми, ваши люди делают с этой женщиной?! — не сдержавшись, повысил голос я.

— Не твоё дело!

Крик, пронзительный и долгий, взлетел к самой высокой ноте, переходя в отчаянный визг и не раздумывая, я рванулся к источнику звука.

— Стой! — металлом зазвенел голос Кинга.

Распахнув очередную дверь, я на мгновение застыл в отвращении и ужасе.

В комнате оказалась одна истерзанная женщина и человек пятнадцать мужчин.

На бедняжке не было не только одежды — на ней живого места не осталось. Вместо лица — сплошной кровоподтёк. Глаза заплыли, превратившись в багрово-синие щёлки.

В тот момент, когда я ворвался в комнату, её одновременно насильовали два огромных верзилы.

Кто-то хохотал, подбадривая, кто-то давал советы, кто-то играл со своим дружком. Хотя ума не приложу, кем надо быть, чтобы возбуждаться от подобного зрелища.

В тот момент я не думал ни о чём. Вообще.

Моим естественным порывом было вырвать несчастную, почти насмерть замученную жертву, из рук её палачей.

Оторвав одного, я заехал ему в лицо кулаком, подкрепляя физический посыл психической энергией. Второй не успел опомниться, как оказался вырубленным, успокоившись рядом.

От ярости, негодования и жалости, желая поскорее помочь бедной женщине, меня переключило настолько, что свои удары я не контролировал.

Обескураженные и явно неожиданные такого напора бандиты отхлынули.

Я опустился перед вздрагивающей, как раненное животное при последнем издыхании, женщиной и не раздумывая, попытался облегчить её муки и одновременно с тем определить повреждения.

Сломанная рука, многочисленные внутренние ушибы.

Господи! И это люди?! Что за каша творится в их одурманенных наркотиками мозгах?

Прикосновениями я мог лишь унять боль, ровно до тех пор, пока касаюсь. Женщине явно требовалось больше.

Нажав в область солнечного сплетения, я заставил кровь пойти и коснулся губами избитых губ измученной страдальцы.

Не скажу, что это было приятно. В какой-то момент естественная брезгливость заставила меня передёрнуться, но желание помочь оказалось сильнее.

Я чувствовал, как моя кровь начала циркулировать в её организме, принося облегчение. Прикосновениями я снимал боль, неизбежную при восстановлении тканей.

Внутренности словно скрутило узлом, но бывало в этой жизни и хуже.

Я с облегчением увидел, как синяки рассасываются под слоем крови и грязи.

Женщина оказалась далеко не старой, чуть за тридцать и прехорошенькой.

Её глаза с изумлением распахнулись:

— Что?... Что происходит?.. Как?..

Я поднялся, протянув ей руку, помогая подняться.

— Спасибо! Спасибо вам, кто бы вы не были! Я думала...

Когда слова замерли на её губах, а глаза закатились, я не сразу понял, что происходит. Я с изумлением глядел на кровавое пятно, расплывающееся по её телу, заливающую мне руки.

Когда она осела на пол, предо мной оказался Кинг с окровавленным ножом в руках. Спокойный и невозмутимый.

Сказать, что я испытал шок — ничего не сказать. Из меня словно воздух выкачали, трудно было даже вздохнуть.

Горькая лёгкость и пустота в области сердца.

Потрясение было таким сильным, что в первый момент я не ощущал ни ярости, ни возмущения, ни ненависти.

— Зачем? — только и мог вымолвить я, изумленно глядя на него.

— Я уже объяснял. Я не могу её отпустить. Она слишком много знает.

— Я мог стереть ей память!!! Мог внушить молчать! Ты! — ударил я его коротким толчком прямо в грудь, наступая. — Ты убил её просто так! Безо всякой причины! Ты... ты... чертов ублюдок.

— Полегче, — холодно блеснув глазами, прошипел он в ответ.

Меня трясло.

От ужаса. От отвращения. От безнадёжности. Пройти через весь этот ад и не выжить? Сорваться в небытие за шаг до спасения?

Я ведь почти вытащил её...

Почти вытащил!!!

В своё время все мы были не подарками. Случалось — убивали. В поединке, по правилам чести (реальное число наших жертв было сильно преувеличено молвой), зарвавшегося конкурента.

Мы могли взять женщину силой, не спрашивая её согласия. Чести нам это, конечно, не делало. Могли купить, угрозой ли, посулами, заставить выполнить свои желания.

Но никогда — никогда! — мы не избивали и не калечили женщин.

Я с ненавистью глядел в небесно-голубые, жестокие, смеющиеся глаза Рэя.

Глядел и чувствовал, как душу заполняет ледяная ярость.

Ни о каком союзе между нами не могло быть и речи.

— В этом убийстве не было необходимости, — ровным голосом сказал я.

— А в её жизни не было смысла, — пожал плечами Рэй. — Чего ты так кипятишься? Удивляешь меня, милый. Не думал я, что ты такой мягкотелый.

— Ценить чужую жизнь не значит проявлять слабость. Как раз наоборот. Жаль, что у тебя не было семьи, способной этому научить.

— Ты смеешь читать мне нотации?

— Сейчас своим бессмысленным поступком ты убил во мне союзника. Будь осторожней со словами, Рэй. Не наживи врага.

— Да ты никак угрожать мне надумал? — расхохотался Рэй. — Ты?.. Мне?.. Остынь, милый. Бабы не стоят того, чтобы из-за них ссориться.

Сандра и Энджел стояла за спиной Кинга и оба молчаливо наблюдали за разворачивающимися действиями.

Гнев переполнял меня до такой степени, что я боялся сорваться.

Хотя, может и стоило?

— Увидимся, — коротко кивнув Рэй распахнул передо мной дверь красноречивым жестом. — Всего доброго.

11. Выбор

Снег несся навстречу огромными белыми хлопьями, налипая на лобовое стекло. В свете фар снежинки казались роем настырных белых мух, а в свете царившего в душе настроения — взвихряющимся погребальным саваном, белым пеплом.

В салоне царило напряжённое молчание.

Мне не хотелось говорить ни с кем из Кингов, не хотелось видеть никого из них.

В душе будто крутилась огромная чёрная дыра, засасывая пространство и преобразуя его во что-то жуткое и неприятное.

Я не был ответственен за то, во что обратились наши потомки. Отчего же у меня такое чувство, что в случившемся есть моя вина?

Вина всех нас — тех, кто жил до них?

Как же так получилось, что один из Элленджайтов собственноручно резал женщин, как куропаток и никто не пытался ему помешать?

— Часто это происходит? — спросил я Энджела.

— Что именно?

— Не прикидывайся, что не понимаешь! Часто твой чокнутый папаша позволяет своим подручным псам терзать людей?

Энджел невозмутимо пожал плечами:

— Чаще, чем хотелось.

— Тебе это нравится?

— Как эти придурки расправляются с людьми? Нет. Но иногда приходится и самому руки марать.

— Почему? — в моём голосе звучало горячность, которой я бы предпочёл не выказывать. — Я могу понять, почему Кинга боятся другие, но ты? Ты ведь такой же, как он. Ты способен дать ему отпор. И если тебе не нравится убивать, продавать себя за деньги — зачем ты это делаешь, Энджел?! Почему ни ты, ни Ливиан не сопротивляетесь? Не пытаетесь защитить себя или других?

— Это бесполезно.

— Ты пытался?

— А как ты думаешь? — бросил на меня беглый взгляд Энджел.

— Да ты просто слабак! Покориться ведь куда проще? Служить, как верный пёс...

— Да ты кто такой, чтобы судить меня? — ударил по тормозам Энджел.

Он был похож на призрак. Лицо и волосы словно испускали свет сами по себе, лоя редки отблеск фонарей.

— Ты, сахарный белый мальчик, что ты можешь знать обо мне? Об отце? О нас? У тебя на лбу написано, что всё в этой жизни давалось тебе легко и тебе не приходилось ни за что бороться! Таким, как ты, жизнь преподносит на подносе всё, но я открою тебе большой секрет — так случается далеко не со всеми. Многим приходится выживать вопреки всему, даже вопреки тому, что сам ты, возможно, предпочёл бы сдохнуть.

— Таких, как мы, приневолить к чему-то трудно.

— Да что ты говоришь?

— Мы легко переносим всё, чего боятся другие. Так в чём подвох?

— В том, что ты глуповатый лох, Элленджайт. Или ты действительно жил где-то там, очень высоко, на луне? Я поделюсь с тобой простой истиной, совершенно даром, между прочим. Ей меня обучил папочка: нет людей, который нельзя сломать. Нужно только отыскать правильные рычаги и — вуаля! В твоих руках послушные марионетки. Они прыгают, танцуя под твою дудочку.

— Рискну спросить — что стало рычагом в твоём случае?

— Слабо самому догадаться, Элленджайт?

Даже в темноте, видя лишь абрис его лица, я понял, что он привычно щурится.

— Твои сестра и мать?

Последовавшее молчание было весьма красноречивым.

Но разве такое возможно?

— И ты веришь, что Кинг может им навредить? — недоверчиво протянул я. — Да ладно! Родной дочери и ей матери, которая к тому же ему сестра? Они не могут быть ему безразличны.

— Они ему небезразличны. Он не позволил бы им умереть. Но за всё остальное поручиться не могу. Я уже понял, что в отличие от папочки, фантазия у тебя, Элленджайт, не богатая. Потому, скорее всего, с тобой куда приятнее иметь дело.

Энджел потрянул головой, словно отгоняя от себя наваждения:

— Посмел бы ты бунтовать, сладкий, если бы за каждое твоё неповиновение заставляли платить тех, кто тебе дорог? В большинстве случаев правило было простым: либо я делаю то, что хочет Рэй, либо он угрожал — обычно Сандре, но бывало, что и матери. Если я откажусь спать с тем или иным клиентом, альтернативным решением становилась моя сестра. Чтобы ты делал на моём месте, Элленджайт? Включил бы добродетельного мужика или пошёл вперёд с покорностью осла?

— Я бы для начала убедился, что угрозы Рэя не блеф.

Энджел расхохотался.

Надо ли говорить, что веселья в его голосе не было и тени? Это прямо-таки его коронная фишка — демонический хохот, от которого мороз продирает по коже.

— Ну, ты-то бы возможно и убедился бы. Меня убеждать не было нужды. Потому что я знаю — каждое его слово найдёт подтверждение действием. Расскажу я тебе, Элленджайт, одну историю — интересную-преинтересную, правдивую-приправдивую. Так, в профилактических целях. Чтоб ты знал, с кем связываешься и хорошенько подумал, стоит ли это противостояние свеч или проще пойти на попятный, пока всё не завертелось всерьёз.

Энджел похлопал руками по карманам, выудил мятую сигаретную пачку.

— Чёрт! Зажигалка-то!.. — раздосадовано процедил он.

Я услужливо щёлкнул своей.

Салон авто почти моментально заполнился едким сигаретным дымом и Энджел вынужден был приоткрыть окно, впуская свежий, перенасыщенный влагой, воздух.

— Я облажался. И облажался по-крупному. Рэй не прощает своеволия. Особенно имеющего печальные последствия. А в тот раз именно так и было. У отца было право гневаться, было право меня наказать — я это признаю. Но то, что он сделал...

Серое облако табака поднялось и ускользнуло в узкую щель в окне.

Мне хотелось поторопить его с рассказом, но я понимал, что делать этого не стоит.

Энджел должен прочувствовать, просмотреть свои воспоминания, подобрать нужные слова.

— То, что он сделал невозможно оправдать, простить или забыть. Даже понять и то не получается.

Было так странно, сидеть и слушать исповедь человека, который тебе не слишком симпатичен и, которому, ты это знаешь точно, ты симпатичен едва ли больше.

Эффект незнакомца в пути? Когда ты изливаешь человеку всё, что давно наболело, потому что знаешь — завтра вы уже не встретитесь.

Но мы с Энджелом расстанемся едва ли. Так что стоит за его откровениями?

— Рэй заставил меня переспать с родной матерью.

Не знаю, чего я ожидал, но уж точно не этого.

— И ты это сделал? Ты просто покорно выполнил то, что он требовал?

Энджел хмыкнул:

— Покорно. Не рыпаясь.

— А твоя мать? Она тоже была покорной? Она не просила тебя прекратить это безумие?

— Нет. Она просила меня продолжить, — и вновь смех Энджела ранил мои нервы. — Не останавливаться ни на минуту.

Я почувствовал дурноту. Меня как будто с ног до головы вывалили в грязи и душа моя протестовала. Я не хотел больше этого слушать.

Чокнутая семейка!

— Потому что пистолет со взведённым курком был приставлен к голове Сандры. И я знаю Рэя. Увы! Он бы не остановился. Он бы выполнил угрозу — собственной рукой пристрелил родную дочь и не дрогнул. Чтобы спасти жизнь сестре я был вынужден насиловать родную мать, а Сандра — наблюдать картину со стороны. Семейная идиллия по Рэю Кингу.

Вижу, Элленджайт, он уже не кажется тебе таким очаровательным, как в вашу первую встречу? Может быть даже, ты хочешь его меньше?

— Вообще не хочу. На сегодня с меня вас довольно. Всех ваших семейных ужасов на один вечер хватит с лихвой. Поехали уже, а?

— Счастливцев ты, — со вздохом завёл машину Энджел. — Ты можешь просто вот так взять, всё отшвырнуть и уехать. Пока ещё можешь. Не становись Рэю поперёк дороги, Элленджайт, если у тебя есть хоть кто-то, кем ты дорожишь. Он смешает тебя с грязью и заставит лизать себе языком сапоги, трясясь за жизнь того, кто тебе дорог.

— Не так страшен чёрт, как его малюют, — зло процедил я сквозь зубы.

— Это смотря какой чёрт. Я тебя предупредил, а дальше смотри — дело твоё.

Я кивнул.

Оставшуюся недолгую часть пути мы проделали в молчании и сухо распрощались на пороге отеля.

Я чувствовал себя эмоционально опустошённым, выжитым, словно лимон. Гнетущее чувство того, что всё в этом мире тщетно и грязно, не оставляло меня ни на минуту.

Это было как грязь, только въедающаяся в душу.

И мне отчаянно, словно поток свежей воды нужен был кто-то настолько же чистый и светлый, насколько темны, страшны и неприглядны, несмотря на весь свой внешний лоск,

были Кинги.

На ум приходила только одна кандидатура — Катрин.

«Жертвенный агнец», — как презрительно посмел отозваться о ней Рэй.

Час был не ранний, но и не настолько поздний, чтобы мой визит выглядел неприемлемым.

Бра тускло светились со стены.

За окнами продолжал падать снег, вычерчивая белые полосы на чёрной простыне ночи.

На мгновение застыв перед дверью Катрин, я упёрся пылающим лбом в прохладную, гладкую стену. Чувствовать под собой её незыблемую прохладу было приятно.

Стены — это нечто незыблемое. Или кажущееся таковым, но даже если и так, лучше иллюзия, чем полное ничто.

Нечто незыблемое должно быть в жизни каждого человека. Опора, фундамент, правила, сила притяжения — что-то, что держит тебя на земле. Без этого никак. Без этого жизнь бессмысленна.

Я не отдавал себе в прошлом отчёта, но именно семья была для меня всем — опорой, фундаментом, силой.

А после своего странного, непонятно-необъяснимого воскрешения я парил в невесомости. Мне отчаянно нужно за что-то зацепиться, чтобы стать собой. Зацепиться я мог только за новую семью, а её не было.

Кинги оказались гротескной пародией на то, чего я желал.

После рассказов Энджела я не мог на них даже злиться. На самом деле я был бы рад гневу — он спасает от пустоты, побуждая двигаться и действовать.

Но злости не было.

Я не сомневался в том, что была причина, изуродовавшая душу Рэя до неприемлемой степени душевного уродства.

Кто-то тщательно и с душой засадил Сад Зла. И плоды его горьки и ядовиты.

Это не могло оправдать Рэя — это могло лишь объяснить, почему так, а не иначе. Но в этой ситуации мало объяснений или оправданий.

Рэя следовало остановить. Во имя его возможных жертв, детей и даже его самого.

Я не сомневался в одном: ни угрозы, ни уговоры, ни мольбы на него не подействуют. Это человек не знает ни страха, ни совести, ни любви.

Но власть Золотого Тельца он признает.

Всю жизнь убегая от нищеты он ни за что не захочет в неё возвращаться снова.

В свое время я любил математику именно за её непредвзятую строгость, лаконичность и завершённость. Формулу нельзя подкупить. На итоговое решение задачи не влияет субъективное восприятие экзаменующего. Формула сойдётся при правильном решении и не сойдётся, если ты допустил ошибку.

И вот сейчас с математической строгостью я выводил простую жизненную формулу: чтобы не говорили нам о любви, всё это фуфлю. В этом мире главное деньги. Такова была выдвинутая гипотеза.

И вот подтверждение. Любовью нельзя было остановить Рэя.

И если бы не деньги я не женился бы на Катрин. Я люблю её в той степени, в какой это чувство мне доступно в моем теперешнем воплощении, но даже любви я её в три раза сильнее, я бы на ней не женился.

Если бы не деньги.

От этого открытия стало совсем тошно. Мне чертовски хотелось верить в доброе и светлое, но куда ни глянь, всюду выходило прямо противоположное.

Миром правят не светлые чувства, а выгода.

Но с другой стороны... деньги сами по себе мне не нужны. Вернее, они нужны мне не для себя. Я хочу, чтобы люди, которых я в душе уже объявил своими: Катрин, Ирис, Ливиан, Энджел, Сандра и даже Рэй были в безопасности и жили счастливо, могли не опасаться в этом мире ничего.

А в том, что если бы не легат, я не спешил бы со свадьбой, причина заключается в сомнениях — хватит ли у меня сил держать под контролем собственных демонов? Смогу ли я не навредить ей?

Докопавшись до мотивов собственных поступков, я ощутил душевное облегчение. Всё-таки не так уж всё в этом мире и продажно. А значит — и безнадежно.

Собравшись с духом, я постучал в дверь к Катрин.

— Кто там? — раздалось через несколько секунд.

— Альберт.

Дверь отворилась:

— Что-то случилось? — встревоженно спросила Катрин.

— Я могу войти?

— Что?.. — она нервно пригладила волосы, пушившиеся вокруг её милого личика. — Да, конечно. Входи.

Я никогда её такой не видел.

В белом халатике, на вид мягком и теплом, бережно обнимающим её тело, в белых тапочках с нелепыми помпонами, с рассыпавшимися по плечам белокурыми волосами и неожиданно — очками, из-за чего она казалась особенно ранимой и незащищенной, Катрин выглядела... нет, не сексуально.

Я так и не смог полюбить это современное словцо, которым в этом веке почему-то характеризовали привлекательность. Оно совершенно потребительское по отношению к женщине.

При словах «сексапильна», «сексуальна» мне так и мерещатся шляпки — то из прошлого, в чулочках и корсетах, то современные, в штанах в обтяжку или мини-юбке и на лабутенах. Но в любом случае «сексапильная дама» эта та, которую хочется отыметь побыстренькому, без обязательств, можно даже не заходя в душ.

«Сексапильна» — эта та, что создана для секса, не для отношений.

Я старомоден. Мне куда больше нравятся слова «очаровательна», «прекрасна», «привлекательна», даже простое и банальное «мила».

Катрин будила во мне сладкое желание сжать в объятиях её, по-птичьему хрупкое, тело, такое нежное и гладкое в моем воображении, чуть-чуть прохладное.

Коснуться по-детски припухших губ, выдающих чувственность её натуры — чувственность, о которой она сама вряд ли подозревает.

Мягкость, абсолютная естественность и тепло, что ощущались в этой молодой женщине, каждый раз возбуждали меня всё сильнее. Мне хотелось целовать её до тех пор, пока мы оба окончательно не потеряем голову.

Мне хотелось овладеть ею осторожно и нежно. Я испытывал нежность, которую никогда раньше не знал. Синтии моя нежность была ни к чему.

Видимо привычным для себя жестом, но совершенно новым для меня (потому что

раньше Катрин не показывалась мне на глазах в очках), она поправила их.

Перехватив мой взгляд, застенчиво пожала плечами:

— Под вечер я хуже вижу, — будто оправдываясь, сказала она. — Глаза болят, а ещё столько нужно написать.

— Что ты пишешь?

— Реферат к допуску к зачёту, — вздохнула Катрин.

— Да. Всё сложно.

— Не легко, — ответила она с усталой улыбкой. — А у тебя что-то случилось? Какие-то неприятности?

— Можно сказать и так.

— Я могу чем-то помочь?

— Именно за этим я сюда и пришёл — за твоей помощью.

— Что я должна сделать?

— Должна?.. — переспросил я, покачав головой.

Не желая сопротивляться желанию прикоснуться к ней, прижать к себе, погладить сначала пушистые халат, потом коснуться душистой девичьей кожи, я обнял её за талию, мягко привлекая к себе.

— Тебе ничего не нужно делать. Мне просто необходимо, чтобы ты была рядом. Ты так нужна мне, Катрин.

Взгляд её был одновременно удивлённым и настороженным.

Она непонимающе глядела на меня.

Я прижал её к себе, зарываясь лицом в волосы, жадно вбирая их лёгкий аромат — шампунь, духи и что-то индивидуальное, свойственное только ей одной.

— Ты мой маленький лучик света в царстве беспроектной мглы. Такой необходимый. Такой хрупкий. Если я потеряю тебя, мне не выбраться.

Она заглянула мне в лицо, словно пыталась прочесть мои мысли, понять мои тайные побуждения.

— У меня был скверный день, — улыбнулся я.

— Расскажешь, что случилось?

— Вряд ли.

— Почему? — нахмурилась она. — Ты сделал что-то плохое, что следует от меня скрывать? Или ты считаешь меня настолько глупенькой, что я не в состоянии понять некоторых вещей?

— Я не считаю тебя глупенькой. Но мне так хотелось бы, чтобы некоторых вещей ты так никогда бы не узнала. Если бы я мог, я бы, наверное, законсервировал тебя вот в таком белом и пушистом состоянии, как сейчас, и грелся бы около тебя, как у костра, отдыхая душой и телом. Но я знаю, что это невозможно.

— Если ты хочешь, чтобы я доверяла тебе, ты должен научиться доверять мне, Альберт. Я не такая бессильная, как ты себе вообразил. Пережила же я твоё воскрешение? Как раз за разом переживаю вскрытие трупов в моргах.

Катрин тихо рассмеялась, перехватив мой недоумевающий и недоверчивый взгляд.

— Альберт, специальность, которой я пытаюсь овладеть — хирург общей практики. И я уже, заметь, на втором курсе. Впечатительные нежные барышни, какой ты меня, по всей видимости, воображаешь, предпочитают более романтичные, менее приземлённые профессии, скажем, артисток, музыкантов, певиц, художниц. К хирургам приходят в

крайнем случае и мы, зачастую, отрезаем всё лишнее.

— Звучит жутковато.

В наше время женщина-врач была моветоном.

Как и женщина-адвокат, женщина-бухгалтер, женщина-писатель.

Возможно, будь это иначе, жизнь моей шальной сестрицы сложилась бы по-другому?

— На деле всё ещё хуже, уж можешь мне поверить. Я достаточно стрессоустойчива и не склонна к пустым истерикам. Так что выкладывай, что там у тебя случилось?

— Мы не единственные потомки Элленджайтов. Скажи, ты слышала о Рэе Кинге?

Катрин нахмурила лобик в попытках освежить память:

— Имя кажется смутно знакомым.

— Рэй Кинг — местный мафиозный король, прибравший к рукам весь теневой бизнес в городе.

Тоненькая складка между бровями Катрин залегла глубже:

— В Эллингже ест мафия?

— Наивный вопрос, моя милая. Мафия есть везде. Это как канализация с коллекторами — без них никак и никуда. Где есть люди, есть и нечистоты, а им по любому рано или поздно собираться в отстойник. Всегда есть кто-то, готовый нарушить закон ради получения прибыли. Откровенно говоря, большой куш ты не сорвёшь никогда, если будешь играть по правилам. Первоначальный капитал, как правило, наживается в обход закона, преступным путём.

— Откровенно говоря, я не понимаю, какое нам может быть до всего этого дело?

— Прямое, Катрин. Ты никогда не замечала, как похоже звучит название этого города с нашей фамилией? Это не случайность. Эллингж — наш город в прямом смысле слова. Мы — его сердце, его плоть, его душа. Мы принадлежим друг другу — мы городу, а город — нам. Так было со дня основания Эллингжа и так, надеюсь, останется дальше. Мы не можем позволить Кингам диктовать здесь правила. Они — наша, но — тень! И если они получают власть, это будет власть террора. Этому необходимо помешать. Иначе разразится война между мафиозными структурами за передел собственности и никому мало не покажется.

— Тебе так нужен этот город?

— Мне нужен мир в городе. А для этого нужно изгнать Сангрэ, кем бы он ни был, нужно обуздать амбиции Кинга. Ты сможешь мне в этом.

— Я? — удивилась Катрин. — Как?

— Станешь моей женой. Ты мой ключ к закрытому замку и без тебя мне в него не войти.

Лицо Катрин словно окаменело:

— Мы уже обсуждали этот вопрос, Альберт. Я же уже сказала тебе — да. Чего ещё ты хочешь?

Я хотел назначить дату свадьбы и начать подготовку, но так... так действовать было нельзя. Брак даже по договоренности и расчёту — это все-таки не сделка в чистом виде.

— Я уже говорил, Катрин, и повторю снова — я хочу тебя.

И я не лгал, не кривил душой. Просто всё так переплелось-перепуталось в один сложный клубок.

А, впрочем, когда оно было иначе?

Я опасался, что Катрин оттолкнёт меня, когда притянул её к себе, касаясь мягкого бутона губ, который словно хранили загадочный нектар — целительную силу.

Странное дело, её неопытность нисколько не казалось мне смешной. Эта неопытность виделась мне шармом — шармом, присущим только Катрин.

— Уже поздно, а у меня ещё много работы. Тебе лучше уйти, — сказала она, отступая.

Что мне оставалось делать? Разыгрывать из себя крутого мачо, натаивающего на своём? Какой в этом смысл?

— Спокойной ночи, — привычно пожелал я ей, против воли испытывая раздражение.

В чём можно упрекнуть женщину, от которой ты не видел ничего, кроме добра? Сдержанная, чуткая, понимающая, ничем никогда не досаждающая, целомудренная.

«Идеальная овца», — насмешливо прошипел мой мозг голосом Рэя Кинга.

Я было мысленно зашипел на него в ответ, но... в этом была доля правды. А ничто так не бесит в противнике, как едкое замечание, сделанное по существу.

Я безмерно уважал Катрин, но мне в ней не хватало жизни, не хватало страсти, огня, каких-то мелких шероховатостей характера, за которые цепляешься и прикипаешь душой.

Наш брак грозил стать идеальным. Без ссор. Без выяснений отношений.

Кто тому виной — она или я?

Уж не знаю, велика ли, мала ли по размерам для меня душа этой женщины, но мне комфортно с ней. Как будто я хожу на высоких каблуках.

Идя к Катрин, я надеялся развеяться, но стало только хуже.

Она оставалась прекрасной, как статуя изо льда, стерильной, как скальпель, идеальной, но — бесконечно чужой.

Чем больше я пытался залатать дыру между нами, тем эта дыра становилась шире.

Энджел прав — лучше продать себя на одну ночь, чем вот так. Душа в обмен на легат? И самое удивительное, мне-то деньги не нужны, но словно запрограммированный кем-то свыше, я поступаю согласно чьей-то невидимой мне воле.

Я буду чувствовать себя в долгу перед Катрин, я обрекаю себя на вечные угрызения совести, потому что вынужден буду лгать ей — я её ценю и уважаю, но нет того самого главного, я не знаю сам, чего.

Возможно и она поступает из сходных побуждений? Связанная деньгами, которые её тяготят, она стремится вернуть их тому, кого считает законным владельцем?

Отодвинув занавеску, я глядел в окно, на залитую огнями подъездную площадку перед отелем.

По-прежнему крупными белыми хлопьями валил снег.

Скрестив руки на груди, я стоял и смотрел, изо всех сил стараясь ни о чём не думать. Иногда рассуждения лишние — ты должен сделать то, что должен.

Приходит момент, когда тебя разворачивает лицом к тому, от чего ты старательно убегал.

Я больше не мог игнорировать тот факт, что тоскую о прошлом. Глупо бегу за тенью, стараясь отыскать в новых лицах старых знакомых.

Но Катрин не Синтия, Ливиан не Ральф, Сандра и Ирис не мои кузины, те, о которых я привык думать и заботиться в прошлом, а Рэй... таких в прошлом вообще не существовало.

Даже пресловутый Ральф I, оставивший по себе столь дурную славу, исхитрившейся стать паршивой овцой даже в нашем чёрном стаде — даже он не насиловал собственных детей!

В этот момент я ощутил не просто желание, а настоящую необходимость вернуться домой. До этого я избегал даже мысли о Кристалл-холле.

Это было похоже на зуд в больном зубе. Чувствовалось неуёмно и неотступно.

Желание попасть домой — в мой настоящий дом, принадлежащий мне по праву рождения, по праву происхождения и по праву воспоминаний — туда, где прошло далекое детство, протекла жизнь, туда, где обитали те, кого я знал и любил по-настоящему — стало непереносимым.

Будто на хвосте вьюги прилетели тени ушедших душ и напомнили о себе.

Есть северные легенды о ледяном безумии, заполняющим сердце людей и заставляющих их уходить в ночь, когда бушуют бураны. Темный зов? Белый зов? Не знаю.

Возможно дело в том, что я наконец-то набрался храбрости чтобы развернуться и посмотреть в лицо тоске по прошлому. Я перестал убегать и она тут же накрыла меня с головой, вгрызаясь в сердце с радостью хищника, достигшего законную добычу.

Я понимал, что ехать в ночь за город — безумие. Но мне плевать! В конце концов что меня здесь держало? Выдуманное чувство долга перед теми, кому на самом деле ничего от меня не нужно?

Набросив куртку на плечи и подхватив ключи от машины, я спустился вниз, проигнорировав как взгляд, которым меня сопровождал консьерж, так и неодобрение, светящееся в нём.

Я вообще быстро продвинулся в изучении технических новинок и успел оценить всю прелесть системы GPS. Первоначально идея о том, что на картинке выстраивается маршрут от одной точки до другой показалась мне полнейшим бредом. Но потом, разобравшись с тем, что такое космический спутник и с принципом его действия, удалось и понять систему Навигатора. Уже не говоря о том, чтобы оценить его удобство.

Оценить навигатор по достоинству можно как раз в такую ночь, когда вокруг всё вьюжит и кружит, а ты сам не можешь понять, какая оса тебя укусила? Зачем ты несешься сквозь этот мглистый влажный сумрак? Почему не желая слушать голос разума, подчиняешься ничем не объяснимому внутреннему голосу?

Но иногда только так можно унять съедающую, выворачивающую наизнанку душу тоску — движением вперёд.

Чем быстрее ты несёшься, тем тверже иллюзия, что сможешь сбежать, хотя в глубине души сам понимаешь — попытки тщетны. Что всё это движение вперёд лишь иллюзия. От себя не убежишь.

Город переливался множеством огней. Такого количества освещения в 19 веке не было. В прошлом этот час был глубокой ночью, но теперь люди мельтешили словно муравьи, споря со снежинками в многочисленности и хаотичности движения.

Машины, сверкая красно-жёлтыми сигнальными огнями, разукрасили дорогу похожей на гирлянду линией: неоновые рекламы магазинов, давно уже закрывшихся в этот поздний час, огни ресторанов, просто фонари. У меня было такое чувство, словно городская ночь решила соперничать с небом в количестве огней.

Колёса скользили по наслоившейся на асфальт наледи, шипованные зимние шины помогали мало.

Вскоре последний отсвет городских фонарей остался позади и только свет фар, выглядевший совсем тускло, расплывчатыми, вялыми лучами сражался с белым, похожим на зависшую в воздухе кашу, мраком.

Отчего-то я не думал о том, что никогда раньше мне не приходилось добираться до Кристалл-холла в буран в одиночестве. В прошлом со мной путь всегда разделял кто-то ещё:

кузен, кучер, лошади, в конце концов.

Сейчас я чувствовал себя одиноко, как новогодний домик в стеклянном яйце, когда чья-то капризная рука взбаламутит осадок снежинок.

Снег валил и валил, налипая на всё, что только можно — линии электрических передач, столбы, кусты, лобовое стекло.

Дворники едва успевали справляться, смахивая их, превращая в прозрачные капли. Но они тут же налипали снова.

Я вскоре пожалел, что не додумался купить вездеход. Машина начала пробуксовывать в сугробах и вскоре ехать дальше стало невозможно.

Выйдя, я с маниакальным упорством продолжил путь пешком.

Теперь я и сам не могу понять, зачем? Зачем я упрямо шёл вперёд? Тяжело дыша, продираясь сквозь буран, сугробы, по бездорожью?

Какая сила заставляла меня двигаться?

Местность изменилась. Я узнавал и не узнавал очертания родного поместья. Так бывает во сне. Ты знаешь, где ты, но едва-едва узнаёшь.

Я, должно быть, прозевал тот момент, когда миновал ворота с надписью «Кристалл-холл». Или их убрали?

Но дом вырос передо мной неожиданно. словно давно потерянный друг неожиданно возникший под фонарем, он распахнул объятия. И я, тоже замерев, глядел на него во все глаза.

Не постарел. Даже стал краше, если такое возможно. Сверкающий и белый, гордый, точно лебедь, возносил к небу колонны и знаменитый на всю округу сверкающий хрустальный купол.

Иллюзия того, что я вернулся, была полной.

Чудилось, лишь отвари дверь и жизнь вернётся на круги своя.

Старый камердинер, служивший семье вот уже три поколения, поспешит навстречу, хотя ему уж давно пора отправляться на покой. Дежурные горничные, опустив очи, присядут в низком поклоне.

Дверь в музыкальную комнату притворена неплотно и оттуда раздаются звуки рояля. Мелодия тонкая, легкая, воздушная, похожая на вуаль, колеблющуюся на ветру. Легкое мягкое покачивание, легко различимое в ней, чувствуется и в фигуре исполнительницы.

Коллет...

Светловолосая, как большинство Элленджайтов, зеленоглазая, грациозная, как газель — прекрасная музыкантша.

А из бильярдной раздаются мужские голоса, удары кия и тонкий запах кубинских сигар. А ещё — кофе и бренди.

В гостиной идёт неспешная беседа у дам. Почувствовав дуновение сквозняка, уловив ли чуткой душой что-то ещё, лишь одной ей ведомое, мама выходит мне из гостиной навстречу. Её белом платье будто светится в полумраке. Сияют золотом волосы. А глаза похожи на прозрачные льдинки или бриллианты.

— Не слишком ли поздно ты возвращаешься с прогулки, Альберт? Да ещё в такую ночь, когда земля и небо готовы сойтись? — укоризненно качает она головой и серьги словно вспыхивают, ловя гранями отблески света. — Ты слишком долго гулял, мой мальчик.

В камине осыпалось роем алых искорок прогоревшее полено.

Я моргнул, и иллюзия распалась.

Ничего не было. Кроме дома. Пустого. Холодного. Такого же одинокого, как я.

Мои родные меня не дождались — на этот раз я слишком долго блуждал.

До сих пор я не вспоминал тот роковой день, но сейчас обрывки, словно наваждения, завертелись в голове.

Я иду между двумя линиями железнодорожных путей. Я помнил, как блуждал перед этим несколько часов, устав почти до изнеможения и понимал, что пора возвращаться — другого выхода нет.

Но отвращение, переполнявшее меня, не давало этого сделать.

Я не хотел возвращаться к исполненной ненависти Синтии и Ральфу, которые внезапно сделались непримиримыми врагами и каждый рвал мне душу, пытаясь перетянуть на свою сторону.

Нашим жутким, гротескным отношениям не предвиделось конца.

Страх и стыд перед тем, что всё откроется и непонимание того, почему ни Ральфу, ни Синтии до этого нет никакого дела?

Я хотел либо чувствовать, как они, либо выпутаться из той паутины, в которую угодил. Но не мог. Потому что любовь к ним была столь же сильной, сколь и ненависть.

Помнил, как ветер плетью ударил в лицо, заставив зазвенеть окна на вокзале где-то там, в расплывающейся, словно краски, на которых вылили слишком много воды, действительности.

Помню пронзительный паровозный гудок и монотонный стук приближающихся колёс. И решение, спонтанное, быстрое, не до конца осознанное — импульсивное, интуитивное.

Наверное, в тот момент я не верил, что могу действительно умереть. Хотел — но не верил для себя в подобную возможность.

Сбежать от действительно и заставить страдать тех, кто делал больно мне, осознанно или нет, толкали меня в спину, словно бесы.

Я просто сделал шаг вперёд.

Ноги соскользнули, и металл навалился словно сразу и отовсюду.

Чудовищная боль в пояснице и в шее сводила с ума, будто я проглотил огонь и не смог выплюнуть обратно. Какое-то время мой сумасшедший нереальный организм сопротивлялся, пытаясь восстановить невозможное.

Боли, казалось, не было ни конца, ни края.

Будь состав чуть короче, кто знает, может быть я смог бы выжить?

Я не думал о том, какого моей матери будет смотреть на разрезанное колёсами, словно лезвиями, тело сына?

Её мысли, её боль, её отчаяние я слышал теперь.

Я видел, как она сидит у погасшего камина, сложив руки на коленях, нестибаема прямая, красивая настолько, что людей брала оторопь. И словно неживая.

Дядя Винсент держал её за руку, пытаясь не утешить (он осознавал, что утешить её никто не в силах), но стремясь поддержать.

«Это расплата за Ральфа. Я знала, что рано или поздно придётся заплатить за содеянное», — говорила она бесчувственным голосом заведённого автомата.

И за окном тогда падал снег.

Жив ли я?

В этом ли мире вернулся я в отчий дом?

В самом ли деле я человек или дух неуспокоенный?

— Мама, прости! Прости! Я не хотел делать тебе больно!

По христианской вере самоубийцам прощения нет.

Их не отпевают в церкви и хоронят за церковной оградой.

Их не пускают даже в ад.

До этого я жил словно во сне, в странной необъяснимой уверенности, что все они, Элленджайты, продолжают жить. И только теперь понял — они ли мертвы, я ли, — мы никогда больше не встретимся.

Я мог прожить с ними долгие годы жизни, но я всех бросил, трусливо сбежал, поступил как жалкий подлец и предатель и теперь, хоть горло себе сорви, воя от тоски, как волк, хоть волосы рви и землю от отчаянья ешь — не поможет.

Мы по разную сторону бытия.

Я плакал впервые в жизни, если не считать тех лет детства, что в моей памяти не сохранились.

Слёзы не приносили облегчения.

Мертв ли я, жив ли я — я несу наказание за свой поступок.

Смахнув со щёк остатки влаги я через силу поплёлся вперёд.

Толкнул дверь, вошёл внутрь.

Мне казалось, что внутри должно быть едва ли не холоднее, чем снаружи. Тепло, окутавшее с порога, было удивительно.

Миновав прихожую, я шагнул в Хрустальный зал.

Тени от вьюги темными полосами носились в огромном пространстве, словно ведьмы на помеле, одновременно с тем отчего-то похожие на неспешное движение рыбок в аквариуме.

Наверху лестницы застыла фигура в белом платье.

Светлые длинные волосы струились по плечам, сверкая в свете свечей.

Словно пораженный столбняком, я не мог двинуться с места. Весь обратился во взгляд, не смея окликнуть, словно голос мой мог разрушить чудесные чары.

— Вот и ты, наконец? Я так долго ждала тебя, Альберт. Не чаяла дожидаться.

Она остановилась, чтобы поставить жирандоль на один из туалетных столиков.

Потом выпрямилась. На губах её играла улыбка. Полная жизни, огня и нежности, которой раньше я никогда не то, что не видел — не мог даже вообразить.

— Здравствуй, любовь моя. Что ж ты молчишь?

— Синтия?

Качнувшись друг другу навстречу, мы обнялись.

Круг замкнулся.

Мир растворился в руках, обнимавших меня.

Сузился до узкого стана в моих руках. Утекал, как вода и возвращался вновь вместе с её поцелуями.

— Синтия, — простонал я, не смея поверить в реальность происходящего. — Ты? Ты жива? Ты мне не снишься? Это на самом деле?!

Она засмеялась, вновь припав ко мне.

И больше вопросов задавать я не смог.

Привычная жажда затопила меня, усиленная долгой разлукой.

Наслаждаясь нашей преступной любовью, сжимая её в объятиях, впитывая каждой клеточкой тела, упиваясь нашим слиянием, словно полётом, я думал о том, что не все сказки

ЛЖИВЫ.

Наша любовь с Синтией была столь же сильна, сколь и порочна.
И ей удалось невозможное — пережить смерть.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net